

# ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРИКАМЬЕ В 1920–1950 гг. ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ

Материалы

IV Всероссийской научно-практической конференции  
(Пермь, 30–31 октября 2019 г.)



Министерство культуры Пермского края  
Уполномоченный по правам человека в Пермском крае  
Государственное бюджетное учреждение культуры  
Пермского края  
«Мемориальный музей-заповедник истории политических  
репрессий “Пермь-36”»  
ФГБОУ ВО «Пермский государственный  
национальный исследовательский университет»

## **ТВОРЧЕСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПРИКАМЬЕ В 1920–1950 гг. ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ**

*Материалы  
IV Всероссийской научно-практической конференции  
(Пермь, 30–31 октября 2019 г.)*

Пермь 2020

УДК 94.470  
ББК 60.52  
Т25

Т25 **Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950 гг.**  
Личность и власть : материалы IV Всероссийской научно-практической конференции (Пермь, 30–31 октября 2019 г.). – Пермь : Изд-во Перм. нац. исслед. политехн. ун-та, 2020. – 153 с.

ISBN 978-5-398-02346-6

Издание включает в себя статьи историков, музейных работников и краеведов из Санкт-Петербурга, Сарапула, Игарки, Перми, Чердыни, Кунгура и Ильинского, посвященные непростым судьбам творческой интеллигенции во времена советской власти. Территория Прикамья и Пермского края для многих из них стала местом ссылки, тюремного или лагерного заключения. Творчество могло спасти человека в суровых условиях несвободы, как в физическом плане, так и в духовном. С одной стороны, художественные или архитектурные мастерские, лагерный театр, научные исследования давали возможность не идти на «общие» – часто ведущие к истощению и смерти – работы, сохранить и даже приумножить творческий талант. С другой стороны, именно представители творческой интеллигенции создавали идеологические клише и самые настоящие произведения, наполненные пропагандой нового строя, нового человека, что зачастую воплощалось в тех же лагерных художественных мастерских, в постановках культурно-воспитательной части и, конечно, в творчестве писателей, художников, поэтов на воле.

Пребывание представителей творческой интеллигенции на территории Прикамья и Пермского края значительно обогатило местную культуру, отразилось в их творчестве и судьбе. Через изучение творчества судеб конкретных людей исследователи выходят на общее понимание проблемы личности и власти в тоталитарном государстве и, особенно, творческой личности, часто не соответствующей жестким шаблонам и стандартам идеологии сталинизма.

Ответственный редактор Ю.З. Кантор,  
редактор-составитель С.А. Шевырин

УДК 94.470  
ББК 60.52

ISBN 978-5-398-02346-6

© ГБУК ПК «Мемориальный музей-заповедник истории политических репрессий “Пермь-36”», 2020

## СОДЕРЖАНИЕ

Обращение П.В. Микова к участникам конференции .....	5
Предисловие.....	7
<i>Кудрявцева Т.В.</i> Одиссея и Ultima Thule поэта, писателя, антиковеда Андрея Егунова (Николева).....	10
<i>Куртенок И.П.</i> Личность и власть во времена сталинских репрессий. Герой Советского Союза И.П. Яборов: страницы биографии .....	20
<i>Ревенко Л.В.</i> Юноше, обдумывающему житьё.....	26
<i>Шитова М.А.</i> Н.Е. Ончуков – классик русской фольклористики .....	37
<i>Подледнов Д.Д., Казанцева Е.Д.</i> Узник Усольяга: художественный язык К.П. Ротова.....	44
<i>Нечаев М.Г.</i> «Молотовский коктейль» образца 1943 г. в борьбе за повышение идейно-художественного уровня советской литературы .....	59
<i>Веденеев А.Р.</i> Влияние курса литературы в классической гимназии на формирование интеллигенции 20–50-х гг. XX в. ....	84
<i>Кантор Ю.З.</i> Билет на «философский пароход». Архивное следственное дело Михаила Осоргина .....	89
<i>Казаринова Н.В.</i> Архив Ф.М. Тольцинера как краеведческий и исторический источник.....	100

<i>Усольцева А.А.</i> «Мертвая дорога» и «Крепостной театр».....	108
<i>Елтышева Л.Ю.</i> Музеефикация темы «Трамбовское движение в Кунгуре в 20–30-е гг. XX в.» в Кунгурском музее-заповеднике .....	122
<i>Пятаева И.А.</i> Выставки «История в судьбах людей» (1990) и «Свет и тени XX века. Гомзиковы – история семьи» (2002) как первый опыт музейного освещения «закрытых» тем.....	135
<i>Шевырин С.А.</i> «Гнездо реакционной и прямо таки контрреволюционной профессуры» (Судьбы ученых-гуманитариев Пермского пединститута в 1930–1940-е гг.) .....	142



**Уважаемые организаторы и участники всероссийской научно-практической конференции «Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920-1950-е гг. Личность и власть»!**

Приветствую вас на конференции, посвященной обсуждению вопросов политической жизни российской интеллигенции в 1920-1950-е гг.

Российская интеллигенция, как и в любой стране, имея творческое начало, постоянно прибывает в поиске новых культурных кодов, которые привели бы к компромиссу между разноплановыми группами населения. Власть, конечно, имеет другую природу, устанавливая и регламентируя нормы поведения. Но именно эти две силы должны существовать в симбиозе и работать слаженно для достижения упорядоченности политической системы. В связи с этим интересно посмотреть, каким образом складываются взаимоотношения между этими, казалось бы, непримиримыми слоями – творческими силами и властью.

1920-е гг. отмечены переходом к форсированной модернизации, возрастанием идеологического фактора во всех сферах жизни.

Прежде всего, это обусловлено стремлением советского партийного руководства к разработке новой системы ценностей, вызванной переходом к социалистической культуре.

В 1920-начале 1930-х гг., когда зарождается новая пролетарская интеллигенция, определяется линия поведения по отношению к старой, буржуазной интеллигенции и постепенно ужесточается линия взаимодействия между ними.

1930-1950-е гг. – период пятилеток и Великой Отечественной войны, когда властью формируются способы контроля над интеллигенцией, появляются механизмы воздействия на нее, а также рождается новое поколение интеллигенции.

В 1920-е гг. не принявшие большевистский режим интеллигенты попали под политический контроль государства. Но наиболее жестокой формой контроля и воздействия на интеллигенцию были ссылки в лагеря для политических заключенных, а также расстрелы тех, кто не эмигрировал. Этот горький опыт, безусловно, повлиял на становление и формирование советской интеллигенции в указанный период. Но не стоит недооценивать вклад в развитие культуры, науки, образования творческих личностей, прошедших через все трудности и перипетии жизни в Советской стране.

С историями советских интеллигентов можно ознакомиться и в книге «Остаться человеком в любых обстоятельствах». В ней содержатся очерки о таких деятелях, как Е. Н. Гейденрейх, Л. Е. Кертман, О. Э. Мандельштам, В. Т. Шаламов и о других известных личностях.

Тематика взаимодействия власти и культуры, представленной творческой интеллигенцией, является интересным предметом для дискуссии. Данная конференция позволит не только обогатить знания и опыт, но и почтить память тех, кому пришлось пережить это непростое время.

С уважением и пожеланиями успехов в работе конференции, а также конструктивной и плодотворной дискуссии всем участникам.

Миков Павел Владимирович,  
Уполномоченный по правам человека в Пермском крае

## ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2019 г. состоялась четвертая научно-практическая конференция, организованная и проведенная Мемориальным музеем-заповедником истории политических репрессий «Пермь-36». Время проведения конференции было приурочено к Дню памяти жертв политических репрессий (30 октября). Участниками конференции стали 14 исследователей – представителей вузов и музеев Санкт-Петербурга, Сарапула, Игарки, Перми, Кунгура, Чердыни. Конференция была поддержана Уполномоченным по правам человека в Пермском крае П.В. Миковым, что, несомненно, усилило правозащитный акцент конференции, выразившийся в сохранении памяти о жертвах политических репрессий. «Тематика взаимодействия власти и культурного пласта, представленного творческой интеллигенцией, является интересным предметом для дискуссии. Данная конференция позволит не только обогатить знания и опыт, но и почтить память тех, кому пришлось пережить это непростое время», – отметил в своем приветственном слове П.В. Миков.

Вопросы, рассмотренные на конференции «Творческая интеллигенция в Прикамье в 1920–1950-е гг. Личность и власть», охватили широкий круг проблем, связанных с судьбами представителей творческой интеллигенции, попавших на территорию Прикамья и Пермского края. Территория Пермского края с дореволюционных времен была местом ссылки и тюремного заключения, в том числе по политическим мотивам. Советская власть продолжила эту традицию, сначала ссылая на север края политических ссыльных, а затем создав здесь отделение Соловецкого лагеря особого назначения, ставшего впоследствии Вишерским лагерем особого назначения. Именно этот лагерь стал одной из первых «опытных площадок» будущего ГУЛАГа, на которой выработывались основополагающие принципы труда и быта заключенных, стратегии «перековки», организации их жизни, путей выживания, а в некоторых случаях – и сопротивления. С одной стороны, шло становление репрессивной системы с институтами «перевоспитания» – «КВЧ» (культурно-воспитательная часть), трудовое соревнование и наглядная агитация, а с другой стороны – «КВЧ» могло быть творческой «отдушиной», а порой – центром сохранения гуманистических ценностей, творческого начала и духовного сопротивления бесчеловечной действи-



тельности. Через лагеря и ссылку в Прикамье прошли многие представители творческой интеллигенции.

Ссылочно-лагерный опыт, полученный на территории Прикамья, был творчески осмыслен в литературно-художественных произведениях, зачастую дошедших до читателя лишь в самиздате, или изданных в период «оттепели» и постсоветское время. Увы, значительная часть рефлексии по поводу пережитого сохранилась лишь в эпистолярном наследии, еще требующем изучения. Вышедшие из лагерей и колоний политзаключенные часто не могли вернуться домой и оставались в Прикамье. Известны имена и вклад в культуру Прикамья нескольких таких людей – архитектора Филиппа Тольцинера, балерины Екатерины Гейденрейх. А о жизни, судьбе и творчестве скольких мы не знаем? Еще одна важная проблема, нуждающаяся во всестороннем осмыслении, – это региональная власть и творческая интеллигенция – местная и попавшая в наш край не своей воле.

С начала 1990-х гг. на территории Прикамья появляются памятники и создаются музеи, посвященные теме политических репрессий, ведутся научные исследования. Проблема музеефикации этой болезненной темы, распространения знаний по «сложным вопросам» истории советского времени и просветительской деятельности, направленной на честное освещение проблематики политических репрессий остается по-прежнему актуальной.

Большинство докладов было основано на малоизученных источниках – архивных, мемуарных, музейных – и раскрывает заявленную проблематику с новых, часто неожиданных сторон, что вызывало живой интерес и вопросы слушателей.

Особенностью конференции стало то, что ее представительную научную часть дополняли научно-популярные мероприятия. Среди них – лекция в рамках просветительской дискуссионной площадки «КВЧ» доктора экономических наук Е.Ш. Гонтмахера «Принудительный труд в Советском Союзе: перегибы строительства коммунизма или неотъемлемая часть системы?» и открытие выставки «Спасти человека» (куратор выставки Ю.З. Кантор, д-р ист. наук, главный научный сотрудник ИВИ РАН) в помещении медсанчасти музея-заповедника. Выставка рассказывает о трагической судьбе врача, выпускника Омского мединститута А.М. Пантюхова, которого знаменитый писатель В.Т. Шаламов считал своим другом и спасителем. Главный герой провел в лагере и ссылке около 20 лет,

но смог сохранить в самом себе Человека и Врача, не «растворившись» в ГУЛАГовской реальности. Он под своим именем стал прототипом главного героя нескольких «Колымских рассказов» Шаламова.

Сборник материалов конференции, представленный вниманию читателей, станет весомым вкладом в изучение сложной темы взаимоотношений власти и творческой интеллигенции, творчества в условиях исправительно-трудового лагеря и жесткой тоталитарной системы. И, конечно, хотелось бы надеяться, что традиция ежегодных научно-практических конференций под эгидой Мемориального музея-заповедника истории политических репрессий «Пермь-36» в дальнейшем укрепится и станет значимой для научного и музейного сообщества страны.

Ю.З. Кантор, С.А. Шевырин

## ОДИССЕЯ И ULTIMA THULE ПОЭТА, ПИСАТЕЛЯ, АНТИКОВЕДА АНДРЕЯ ЕГУНОВА (НИКОЛЕВА)

*Т.В. Кудрявцева,  
профессор, доктор исторических наук,  
Российский государственный педагогический  
университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург  
tatyana@yandex.ru*

**Аннотация.** А.Н. Егунов известен антиковедам как филолог-классик, переводчик античной литературы и автор замечательной книги «Гомер в русских переводах», а любителям словесности и русской литературы – как поэт и писатель Андрей Николев. В статье на основе опубликованных воспоминаний о Егунове, документов из его личного архива, хранящегося в настоящее время в частной коллекции, архива ERR, а также материалов следственных дел 1933 и 1946 г. реконструируются некоторые драматические моменты его судьбы, во многом типичной для русского интеллигента и творческой личности при тоталитарном режиме.

**Ключевые слова:** Андрей Егунов (Николев); интеллигенция; репрессии; Великая Отечественная война; коллаборационизм; ГУЛАГ.

## ODYSSEY AND ULTIMA THULE OF THE POET, WRITER, CLASSICAL SCHOLAR ANDREW EGUNOV (NIKOLEV)

*T.V. Kudryavtseva,  
Professor, Doctor of History, Herzen State Pedagogical University,  
St. Petersburg  
tatyana@yandex.ru*

**Summary.** A.N. Yegunov is known to classical scholars as a classical philologist, translator of ancient literature and author of the book «Homer in Russian translations», and to lovers of Russian literature – as a poet and writer Andrey Nikolev. The article is based on the published memoirs about Yegunov, documents from his personal archive, currently kept in the private collection, as well as materials of the ERR archive and investigation files of 1933 and 1946. Some dramatic moments of his fate, in many respects typical

for the Russian intellectual and creative person under the totalitarian regime, are reconstructed.

**Keywords:** Andrei Egunov (Nikolev); intellectuals; purges; Great Patriotic War; collaborationism; Gulag.

Андрей Николаевич Егунов известен антиковедам как филолог-классик, переводчик античной литературы и автор замечательной книги «Гомер в русских переводах», а любителям словесности и русской литературы – как поэт и писатель Андрей Николев, автор сборника стихов «Елисейские радости», романа «По ту сторону Тулы» и поэмы «Беспредметная юность». Значительная часть того, что написал Николев, пропала: роман «Василий Остров», поэмы «В окрестностях любви», «Аничков мост», «Ифигения в Авлиде» и др.

Творчество Егунова-Николева, как не раз отмечалось исследователями, наполнено античными реминисценциями [13]. Но и в его судьбе – а это типичная судьба русского интеллигента постреволюционной России, полная мытарств и «хождений по мукам», – также отразились некоторые известные античные сюжеты. Егунов сам сравнивал себя с Одиссеем [11, с. 360] – только странствия грека длились 20 лет, а Егунова – 23, с 1933 по 1956 г. Единственный опубликованный в СССР при жизни автора (в 1931 г.) роман назывался «По ту сторону Тулы», жанр его Николев определил как «советская пастораль». О крайней Фуле упоминал древнегреческий мореплаватель Пифей (IV в. до н.э.) в недошедшем до нас сочинении «Об Океане». Уже в римскую эпоху Фула представлялась полусказочной страной, краем света. У Егунова была своя *ultima Thule*: места его сибирской ссылки и лагерей – Ивдельлаг и Степлаг.

А.Н. Егунов родился в 1895 г. в Ашхабаде, в семье полковника Николая Андреевича Егунова. С 1903 г. его отец служил в Кронштадте и Петербурге, куда и переехала семья. С 1905 по 1913 г. Егунов учился в Тенишевском училище, затем поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Окончив классическое отделение в 1918 г., он подает прошение о зачислении на славяно-русское отделение, где проучился примерно год, параллельно посещая занятия по романо-германской филологии<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Биографические сведения в статье приводятся либо по биографическим очеркам в изданиях произведений Егунова [9; 10; 11], либо по документам из его личного архива, хранящегося у наследников В.И. Сомсикова.

После окончания обучения Егунов был оставлен при университете и продолжал заниматься у профессора С.А. Жебелева до 1923 г. В этом же году появилась его первая публикация – перевод «Законов» Платона: в 27 лет он перевел сложный философский текст и перевел превосходно. Академическая карьера начиналась блестяще. Однако в условиях коренной перестройки всей системы образования новой властью, притом, что классическое образование пало едва ли не первой жертвой этих реформ, найти постоянную работу классику-филологу было непросто. На жизнь себе Егунов зарабатывал тем, что преподавал русский и немецкий языки на рабфаке Горного института, не отказываясь и от других подработок.

Классической филологией Егунов продолжает заниматься на досуге, сочетая с дружеским общением: в конце 1922 г. группа молодых людей – Андрей Егунов, Александр Болдырев, Аристид Доватур, Андрей Миханков – решили собираться по очереди друг у друга, читать и переводить древнегреческих авторов, назвав себя группой АБДЕМ (А – первая буква в именах участников, БДЕМ – первые буквы их фамилий). Егунов предложил заняться переводами древнегреческих романов [11, с. 357]: сначала друзья перевели роман Ахилла Татия «Левкиппа и Клитопонт» (1925), затем – «Эфиопику» Гелиодора (издана в 1932 г.). Членам кружка не чужда была и поэзия – как древняя, так и современная. Егунов пробовал писать стихи еще в гимназии, а в тенишевские годы он вместе со своим однокашником Николаем Васильевым написал шуточную поэму «Филомелу», пародию на Сумарокова. Увлеченности поэзией способствовала и атмосфера, царившая тогда среди научной и творческой ленинградской интеллигенции – последние отблески Серебряного века, – и круг тех людей, с которыми общались абдемовцы. Друзья познакомились с поэтом М. Кузминым: известно, что Кузмин высоко ценил Егунова как писателя и поэта [8, с. 260]. Константин Вагинов, поэт и автор модернистских романов, одно время даже принимал участие во встречах кружка АБДЕМ и учил греческий с Егуновым, с которым подружился. Знаком был Егунов и с М. Волошиным, которого в 1929 г. навещал в Коктебеле. Летом 1928 г. Егунов берет псевдоним Николев, а с 1929 г. он так подписывает все свои тексты. Выбор фамилии поэта и драматурга второй половины XVIII в. Николая Николева

в качестве псевдонима объясняется интересом Егунова к сатирической поэзии той эпохи, особенно к творчеству авторов «второго ряда» [11, с. 357].

Авторы воспоминаний о Егунове приводят такую деталь: друзья, которые навещали Егунова на его квартире в конце 20-х – начале 30-х гг., лицезрели развешанные по стенам портреты большевистских вождей [4, с. 676; 7]. Т.Л. Никольская (со слов поэта-переводчика Ивана Алексеевича Лихачева) свидетельствует: «В последнем романе Вагинова “Гарпагониана” Андрей Николаевич выведен под именем Локонова, менявшего большие комнаты на меньшие. Вырученные деньги он тратил на книги или пропивал. Однажды после очередного обмена Егунов встретил на улице своих друзей и пригласил взглянуть на новое жилье. Все стены вместо обоев были обклеены фотографиями Сталина и членов Политбюро. Заметив удивление друзей, Андрей Николаевич сказал: “Всегда нужно помнить, где ты живешь”» [12, с. 232].

Над полубогемной, полунаучной жизнью, которую вел тогда Егунов, постепенно стали сгущаться тучи. Властное око периодически обращалось в сторону занимавшейся подозрительными творческими экспериментами «постпетербургской» интеллигенции, особую тревогу вызывали расплодившиеся различные кружки – философские, поэтические, исторические, литературоведческие, религиозно-богословские и т.п. Еще в 1928 г. были арестованы и обвинены в антисоветской деятельности абдемовцы Болдырев и Миханков (по делу религиозно-философского кружка «Братство Серафима Саровского»). Для Егунова призрак не вымышленной, а подлинной Фулы замаячил в 1933 г., когда 20 января он был арестован. Поводом для ареста было присутствие на собраниях кружка «Осьминог», проходивших на квартире литератора Дмитрия Максимова. Егунов пару раз посетил их, а один раз прочел отрывок из своего романа «Василий Остров» [1, л. 129]. При обыске забрали три экземпляра «По ту сторону Тулы» и «9 маленьких папок с различного рода рукописями» [1, л. 126] – рукописи, может быть, и не горят, но пропадают в подвалах Большого дома или Лубянки... Сей литературный кружок стал частью большого дела, сфабрикованного Ленинградским ОГПУ «Следственного дела № 169-33 подпольных народническо-эсеровских ячеек, руководимых “Идейно-организационным центром Народнического движения”» (так называемое дело Иванова-Разумника) [2, л. 330].

Тройка ПП ОГПУ в ЛВО 21 апреля 1933 г. по статье 58–11 вынесла ему приговор: высылка в Западно-Сибирский край – на три года [2, л. 472]. Отбывать ссылку Егунова отправили в сибирское село Подгорное. Режим ссылки был тогда еще достаточно мягким: наш герой смог устроиться на работу на рабфак Томского университета преподавать немецкий язык, он ходил в библиотеку, посещал театр. Но после убийства Кирова ситуация изменилась, и ссылкой стало тяжело свободно передвигаться по назначенному приговором региону [9, с. 20]. Егунов возвратился в Подгорное, где переработал свою поэму «Беспредметную юность». В письме к А.Н. Гипси от 19 февраля 1956 г. (личный архив А.Н. Егунова) он вспоминает, что «в деревне, кл-в так 200 от Томска, я зарабатывал игрой на фисгармонии (!) как иллюстратор кино». После отбытия ссылки Андрей Николаевич съездил ненадолго в Ленинград повидать жену и мать, а затем вернулся в Томск, проработав там еще два года – ему посоветовал затаиться в Сибири его учитель, академик С.А. Жебелев [14, л. 167об.].

Так как будучи пораженным в правах Егунов не мог вернуться в Ленинград, он решает поселиться вместе с матерью в Новгороде. Он преподает иностранные языки в вечерней школе для взрослых; позже (в конце весны или начале лета 1941 г.) к семье присоединяется освободившийся из лагеря младший брат – моряк, филолог и писатель Александр Егунов (литературный псевдоним Котлин). В 1940 г. Андрей Николаевич получил место старшего преподавателя на кафедре классической филологии Ленинградского университета – вел занятия по греческому и латыни, ради чего приезжал из Новгорода. Ежедневные поездки давались довольно тяжело. В письме к А.Н. Гипси (от 4 марта 1956 г.) он так вспоминает новгородский год: «Тогда я метался между женой Тamarой в Питере и мамой в Новгороде – и там и там был уход и ласка, все же утомительно бывало выезжать из Новгорода в 3 часа ночи, чтобы к 8 попасть в Питер, там провести 6–8 занятий, а в 12 ч ночи выехать обратно в Новгород». 6 июня 1941 г. Егунов был отчислен из университета в связи с отказом в прописке.

Новгород перед войной являлся пристанищем многих бывших петербуржцев. Андрей Николаевич коротко общался там со ссылкой с сестрами Зинаиды Гипсиус – Татьяной и Натальей, с религиозным философом С.А. Аскольдовым и историком церк-

ви, врачом-психиатром, религиозным философом И.М. Андреевским. Еще одним новгородским приятелем стал писатель Б.А. Филиппов (Филиппов).

С началом войны Егунов оказался на оккупированной территории: 15 августа 1941 г. Новгород захватили немцы. В последние годы появился целый ряд исследований о жизни советских людей в период оккупации, о коллаборационизме – когда вынужденном, когда идейном, когда вынужденно-идейном. Историк Борис Ковалев в книге «Нацистская оккупация и коллаборационизм в России, 1941–1944 гг.» называет в качестве одного из организаторов городской управы в оккупированном Новгороде Александра Николаевича Егунова [5, с. 39]. Далее он так описывает деятельность А.Н. Егунова (приводятся только инициалы): в качестве руководителя отдела народного образования тот и его сотрудники просматривали библиотечные фонды, изымая оттуда для уничтожения работы классиков марксизма, советских руководителей, произведения писателей еврейской национальности [5, с. 41, 407, со ссылкой на следственные дела АУФСБНО д. 1 А/14519. л 121, 46; д. 43689. л. 146 об.]. В интервью газете «Культура» историк рассказывает о коллаборационистской деятельности «поэта Александра Егунова, творческий псевдоним Андрей Николаев»: «В сферу его интересов входило распространение профашистских газет на русском языке, популяризация взаимоотношений средневекового Новгорода и Германии как членов Ганзейского союза, чтение лекций и показ картин о жизни процветающей Германии, ревизия библиотечных фондов» [6]. Борис Николаевич, очевидно, путает братьев – Александра и Андрея. Александр руководил отделом народного образования, и именно его допрашивали по тому самому делу, которое изучал в архиве новгородского ФСБ Ковалев, осудили за сотрудничество с оккупантами в 1947 г. и амнистировали в 1955 г. по известному указу 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Что же Андрей?

Своим друзьям и коллегам, а также на допросе по своему делу в 1946 г. Егунов рассказывал, что осенью 1941 г. его вывезли из Новгорода на работу в Германию. Пробыв в пункте временного размещения в Риге до середины декабря, в январе 1942 г. он был доставлен в г. Нойштадт, где стал работать лаборантом на заводе



по производству сгущенного молока. В письме к А.Н. Гипси от 2 октября 1955 г. он пишет, что работа была ему «не по нутру, ... зато мы с мамой никогда не голодали». Однако архивные документы из киевской части архива Оперативного штаба рейхслайтера Розенберга (ERR)<sup>1</sup> побуждают внести коррективы в вышеназванную версию, которая приводится во всех опубликованных биографических очерках и воспоминаниях о Егунове. Андрей Николаевич дважды упоминается в отчете за период с 25.02.1942 г. по 04.03.1942 г. новгородской зондеркоманды в качестве переводчика при коменданте гарнизона [16, л. 556, 561]. Из документа псковской зондеркоманды «Список лиц, отобранных для оценочной работы и проживающих за пределами Пскова» (предположительная датировка – июнь 1943 г.) также следует, что Егунов работал переводчиком [15, л. 178]<sup>2</sup>. Таким образом, в Германию Егунов попал едва ли раньше 1943 г., а может и позже, и не исключено, что с отступавшими немцами.

На молокозаводе он работал до весны 1945 г., пока в Нойштадт не пришли английские войска, а затем и советские офицеры, занимавшиеся репатриацией остарбайтеров. Вместе с матерью Егунов оказался в Берлине, где преподавал примерно год немецкий язык для советских танкистов. Узнав в сентябре 1946 г. о том, что его отправляют в фильтрационный лагерь для репатрируемых советских граждан, и предвидя, что его ожидает, Андрей Николаевич переходит в американскую зону оккупации Берлина. Четыре дня он проведет на свободе, на эти дни пришелся и его 51-й день рождения, но 29 сентября его арестовали американские власти и 5 октября выдали советскому командованию в лице «капитана Халифа и старшего лейтенанта Ализаде» [3, л. 2]. 13 декабря 1946 г. военная прокуратура 8-й Гвардейской армии приговорила Егунова к лишению свободы сроком на 10 лет и поражению в правах на пять лет на основании ст. 58-1 «а» УК РСФСР [3, л. 8], т.е. он получил минимальное по статье об измене Родине наказание, допустимое при смягчающих обстоятельствах.

---

<sup>1</sup> Впервые на эти документы обратил внимание и даже опубликовал два из них в своем ЖЖ писатель и историк, изучающий русскую эмиграцию и историю коллаборационизма, И.Р. Петров [17].

<sup>2</sup> Андрей Егунов упоминается также в [15, л. 100, 166].

25 марта 1947 г. А.Н. Егунов прибыл в Ивдельлаг, а 13 ноября 1950 г. его отправили в исправительно-трудовой лагерь Новостройки, станция Экибастуз (Степлаг)<sup>1</sup>, так как вскоре (в 1951 г.) Ивдельлаг был расформирован. В личном архиве Егунова сохранились два его письма из Ивдельлага, адресованные младшему коллеге, классику-филологу Я.М. Боровскому. В письме от 22 ноября 1947 г. он пишет о том, какую радость доставил ему присланный Боровским Шекспир: «Теперь я обеспечен чтением, и притом самым любимым чтением». Он просит коллегу писать обо всех «подробностях филологической жизни», говоря, что для него это отдушина в другой мир: «Живу по большей части воспоминаниями». Рассказывает немного и о своей лагерной жизни: «Вид на холмы, покрытые тайгой, бывает очень хорош на восходе и закате солнца. Пушистый снежный покров тоже меня радует – я не видел снега несколько лет». Пишет, что «без малого восемь месяцев» провел в больнице, и как инвалид (сердце) «не привлекался к обязательным работам», поступив на «канцелярско-счетоводную должность».

Последний год до освобождения, который Андрей Николаевич провел в лаготделении в Теректах, и физическое, и психологическое его состояние были сложными – о будущем он думал безрадостно, с безнадежностью. Он не знал, что будет реабилитирован, поэтому считал, что Ленинград для него заказан из-за поражения в правах. Даже тюрьма казалась не так страшна, как то, что ждало его на воле: «А от мира отвык, ни кола, ни двора, т.е. ни одеяла, ни ложки, ни плошки. И – самое главное – никакой охоты жить» (из письма к А.Н. Гипси от 24 марта 1956 г.).

Однако Егунову повезло, как и раньше не раз везло: подобно Одиссею его вели и хранили – судьба ли, боги? Самые страшные годы, когда ленинградскую интеллигенцию выкашивал террор «ежовщины», он провел в Сибири. Он не раз говорил, что если бы остался в Ленинграде, наверняка не пережил бы блокады. В Степлаге его нашла Анна Николаевна Гипси, сестра его умершего от голода друга Коли Васильева: он стал с ней переписываться, и у него появилось то место, где его ждали, куда он мог приехать, пусть это была только комната в коммунальной квартире на

---

<sup>1</sup> Даты указаны в ответе помощника прокурора Свердловской области на запрос Е.Л. Пинегиной [13, с. 5].

ул. Петра Лаврова, в которой Анна Николаевна жила с двумя сыновьями. В апреле 1956 г. в Теректы приехали представители комиссии Президиума Верховного Совета, и 25 апреля, за пять дней до окончания срока, Егунова освободили со снятием судимости – т.е. он был полностью реабилитирован. Сначала он собирался ехать в Караганду – «ввиду престарелости и бездомности, в дом инвалидов, с использованием вместе с тем на преподавательской работе» (из письма к А.Н. Гипси от 14 мая 1956 г.). Жизнь в карагандинском доме престарелых стала бы новым кругом ада, не сулила никакого возвращения к науке и творчеству и едва ли продлилась бы долго. Но Егунов-Николев смог собраться с духом и пуститься в свой обратный путь, в Ленинград, завершая вынужденное странствие. Одиссеей вернулся домой – из самого царства Аида.

### Список литературы и источников

1. АУФСБ СПб ЛО. П-66793. Т. 1.
2. АУФСБ СПб ЛО. П-66793. Т. 4.
3. АУФСБ СПб ЛО. П-79052. Ф. К-1. Оп. 1.
4. Гаврилов А.К. Журфиксы на Весельной // Тыняновский сборник. 1998. Вып. 10. С. 672–678.
5. Ковалев Б.Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944. М.: АСТ, 2004.
6. Ковалев Б.Н. Ценные люди Третьего Рейха: через их руки прошли реликвии древнего Новгорода / беседа вела Е. Анженкова // Культура. 2002. № 29 (7336), 18–24 июля. С. 4.
7. Кондратьев В.К. Испытанное постоянство [Электронный ресурс] // Василий Кондратьев. Последние тексты. URL: <https://www.colta.ru/articles/literature/13690-vasiliy-kondratiev-poslednie-teksty> (дата обращения: 10.08.2019).
8. Кузмин М. Дневник 1934 года / под ред., вступ. статья и примеч. Глеба Морева. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 1998. 415 с.
9. Маурицио М. «Беспредметная юность» А.Н. Егунова: текст и контекст. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. 254 с.
10. Морев Г.А. Андрей Николев: материал для стилистики // Андрей Николев. Елисейские радости. М.: ОГИ, 2001. С. 5–8.
11. Морев Г.А., Сомсиков В.И. Андрей Николаевич Егунов: канва жизни и творчества // Николев А. (Егунов А.Н.). Собрание произведений / под ред. Глеба Морева и Валерия Сомсикова. Wien:

Peter Lang, 1993 (Wiener slawistischer Almanach. Sonderband 35). С. 354–361.

12. Никольская Т.Л. Из воспоминаний об Андрее Николаевиче Егунове // Звезда. 1997. № 7. С. 231–234.

13. Пинегина Е.Л. Историко-литературные контексты творчества А.Н. Егунова: дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2009. 170 с.

14. СПбФРАН. Ф. 729. Оп. 2. Д. 171.

15. ЦДАВО. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 127.

16. ЦДАВО. Ф. 3676. Оп. 1. Д. 149.

17. labas (Игорь Петров). Комментарии [Электронный ресурс] // Живой Журнал labas. Запись от 28.02.2011. URL: <https://labas.livejournal.com/889938.html?thread=15533906#t15533906> (дата обращения: 15.08.2019).

## ЛИЧНОСТЬ И ВЛАСТЬ ВО ВРЕМЕНА СТАЛИНСКИХ РЕПРЕССИЙ. ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА И.П. ЯБОРОВ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

*Е.П. Куртенок,*

*экскурсовод,*

*Чердынский краеведческий музей*

*им. А.С. Пушкина, Чердынь*

*kurtenok-e@mail*

**Аннотация.** На основе материалов Чердынского краеведческого музея рассматриваются события, происходившие в г. Чердыни в 1930-е гг. в отношении некоторых партийных деятелей. Статья посвящена новым фактам в биографии Героя Советского Союза Ивана Петровича Яборова. Показывается отношение местных партийных властей к человеку, который указывал на ошибки в их работе по проведению в жизнь политики партии и правительства.

**Ключевые слова:** комсомол; партия; руководство; обком; райком; исключение; инструктор; организация.

## PERSONALITY AND POWER DURING STALIN'S REPRESSIONS. HERO OF THE SOVIET UNION I.P. JABOROV: THE BIOGRAPHY

*E.P. Kurtenok,*

*guide of the*

*Cherdyn Museum of local lore. A.S. Pushkin, Cherdyn*

*kurtenok-e@mail*

**Summary.** Based on the materials of Cherdyn Museum of local lore, the events that took place in the city of Cherdyn in the 1930s in relation to some party leaders are considered. The article is devoted to new facts in the biography of the Hero of the Soviet Union Yaborov Ivan Petrovich. Shows the attitude of local party authorities to the person who pointed out the mistakes in their work to implement the policy of the party and the government.

**Keywords:** komsomol, party; governance; regional; district; exception; instructor; organization.

Советские политические репрессии – один из трагических этапов в истории нашей страны. Сотни тысяч поломанных судеб, перечеркнутых жизней советских людей можно записать в анналы истории Советского Союза. Трагедия для народа страны одна, а причины ее у каждого пострадавшего от репрессий свои. Людей раскулачивали, обвиняли в шпионаже и контрреволюционной деятельности, в подготовке подрывных групп, выселяли по национальному признаку, писали ложные доносы, сводили личные счеты, используя обстановку того времени. Тысячи граждан были необоснованно подвергнуты репрессиям, отправлены в исправительно-трудовые лагеря, в ссылку и на спецпоселения, приговорены к высшей мере наказания. Репрессиям подвергались ученые, рабочие, колхозники, военные, учителя, руководители учреждений и предприятий, комсомольцы и коммунисты. Клеймо «враги народа» получали целые семьи.

Не обошли репрессии и Героя Советского Союза Ивана Петровича Яборова. Его жизнь складывалась непросто. Это был человек неординарный, целеустремленный, стремившийся к самосовершенствованию, мог увлечь и повести за собой молодежь к новой социалистической жизни. Личность упорная и стойкая, Иван Петрович проявил характер в борьбе за справедливость с местной властью, представители которой, пользуясь своим преимуществом строителей новой жизни, ломали судьбы людей в угоду личным амбициям. Они не терпели никакой критики в отношении своей деятельности и освобождались от тех, кто посмел открыто выступить против них.

И.П. Яборов родился 25 сентября 1910 г. в крестьянской семье в селе Нижняя Язьва Чердынского уезда (ныне Красновишерский район). В 1924 г. окончил школу второй ступени в своем селе. В это время отец ушел из семьи, и дальше учиться у подростка не было возможности. Он вместе со старшими братьями стал заниматься лесозаготовками и сплавом по найму. Было у них и свое крепкое хозяйство. В 1925 г. И. Яборов стал комсомольцем. Его привлекала активная деятельность комсомольцев: митинги и собрания, общественные поручения, антирелигиозные спектакли и постановки в помощь голодающим. Он много времени уделял самообразованию, старался как можно больше прочесть агитационной литературы, вникнуть в смысл политики советского госу-

дарства. Несмотря на свой юный возраст, он проводил беседы на основе прочитанного среди взрослого населения. В апреле 1929 г. И. Яборов пошел учиться – поступил на шестимесячные курсы школы ФЗУ Вишерского лесопильного завода. Это была возможность получить хорошую рабочую специальность – брокера пиломатериала – и работать на этом же заводе. Молодой специалист участвовал в строительстве Вишерского ЦБК. Когда в селе был организован промколхоз в мае 1930 г., И.П. Яборов вместе с матерью и старшим братом вступили в колхоз, но он продолжил работать на производстве.

И.П. Яборова привлекала общественная работа, которой он отдавал все свободное время. Член общества МОПР и профсоюза, председатель ячейки общества ОСОАВИАХИМ, заведующий домом молодежи – далеко не полный перечень общественных занятий комсомольца Яборова. Кроме этого, постановка и участие в спектаклях и пьесах «на злобу дня», общественные читки и краеведческая работа, участие в субботниках и воскресниках. Его уважали не только сверстники, но и взрослые, умудренные жизнью мужики. Такая активная общественная деятельность И.П. Яборова была замечена и оценена. «В 1931 году 19 ноября по решению Чердынского РК ВЛКСМ меня переводят работать в Чердынский РК ВЛКСМ для работы культпропагандистом», – писал в своей автобиографии Иван Петрович [1, л. 3]. В 1932 г. он вступил в члены ВКП(б). В этом же году окончил трехмесячные курсы партактива в городе Свердловске.

В ноябре 1932 г. И.П. Яборов был призван в ряды Красной армии. Он проходил службу в Дальневосточной Краснознаменной армии в 76-м Карельском стрелковом полку в городе Ворошилове (ныне Уссурийск Приморского края). Во время службы «был избран секретарем ротной ячейки, редактором газеты “Ильичевка”, в 1934 г. избран партгоргом учебной роты. В 1933 г. прошел партийную чистку, в заключение которой было сказано “считать проверенным”» – из автобиографии И.П. Яборова [1, л. 3]. Демобилизовался он в октябре 1935 г. и с декабря этого же года стал работать пропагандистом Чердынского РК ВКП(б).

В феврале 1936 г. молодого коммуниста назначают заведовать отделом политучебы Чердынского РК ВЛКСМ. Много времени и внимания он уделяет воспитанию молодежи: организует кружки,

читает лекции и проводит беседы на злободневные темы, посещает все городские молодежные мероприятия, контролирует и направляет работу ячеек. У И.П. Яборова прекрасно складывалась партийная карьера, его ценили и уважали сослуживцы. Это был грамотный, добросовестный, принципиальный, прямой и честный человек.

Наступил 1937 г., в стране в очередной раз разворачивалась борьба с врагами народа. Казалось бы, пройдя чистку еще в рядах РККА, Иван Петрович мог спокойно жить и работать. Но в августе 1937 г. его исключают из членов партии и по решению бюро Чердынского РК ВЛКСМ снимают с должности завотделом политучебы Чердынского РК ВЛКСМ. Это был неожиданный удар со стороны местного партийного руководства.

Не чувствуя за собой никакой вины, 15 августа 1937 г. И.П. Яборов пишет заявление о рассмотрении его дела на бюро Свердловского обкома ВКП(б). 5 сентября пишет заявление на бюро Чердынского РК ВКП(б) о рассмотрении его дела. Дело затягивалось, ответов на его письма не было. 14 сентября он повторно написал заявление в Свердловский обком партии, а 4 октября 1937 г. – письмо в редакцию газеты «Правда» и копию отправляет уполномоченному комиссии партконтроля по Свердловской области. Еще ранее в эту же комиссию он направил заявление с просьбой разобраться в причинах молчания обкома. В письме Иван Петрович подробно написал, что явилось причиной исключения его из партии с последующим увольнением с работы. Исключили из партии и сняли с работы Яборова по инициативе секретаря Чердынского РК ВКП(б) Согрина и секретаря РК ВЛКСМ Славина. И Славина, и Согрина Иван Петрович часто критиковал за их методы работы и недалекость. «Во время выборов РК я выступал с отводом его кандидатуры из состава РК ВКП(б), за это Согрин и его приспешники лишили меня партбилета. А сейчас он дал задание организациям не принимать меня на работу, а других источников существования у меня нет», – писал в письме в газету И.П. Яборов [1, л. 3]. «Раз ты исключен из членов ВКП(б), стало быть, ты не можешь у нас работать и конюхом. Так мне отвечал руководитель лесдревпромсоюза Якушев, напуганный Согриным. О стиле руководства Согрина я писал ранее в газету, и эти материалы из газеты отправляли на расследование Согрину же. Поэтому он хочет расчитаться со всеми теми, кто его критиковал и критикует», – сообщал Иван Петрович в обком [1, л. 4].



Яборову вменили в вину и то, что в 1917–1918 гг. его отец якобы выступал против советской власти – активно помогал белым. Об этой стороне жизни отца Иван Петрович узнал только в связи с исключением его из рядов партии. Он писал в своем заявлении в райком партии: «Я не знал, что отец сотрудничал с белыми, мне тогда было 7–8 лет. Отец не рассказывал об этом, может умышленно. И не только он не говорил, но и другие тоже не рассказывали. А потом отец ушел из семьи, и мы с ним не общались с 1925 по 1936 г. Он стал врагом всей нашей семье. А меня из партии исключили из-за действий отца. Я с ним не воспитывался и не жил, меня воспитала партия – комсомол» [2, л. 3].

25 августа 1937 г. Яборов побывал в селе Нижняя Язьва, взял справку в сельсовете о социально-имущественном положении семьи, поговорил со стариками об отце. Те ничего не смогли рассказать о помощи его отца белым, так как не помнят, чтобы он сотрудничал с ними. Два месяца Иван Петрович пытался устроиться на работу, но его нигде не принимали. Семья с двумя маленькими детьми осталась без средств существования. В это время умирает его маленькая дочь, болеет жена Мария Дмитриевна. Косые взгляды соседей и знакомых, нежелание бывших сослуживцев общаться с ним, несправедливость и безденежье усугубляли состояние Ивана Петровича и жизнь семьи. Наконец, в октябре 1937 г. его приняли в детский дом «завтранспортом подсобного хозяйства», в ноябре перевели на должность экспедитора детского дома. Все это время Иван Петрович ждал вызова или каких-то действий со стороны обкома партии. И Свердловский обком разобрался в деле Ивана Петровича. После нескольких месяцев терзаний и ожидания его восстановили в партии. Произошли изменения и в партийной работе. «Назначен Чердынским РК ВКП(б) инструктором РК ВКП(б). Основание – Решение бюро Чердынского РК ВКП(б)», – запись в трудовом списке Ивана Петровича от 8 января 1938 г. [3, л. 4]. Позднее он был избран вторым секретарем райкома ВКП(б) и в этой должности проработал до призыва на фронт.

Иван Петрович ушел на войну в ноябре 1941 г. В начале 1942 г. окончил курсы политработников. Служил заместителем командира по политической части моторизованного батальона автоматчиков 3-й Гвардейской танковой бригады. Гвардии майор Иван Яборов погиб во время уличных боев в городе Вильнюсе

9 июля 1944 г. В марте 1945 г. ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Так героически закончился его земной путь.

Пример И.П. Яборова показывает, как может измениться жизнь человека и его семьи от оговора и умышленной травли человека. Не очень сложно представить, как сложилась бы дальнейшая судьба Ивана Петровича, если бы обком партии не разобрался в этой ситуации и не поддержал его. Возможно, представители местной власти, его противники и дальше продолжили борьбу с ним, нашли бы причину для ареста, чтобы избавиться от неудобного человека. Но жизнь распорядилась иначе. Иван Петрович Яборов совершил подвиг, защищая свою Родину от врагов, и остался навечно в истории страны и Чердыни, одна из улиц города названа его именем. А его противников сегодня не помнит никто.

### **Список литературы и источников**

1. Чердынский краеведческий музей (ЧКМ) н/в № 1702/34. Автобиография Яборова И.П.
2. ЧКМ н/в № 1702/43. Заявление на бюро РК ВКП(б).
3. ЧКМ н/в № 1702/38. Трудовой список Яборова И.П.

## ЮНОШЕ, ОБДУМЫВАЮЩЕМУ ЖИТЬЕ...

*Л.В. Ревенко,  
краевед, Пермский край, п. Ильинский  
lyudmila.revencko@yandex.ru*

**Аннотация.** Внучка А.Е. Шильдера Екатерина Адасова в своей работе «Занесенные снегом» возвращает имена своих родственников, подвергнувшихся репрессиям в годы светской власти по признаку происхождения и образования. Материалы, использованные в статье, предоставлены ею.

**Ключевые слова:** репрессии; Шильдеры; ОГПУ; интеллигенция.

## A YOUNG MAN WHO THINKS ABOUT LIFE...

*L.V. Revenko,  
Local historian, Perm region, p. Ilyinsky  
lyudmila.revencko@yandex.ru*

**Summary.** The Granddaughter of Schilder A.E. Adasov, Ekaterina, in her work «Snowbound», returns the names of her relatives who were subjected to repression during the years of Secular power on the basis of origin and education. The materials used in the article are presented by her.

**Keywords:** repression; Nameplates; OGPU; intellectuals.

Императорский Царскосельский лицей известен в первую очередь его выпускником Александром Сергеевичем Пушкиным. С 1843 г. он стал носить имя императора Александра 1, подписавшего 12 августа 1810 г. указ об основании привилегированного высшего учебного заведения для детей дворян. Лицей был открыт 19 октября 1811 г., и именно эта дата известна в русской истории благодаря стихам А.С. Пушкина.

В 1911 г. лицей отмечал свою столетнюю историю. К этому времени среди выпускников свято сохранялись традиции: отмечались «Дни лицея», общие панихиды по ушедшим.

В сообщении речь пойдет о директоре лицея Владимире Александровиче Шильдере, его жене Анне Михайловне, их един-

ственным сыне Михаиле, его двоюродных братьях Александре, Карле и Владимире Евгеньевичах Шильдерах.

С 1921 г. перед Шильдерами разверзлись красные советские круги ада. Первый раз они были арестованы 7 августа 1921 г. в числе 833 человек по делу Таганцева, по тому самому, по отношению к которому среди 96 расстрелянных или убитых при задержании расстрелян и поэт Николай Гумилев.

83 человека были приговорены к концентрационным лагерям или другим видам наказания. В это число попали и братья Шильдеры – Александр, Карл и Владимир.

Следователь в обвинительном заключении предлагал: А.Е. Шильдер изолировать в лагерь принудительных работ сроком на два года, а его братьев Шильдера Карла и Шильдера Владимира выслать из пределов Петроградской губернии.

События тех безжалостных дней нашли отражение и в художественной литературе [3].

Александр Шильдер был следователями допрошен трижды, однако в деле представлен только один протокол. Его обвиняли в том, что он знал об организации Таганцева, но не донес об этом следствию.

Просьбы провести очную ставку с тем лицом, который дал такие показания следствию, были оставлены без внимания. Поэтому на имя председателя Петроградчека Мессинга А. Шильдер направляет обращение, благодаря которому становится ясно, что следователь фиксировал в протоколе допроса не все ответы задержанного.

25 апреля 1925 г. было возбуждено (начато) уголовное дело «О контрреволюционной монархической организации» (оно же «Дело лицейстов», или «Дело воспитанников», или «Союза верных»).

Дело было сфабриковано органами ОГПУ в 1925 г. по обвинению группы выпускников Александровского лицея в создании организации с целью свержения советской власти и восстановления монархического строя.

В качестве «доказательств» в обвинении фигурировали традиционные ежегодные встречи выпускников в Лицейский день (19 октября), факт существования кассы взаимопомощи, ежегодные (с 1921 г.) панихиды по погибшим и умершим лицеистам, на которых поминались и члены императорской семьи.

По «Лицейскому делу» в ночь на 15 февраля 1925 г. были арестованы свыше 150 человек, из них 26 расстреляны по постановлению Коллегии ОГПУ от 22.06.1925 г.; 25 человек приговорены к различным срокам заключения в лагеря, 29 – к различным срокам ссылки.

Бывший директор лицея В.А. Шильдер умер во время следствия.

Н.Н. Пунин о событиях тех дней внес в свой дневник следующую запись: «18 июля. Расстреляны лицеисты. Говорят, 52 человека, остальные сосланы, имущество вплоть до детских игрушек конфисковано. О расстреле нет официальных сообщений; в городе, конечно, все об этом знают, по крайней мере, в тех кругах, с которыми мне приходится соприкасаться; в среде служащей интеллигенции. Говорят об этом с ужасом и отвращением, но без удивления и настоящего возмущения. Так говорят, как будто иначе и быть не могло .... Чувствуется, что скоро об этом забудут... Великое отупение и край усталости» [6].

Самое полное описание дела «Контрреволюционной монархической организации» дано в работе Н.К. Телетовой [8]. Знакомство со всеми материалами дела позволило ей привести не только данные о большом количестве осужденных, но и сделать обоснованные выводы о связи этого дела со многими операциями, которые проводило ОГПУ в 20-е гг. «Дело лицеистов» она соединяет и с операцией «Трест», которая считается одной из крупнейших, эффективных операций ОГПУ против внутренних и внешних врагов Советской России в лице эмигрантов, обосновавшихся в Европе.

О деле «Трест» в 60-е гг. вышла повесть Л. Никулина «Мертвая зыбь», а чуть позже – «Опасные комедианты» А.В. Сафарова. В повести Никулина упоминаний о семье Шильдеров нет, а вот у Сафарова чуть ли не половина текста так или иначе имеет отношение к семье Шильдеров.

Главной причиной, конечно, было простое уничтожение представителей именно правящей элиты.

По версии Сафарова, его брата застрелил Михаил Шильдер.

Михаил Владимирович Шильдер – единственный сын директора Императорского Александровского лицея, генерала от инфантерии Владимира Александровича Шильдера. Сапаров, в отличие от Никулина, уголовную составляющую делает основной.

Сапаров придерживается четких социальных позиций. Образование, а тем более полученное в «лицейском подворье», превра-

щает носителя его во врага и, без сомнения, в члена организации «Корпус офицеров императорской армии и флота». Главой заговора назван реальный лицеист Путилов, по приказу которого Михаил Владимирович Шильдер (выпуск 1914 г., серебряная медаль), железной палкой убивает соученика Иннокентия Замятина (среди лицеистов такого не было) и сбрасывает его тело не в Мойку (как у Никулина) [4], а в Фонтанку.

В «Деле лицеистов» было много членов семей, это и Голицыны с сыном, и жена полковника Семеновского полка Елена Павловна Рихтер, а уж семья Шильдера представлена сразу шестью лицами: муж, жена, сын, племянники, племянница.

К высшей мере наказания – расстрелу – по «Делу лицеистов» приговорены четыре женщины.

«Среди обвиняемых были четыре женщины. Первая – 69-летняя Анна Михайловна Шильдер, урожденная Клингенберг, отказалась назвать следователю какие-либо имена друзей сына – лицеиста Михаила. Позже она получила право остаться в живых. Концлагерь в Соловках ей заменили ссылкой в Свердловск – вместе с племянницей Елизаветой» [7].

В судебном заключении от 22 июня произошла еще одна перемена: было изъято имя 70-летнего Владимира Александровича Шильдера, отнесенного до того к высшей мере наказания. Он скончался к тому времени в тюрьме, оповещенный, что к смертной казни приговорен не только он сам, но и жена, и сын [7].

Директором лицея генерал от инфантерии В.А. Шильдер стал в 1910 г. Кавалер многих орденов, он возглавлял с 1902 по 1906 г. Псковский кадетский корпус, в 1906–1907 гг. был командиром Семеновского полка, с 1907 по 1910 г. – директором Пажеского корпуса.

В.Н. Коковцев оставил воспоминания о торжествах по поводу столетия Александровского Императорского Царскосельского лицея: «Без преувеличения можно сказать, что, несмотря на весь привычный блеск, устраиваемый нашим двором в ту пору приемов и празднеств, лицейский юбилей был на самом деле событием, выдающимся по красоте и оказанию по инициативе государя, вниманию. Не одни лицеисты не забудут того, что они пережили почти в течение целой недели в начале января этого года. Для меня же лично, несмотря на всю обремененность в ту пору занятиями, эти

дни были как бы личным моим праздником, настолько государь пользовался каждым случаем, чтобы сказать мне, как ему отратно быть среди лицеистов и как жаль ему, что состояние здоровья императрицы помешало ей и великим князьям присутствовать на этом торжестве».

И действительно: «Торжественный акт в лицее 7-го января; парадный обед в Зимнем дворце 9-го; спектакль в Мариинском театре в присутствии всего двора и массы приглашенных 11-го; бал, устроенный самими лицеистами в самом лицее 13-го; и товарищеский обед для всех съехавшихся лицеистов и депутатов, устроенный в помещении дворянского собрания 15-го января; множество приветствий, полученных от всех ученых и учебных заведений и, в особенности, было признание заслуг лица перед родиной ...» [2].

Анна Михайловна Шильдер, урожденная Клингенберг, была женой генерала от инфантерии, директора Александровского Императорского лицея Владимира Александровича Шильдера. Родилась в Санкт-Петербурге 15 июля 1856 г. в семье камергера, тайного советника Михаила Карловича Клингенберга. Ее мать, Елизавета Николаевна, была начальницей Санкт-Петербургского Елизаветинского института.

Один из главных организаторов «красного террора» и массовых расстрелов заложников в Москве Мессинг в 1921 г. был назначен на новую должность и с ноября стал председателем Петроградской ЧК.

Кандидатуру Мессинга на эту должность отстаивал Дзержинский.

Возможно, пристальное внимание к Анне Михайловне, урожденной Клингенберг, и связано с тем, что свою первую политическую ссылку Дзержинский, друг и соратник Станислава Мессинга, отбывал там, где губернатором был брат Анны Михайловны, Николай Михайлович Клингенберг, в Вятке.

Р.Б. Гуль описывает первую ссылку Дзержинского и его встречу с Клингенбергом в самостоятельной главе «Губернатор Клингенберг и Дзержинский»: «Летом 1898 года двадцатилетний Дзержинский ехал по той самой железной дороге на север России, по которой через 20 с лишним лет он, как глава коммунистического террора, погнал многие сотни тысяч людей.

Стоял жаркий июль. 29-го числа поезд с ссыльными прибыл и Вятку, и их отвели в тюрьму ждать парохода для дальнейшего

следования. Но несколько дней из-за мелководья не прибывал пароход, и заносчивый арестант Дзержинский послал из тюрьмы письмо вятскому губернатору с требованием не задерживать его в заключении, а разрешить ехать за собственный счет с первым же судном, но «без конвоя, ибо средств на оплату конвоиров не имею».

Аттестация юноши, «проявлявшего во всем крайнюю политическую неблагонадежность», и его вызывающее письмо заставили губернатора Клингенберга заинтересоваться будущим вождем ВЧК. В Вятской губернии тогда было достаточно будущих вельмож коммунизма, тут жили Стучка, Боровский, Смидович, но никто не вел себя столь бравурно, как Дзержинский.

Чиновнику особых поручений князю Гагарину губернатор Клингенберг приказал привезти к нему написавшего письмо Дзержинского.

– Кто он, собственно, такой? – не без брезгливости спрашивал губернатор.

– Неокончивший гимназист... дворянин... совсем юный...

Губернатор захохотал: «Уди-ви-тель-ны-е времена! Не окончившие гимназисты занимаются рабочими вопросами! А ну, пришлите-ка его ко мне, я его отчитаю. Тюрьма, наверное, дурь-то из него выбила!»

И через час в дверях губернаторского кабинета появился высокий, бедновато одетый молодой человек с бросающимся в глаза бледным энергичным лицом и блуждающей на тонких губах усмешкой. Губернатор с любопытством оглядел вошедшую фигуру.

– Ссылный Феликс Дзержинский, – проговорил вошедший звенящим польским акцентом.

– Так вот какие у нас революционеры! Недоучившиеся гимназисты! – гаркнул по-военному губернатор, стукнув кулаком по столу, и побагровел. – Посмотритесь в зеркало, молодой человек! У вас молоко на губах не обсохло, а туда же сунулись «рабочими вопросами» заниматься! Что вы смыслите?!

Надеюсь, тюремное заключение образумило вас! У вас есть мать и отец?

Сколько вам было лет, когда вас арестовали?

Дзержинский обвел взглядом комнату и проговорил:

– Прежде всего, разрешите взять стул.

Губернатор остолбенел.



– Советую вам понять, – закричал Клингенберг, – что находитесь под надзором полиции! Прошу вести себя прилично! Мне не о чем больше с вами говорить! Вон!

Тем и кончилась беседа губернатора с будущим главой ВЧК.

Через день на пришедшем пароходе ссыльный Дзержинский отбыл в назначенный ему город Нолинск. Но из Нолинска Клингенбергу доносили, что этот ссыльный «успел произвести влияние на некоторых лиц, бывших ранее вполне благонадежными». И, хорошо помня Дзержинского, губернатор на рапорте наложил резолюцию: «За строптивость характера отправить под конвоем дальше на север в село Кайгородское. Пусть холодный северный климат немножко остудит революционный пыл».

29-го сентября 1899 г. Дзержинский на чуть брезжущем расвете вошел в челнок на реке Каме и оттолкнулся от берега. Вскоре на излучине реки из глаз Якшина скрылась его белая рубаха, а через две недели губернатор Клингенберг пришел в ярость, узнав, что ссыльный Дзержинский бежал. Для поимки губернатор разослал начальникам жандармских управлений бумагу: «29-го сентября сего года ссыльный дворянин Феликс Эдмундович Дзержинский скрылся из места водворения, села Кайгородского Слободского уезда, приметы следующие: рост 2 аршина 7 вершков, телосложение правильное, наружностью производит впечатление нахального человека, цвет волос на голове, на бровях и пробирающихся усах темно-каштановый, по виду волосы гладкие, причесывает их назад, глаза серого цвета, выпуклые, голова окружностью 13 вершков, лоб выпуклый в 2 вершка, размер носа 1 с четвертью вершка, лицо круглое, чистое, на левой щеке две родинки, зубы чистые, рот умеренный, подбородок заостренный, голос баритон, очертание ушей 1 с четвертью вершка.

Розыски ни к чему не привели. И через месяц, севший в челнок на Каме Дзержинский, вынырнул из-под половицы революционного подполья в Польше» [1].

68-летняя Анна Михайловна Шильдер не подписала постановление о привлечении ее в качестве обвиняемой. Находясь в доме предварительного заключения, Анна Шильдер не поставила свою подпись. И никогда она себя виновной не признавала. Никогда.

Только 16 февраля 1994 г. по архивному «Делу лицестов» было вынесено заключение о прекращении дела и реабилитации

Михаила Федоровича Шильдера, расстрелянного 9 июля 1925 г., Анны Михайловны Шильдер, расстрел которой заменен ссылкой на пять лет в Соловецкий лагерь, Александра Евгеньевича Шильдера, заключенного в концлагерь на три года, Карла Евгеньевича Шильдера, заключенного в концлагерь на три года, Елизаветы Николаевны Клингенберг, лишенной права проживать в Ленинграде, Москве, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове-на-Дону; дело в отношении Владимира Александровича Шильдера прекращено в связи со смертью последнего 29 июня 1925 г.

В Соловецком музее представлены два письма, касающиеся Анны Михайловны Шильдер, адресованные на имя председателя Комитета помощи политическим заключенным Е.П. Пешковой.

Единственная родственница Шильдеров, оставшаяся на свободе А.К. Полозова до вынесения приговора и после его вынесения старается облегчить участь заключенных. В какой-то мере по отношению к А.М. Шильдер ей это удалось. Ссылка на Соловках была заменена ссылкой в Свердловск, где уже находилась ее племянница Е.Н. Клингенберг.

Александр Евгеньевич и Карл Евгеньевич Шильдеры были арестованы в третий раз в 1937 г. уже на территории Пермской области. В отношении старшего брата приговор был вынесен в течение месяца – расстрел [5, ф. 641/1, от. 1, д. 12780].

Александр родился 21 июля 1893 г. в имении Симоново Невельского уезда Витебской области. Кавалер орденов: Св. Георгия 4-й степени, Анны 2-й степени с мечами, Анны 3-й степени с мечами и бантом, Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», Станислава 2-й степени с мечами, Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

С 1917 по 1921 г. Александр Евгеньевич слушатель Артиллерийской академии РККА. В дальнейшем служит в Институте прикладной химии. С 22 мая 1923 г. в должности старшего химика-лаборанта Ленинградского трубочного завода им. М.И. Калинина.

Александр арестован в г. Березники 27 октября 1937 г. Занимал должность начальника строительного участка Березниковского химкомбината. Допрошен 2 ноября, в этот же день в отношении 16 обвиняемых, проходивших по делу, составлено обвинительное заключение.

А.Е. Шильдер обвинялся в том, что являлся руководящим участником контрреволюционной диверсионно-повстанческой организации, ставившей своей целью свержение советской власти путем вооруженного восстания; вел вербовку контрреволюционных повстанческих кадров из числа бывших белых офицеров и кулаков трудпоселенцев. Неоднократно высказывал контрреволюционные повстанческие террористические намерения.

А.Е. Шильдер и Е.Н. Поленова виновными себя не признали.

5 ноября в отношении всех на заседании тройки УНККВД по Свердловской области вынесен приговор, по которому 15 человек приговорены к расстрелу.

Приговор в отношении В.А. Шильдера приведен в исполнение 21 ноября 1937 г.

Е.Н. Поленовой был назначен срок лишения свободы 10 лет.

В 1939 г. она пишет жалобы о фальсификации в отношении ее дела. По результатам проверки жалоб ее дело в том же году было прекращено.

7 ноября 1956 г. военным трибуналом Уральского военного округа было вынесено определение № 1643 об отмене решения тройки НКВД от 5 ноября 1937 г. [5, ф. 641/1, от. 1, д. 1362].

В списке расстрелянных на 12-м километре от Екатеринбурга под номером 154 – скорбное имя Александра Евгеньевича Шильдера: родился в 1893 г., расстрелян 21.11.1937 г.

Преподаватель Березниковского химико-технологического техникума Карл Евгеньевич Шильдер был арестован в г. Березники 18 апреля 1938 г. 4 сентября 1938 г. обвинительное заключение на агента немецкой разведки К.Е. Шильдера было направлено по подсудности. Он обвинялся в том, что создал подпольную группу в г. Березники. В 1937 г. связался с агентом немецкой разведки Бельц и по его заданию проводил следующую диверсионную работу: а) в 1937 г. подготовил поджог склада Березниковского химкомбината, б) в том же году поджег автогараж на 2-м калийном руднике г. Березники, в) готовил террористические акты на случай войны.

Виновным себя не признал.

28 января 1939 г. 1-м спецотделом УНКВД по Пермской области дело было возвращено для производства дополнительных следственных действий с указанием: подтвердить документами факты диверсионной деятельности, совершенные обвиняемым; пе-

редопросить арестованных П.И. Бельц, Е.А. Карут, К.Е. Жемчужникова в шпионско-диверсионной деятельности и провести с ними очные ставки.

Если по делу старшего брата с момента ареста до момента расстрела не прошло и месяца, то в этом деле буквально год ареста, а также сроки следствия, можно предположить, сохранили жизнь арестованному.

Хочется этому верить. Потому что из дела старшего брата видно, что уже в 1939 г. в связи с жалобами Е.Н. Поленовой стали известны методы, какими добывались признательные показания. Все протоколы допроса в деле Александра выполнены машинописным текстом. Следователи дали показания, что обвиняемые только расписывались под предложениями.

И в этот же период начинаются репрессии в отношении следователей, многие из которых также были расстреляны.

2 марта 1939 г. помощник оперуполномоченного 4-го отдела Журавлев по делу Карла Шильдера выносит постановление о прекращении уголовного преследования за отсутствием состава преступления, освобождении К.Е. Шильдера из-под стражи.

Однако исполнено оно не было, поскольку вышестоящая инстанция вынесенное постановление не утвердила.

Постановление прокурора от 6 июня 1939 г., согласившегося с прекращением дела, заканчивается совершенно секретной фразой: «Санкционировать вербовку».

Только 20 июня 1939 г. помощником оперуполномоченного Ивлевым вновь было вынесено постановление о прекращении уголовного преследования за отсутствием состава преступления и освобождения К.Е. Шильдера из-под стражи.

Карл Евгеньевич Шильдер был освобожден из-под стражи 23.06.1939 г.

29 июля 1939 г. у К.Е. Шильдера была взята подписка, что он «обязуется нигде и никому не рассказывать о известных материалах следствия, тюремного режима и т.д., за нарушение настоящей подписки он подлежит привлечению к уголовной ответственности».

Такой промежуток во времени свидетельствует о том, что с К.Е. Шильдером продолжали «работать».

Вместе с тем еще долгие годы, более 15 лет, как видно из материалов дела (запрос из Глазовского ОВД за 1952 г.), запрос из

Ижевского ОВД за 1955 г.), Карл Евгеньевич Шильдер будет находиться под наблюдением правоохранительных органов [5, ф. 641/1, от. 1, д. 1362].

### **Список литературы и источников**

1. Гуль Р.Б. Дзержинский (Начало террора). Русское зарубежье: хрестоматия по литературе. Пермь: Пермская книга, 1995.
2. Коковцев В.Н. Из прошлого. Воспоминания 1911–1919. М.: Современник, 1991.
3. Миронов Г. Заговор, которого не было. М., 2009.
4. Никулин Л. Мертвая зыбь: роман-хроника. Челябинск, 1998. 341 с.
5. ПермГАСПИ. Ф. 641/1 От. 1 д. 12780; Ф. 641/1 От. 1 д. 1362
6. Пунин Н.Н. Дневники. Письма. М., 2000.
7. Сафаров А.В. Фальшивые червонцы. Опасные комедианты. Две повести из хроники чекистских будней. Л.: Лениздат, 1972. 301 с.
8. Телетова Н.К. Дело лицеистов 1925 года // Звезда. 1998. № 6. С. 115–131.

## Н.Е. ОНЧУКОВ – КЛАССИК РУССКОЙ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

*М.А. Шитова,  
заведующий отделом мониторинга и популяризации  
объектов культурного наследия,  
Сарапульский историко-архитектурный  
и художественный музей-заповедник,  
Сарапул, Удмуртская Республика  
metod-miksp@mail.ru*

**Аннотация.** Рассказывается о судьбе одного из видных деятелей русской этнографии и фольклористики Николае Евгеньевиче Ончукове (1872–1942), уроженце города Сарапула, члене Русского географического общества, одного из основателей музея Сарапульского земства. После революции 1917 г. – преподавателе в институтах Перми и Ленинграда. В 30-е гг. Николая Евгеньевича дважды арестовывали. Умер в лагере под Пензой в 1942 г. Официально реабилитирован в 1989 г.

**Ключевые слова:** фольклористика; Русское географическое общество; Сарапул; сарапульский музей; издательское дело; убийство С.М. Кирова; депрессии.

## N.E. ONCHUKOV-CLASSIC OF RUSSIAN FOLKLORE

*М.А. Shitova,  
is the head of the department of monitoring  
and popularization of cultural heritage sites,  
Sarapul Historical, Architectural and Art Museum-Reserve,  
Sarapul, Udmurt Republic  
metod-miksp@mail.ru*

**Summary.** N.E. Onchukov – Classic russian folklore Article tells about the fate of one of the prominent figures of Russian ethnography and folklore Onchukov Nikolai Evgenyevich (1872–1942), a native of Sarapul, a member of the Russian Geographical Society, one of the founders of the Sarapul Land Museum. After the 1917 revolution, he was a teacher at the institutes of Perm

and Leningrad. In the 1930s, Nikolai Evgenyevich was arrested twice. He died in a camp near Penza in 1942. Officially rehabilitated in 1989.

**Keywords:** folklore; Russian Geographical Society; Sarapool; Sarapul Museum; Publishing; murder of S.M. Kirov; Repression.

Николай Евгеньевич Ончуков родился в городе Сарапуле Вятской губернии в марте 1872 г. Отец будущего фольклориста, Евгений Иванович, занимался торговлей, мать, Мария Владимировна, из семьи купцов Башмаковых, умерла, когда мальчику было всего три месяца. Мальчик сначала воспитывался у бабушки в поселке Воткинского завода. В 1878 г. он вместе с нею переехал в Сарапул к своему отцу. Здесь в возрасте семи лет Н.Е. Ончуков поступил учиться в приходское училище

В 1890 г. после окончания приходского и уездного училищ в Сарапуле Николай едет на обучение в Казанскую земскую фельдшерскую школу, которую оканчивает в 1893 г. Затем несколько лет работает фельдшером в различных деревнях Пермской и Вятской губерний. Переселившись в Пермь, Н.Е. Ончуков поступает на службу в больницу пересыльной тюрьмы. В пермский период своей жизни будущий ученый начинает сотрудничать в местных и столичных газетах. Журналистика, таким образом, стала первой областью, где проявились его гуманитарные наклонности.

На рубеже веков, уже зрелым человеком, Николай Евгеньевич переезжает в Петербург. Здесь на протяжении нескольких лет он печатал небольшие заметки в различных периодических изданиях («Неделя», «Сын отечества», «Северный курьер» «Новое время и др.). В это же время Н.Е. Ончуков наладил контакты с этнографическим отделением Русского географического общества. Нам неизвестно, как произошло это очень важное для него событие, но к лету 1900 г. у Н.Е. Ончукова установились настолько крепкие связи с этим научным учреждением, что с открытым письмом Русского географического общества он отправился в свою первую экспедицию – в Чердынский уезд знакомой ему Пермской губернии. Цель поездки – сбор материалов по этнографии. Путешествия по глухим уголкам России увлекли Н.Е. Ончукова, и на протяжении 1900–1907 гг. он совершил шесть путешествий по заданию Российского географического общества и «Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук».

Книга «Печерские былины» сделала Н.Е. Ончукова известным в научных кругах. За это собрание сказок он был награжден малой золотой медалью Русского географического общества.

В 1905 г. Н.Е. Ончуков приступает к подготовке следующего издания – книги «Северные сказки», которая получила высокую оценку специалистов. За «Северные сказки» ученый был награжден большой золотой медалью Русского географического общества.

Малоизвестен факт знакомства Н.Е. Ончукова с М.М. Пришвиным. Роль Н.Е. Ончукова заключается в содействии становлению творческой индивидуальности М.М. Пришвина. Дело не только в том, что он открыл писателю край непуганых птиц, но научные работы этнографа помогли писателю при создании его первой книги и даже непосредственно отразились в тексте очерков.

В 1908 г. наступил новый период в жизни Н.Е. Ончукова. Он решил вернуться из Петербурга в родной Сарапул. Здесь ученый баллотировался гласным в городскую думу. С 1 марта 1909 г. он начал издавать и редактировать ежедневную общественно-политическую и литературную газету «Прикамская жизнь» – «газета прогрессивная и беспартийная», – говорилось в ее программной статье. Газета живо откликалась на актуальные местные вопросы: писала о судьбе Воткинского завода, которому грозило закрытие, о затянувшемся строительстве водопровода, о плане постройки железной дороги Казань – Екатеринбург, о наводнении, причинившем большой ущерб городу в 1914 г. «Прикамская жизнь» помогала своему читателю быть в курсе культурных новостей России. Здесь печатались материалы о Грибоедове, Пушкине, Гоголе, Некрасове, Белинском и др. Но больше всего на ее страницах помещалось сведений о жизни, нравственных и философских взглядах Л.Н. Толстого. Видимо, мировоззрение Л.Н. Толстого было в чем-то близко самому Н.Е. Ончукову. Но в газете мы не видим материалов, посвященных этнографии и фольклору, которые должны бы, казалось, появиться при издателе, давшем России «Печерские былины» и «Северные сказки». Видимо, это объясняется тем, что газета отнимала у издателя слишком много сил, времени и средств.

Помимо газеты, Н.Е. Ончуков занимался множеством других дел. Он явился одним из основателей Сарапульского земского музея (1909). Благодаря ему в фондах музея хранятся подшивки издаваемой им газеты «Прикамская жизнь за 1909–1916 гг.



1909–1917 гг. в жизни ученого – это время, полностью отданное общественной и просветительской деятельности в родном крае, и заслуги его здесь неоспоримы. Фольклористика же надолго отодвинулась на второй план. Но все-таки именно в этот период он выпускает свою третью книгу, сделавшую ему имя в науке – «Северные народные драмы».

11 марта 1917 г. газета «Прикамская жизнь» была закрыта, считается, что за проявленные издателем монархические настроения.

Октябрьская революция приводит к братоубийственной Гражданской войне. В августе 1918 г. Сарапул занимают белогвардейские и чехословацкие войска, в октябре город был освобожден Азинской дивизией 2-й армии Восточного фронта. В марте 1919 г. Колчаковская армия переходит в наступление, город вновь оказывается в руках белогвардейцев. 28 апреля Красная армия переходит в контрнаступление, и городское управление отдает приказ об эвакуации.

Николай Евгеньевич, уходя вслед за Колчаковскими войсками, оказывается в Перми и далее в Омске. Там временным источником его существования становится работа хроникером, репортером газеты «Заря». Газета пользовалась успехом у читающей омской публики, но работать в ней Н.Е. Ончукову пришлось всего около трех месяцев – в июне 1919 г. газета была закрыта.

Красная армия успешно продвигается на восток. Из Омска Николай Евгеньевич эвакуируется в Новосибирск и затем в Иркутск.

Обратный путь на запад был постепенным и долгим. Весной 1920 г. в Иркутской губернии эпидемия сыпного тифа, мобилизация всех медиков. Николай Евгеньевич направлен на борьбу с эпидемией в г. Мысовск (ныне г. Бабушкин, Бурятия) и семь месяцев работает эпидемфельдшером.

По возвращению в Иркутск он пытается повысить свою квалификацию на медицинском факультете университета, но не был принят из-за возраста (48 лет). Однако он поступает на исторический факультет того же университета. Вскоре Николай Евгеньевич становится профессорским стипендиатом при кафедре истории русской литературы, но примерно через год его выводят за штат, оставляя без денег и пайка. С трудом пережив тяжкие времена на случайных заработках, Николай Евгеньевич получает приглашение на кафедру русского языка и словесности педагогического фа-

культета Пермского государственного университета. Здесь он работает преподавателем-ассистентом два года и в 1923 г. возвращается в Сарапул.

В декабре 1924 г. Николай Евгеньевич перебирается в Ленинград, где продолжает преподавательскую работу – читает курс фольклора и ведет семинары на факультете языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета.

В Ленинграде он снова обретает семью – 9 апреля 1929 г. Николай Евгеньевич регистрирует брак с Анной Александровной Булавкиной.

Устоявшейся и, наконец, более или менее налаженной и благополучной жизни приходит конец. 1 сентября 1930 г. в его квартире на Аптекарском проспекте появляются вооруженные люди. Доцента Ончукова арестовывают. А.А. Булавкина пишет об этом аресте: «Суть предъявленного ему обвинения... сводилась к тому, что он писал против большевиков в газетах, попав в оккупацию Колчака /сохранилась одна заметка с его подписью/. Арест был вызван доносом полусумасшедшего человека, перечислившего в своем дневнике всех краеведов, работавших в Ленинградской секции краеведческого общества /Н.Е. служил в ней год секретарем/. Вся секция была арестована как “замышлявшая заговор против советской власти”».

Надо напомнить, что в 1929–1930 гг. существовали сразу два «дела краеведов» – разгром краеведческого движения набирал обороты.

Решение Особого совещания при Коллегии ОГПУ выносится почти через девять месяцев после ареста Ончукова, в мае, а Николаю Евгеньевичу оно вручается лишь через месяц – 22 июня 1931 г.

Приговор неожиданно мягкий – три года ссылки на поселение в северный край. Первоначальным пунктом ссылки стал город Котлас (Архангельская область), позже его переводят немного южнее – в маленький городок Никольск (сейчас Вологодская область).

Анна Александровна обращается с просьбой о досрочном возвращении мужа в правительственную комиссию по делам частных амнистий, возглавляемую старым большевиком Смидовичем.

Как это ни удивительно, но Анне Александровне удается добиться досрочного освобождения мужа. Можно предположить, что

Смидович был знаком с деятельностью Н.Е. Ончукова – с 1927 по 1930 г. именно он руководил Центральным бюро краеведения.

26 июля 1932 г. Ончуков получает удостоверение в том, что он освобожден от административной высылки и имеет право свободного проживания на территории СССР.

Николай Евгеньевич возвращается в Ленинград. Но здесь у него возникает проблема с паспортом. За помощью он обращается к своему давнему знакомому, старому большевику Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу, который пишет письмо первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) С.М. Кирову.

Вмешательство Бонч-Бруевича помогло. Конечно, о преподавании речи быть не могло, и Н.Е. Ончуков устраивается на работу научным сотрудником в Институт языка и мышления к академику Н.Я. Марру.

1 декабря 1934 г. был убит Киров. По Ленинграду и области прокатилось громкое «эхо» этого убийства. Четыре тысячи наиболее враждебных элементов (по усмотрению НКВД) расстреливаются. Десять тысяч «менее враждебных» арестовываются и заключаются в лагеря и тюрьмы на срок от 8 до 10 лет. Более того: 27 февраля 1935 г. Управление НКВД по Ленинградской области издает циркуляр «О выселении контрреволюционного элемента из Ленинграда и пригородных районов». Высылке подлежало 10–12 тысяч человек – члены семей осужденных и другие люди, происхождение или мышление которых вызывало хотя бы малейшее подозрение у органов.

23 марта 1935 г. в эту мясорубку попадает и семья Н.Е. Ончукова. Воспользовавшись правом выбора города для жительства, Ончуковы выбирают Пензу.

В апреле 1935 г. Ончуковы покидают Ленинград, как оказалось, навсегда. В Пензе у семьи начинаются мытарства с квартирой. Во время их отъезда в командировку в Жигули их квартира была продана. По воспоминаниям А.А. Булавкиной еще до их возвращения новый хозяин заявлял, что выгонит из квартиры «каких-то там ученых».

Для достижения своей цели хозяин пускает в ход доносы. В Пензе Ончуковы постоянно находились «под колпаком» НКВД. В начале осени 1939 г. на поминках у некоего Терентия священник Митрофаньевской церкви А.Н. Рожков наговорил лишнего. По-

следовал донос. Рожкова арестовывают, и он начинает оговаривать всех мало-мальски знакомых подряд. Немедленно возникает «антисоветская группа церковников». Аресты следуют один за другим. На свет появляется уголовное дело № 11808-п.

Следствие заканчивается 18 января 1940 г., 17 марта начинается суд. Дело рассматривалось в закрытом заседании судейской коллегией по уголовным делам Пензенского областного суда.

Николай Евгеньевич был осужден на 10 лет и пять лет поражения в правах.

Наказание отбывал в пос. Ахуны близ Пензы (сейчас это микрорайон города), работал на торфоразработках. Из письма Николая Евгеньевича жене незадолго до смерти: «...Очень зябну на работе. До передачи еще осталось 6 дней, а у меня кроме хлеба ничего не осталось... Дует, дует... холодно, мерзну, башлык не согревает... ремонт крепкими суровыми нитками.. при ежедневной работе по несколько часов все рвется очень быстро. Палец все болит. Нужен бы покой ему, а я все в движении... Желаю тебе здоровья и благополучия и крепко тебя целую и горячо за все благодарю. Твой Николай» (2 февраля 1942 г.).

11 марта 1942 г. Николай Евгеньевич Ончуков скончался в лагере и был похоронен близ поселка Ахуны. Полностью реабилитирован лишь в 1989 г.

Книги Н.Е. Ончукова востребованы и сегодня.

### **Список литературы**

1. Блаженкова Т.А., Сенаторов П.П. Николай Евгеньевич Ончуков. Неизвестные страницы жизни. Казань, 2015.

2. Иванова Т.Г. Русская фольклористика в биографических очерках. СПб., 1993. С. 168–187.

**УЗНИК УСОЛЬЛАГА:  
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК К.П. РОТОВА**

*Д.Д. Подледнов,  
методист научно-методического отдела,  
Мемориальный музей-заповедник истории  
политических репрессий «Пермь-36»  
denis.podliodnov@gmail.com*

*Е.Д. Казанцева,  
заведующий передвижной выставкой,  
Мемориальный музей-заповедник истории  
политических репрессий «Пермь-36»  
helenakazantseva@mail.ru*

**Аннотация.** Предпринята попытка проанализировать изменение художественного языка советского художника-карикатуриста Константина Павловича Ротова. Авторы находят взаимосвязь между событиями, которые влияют на судьбу художника, и изменением стилистических особенностей его работ. В статье авторы выделяют основные периоды творчества К.П. Ротова. При помощи формально-стилистического анализа творчества рассматриваются основные параметры формы и содержание карикатур и выявляются жанровые особенности, которые формируют «канон» карикатуры.

**Ключевые слова:** искусство заключенных; искусство ГУЛАГА; карикатура; художественный язык; визуальный язык.

**PRISONER OF USOLAG:  
THE ART LANGUAGE OF K.P. ROTOV**

*D.D. Podlednov,  
methodist of the scientific-methodical department, The Memorial  
Reserve Museum of the History of Political Repression Perm-36»  
denis.podliodnov@gmail.com*

*E.D. Kazantseva,  
exhibition manager, The Memorial Reserve Museum  
of the History of Political Repression Perm-36»  
helenakazantseva@mail.ru*

**Summary.** The article attempts to analyze the changes in the artistic language of the Soviet caricaturist Konstantin Pavlovich Rotov. The authors

find a relationship between events that affect the fate of the artist and also make changes in the stylistic features of his work.

In the article, the authors identify the main periods of the work of K.P. Rotov. Using the formal-stylistic analysis of creativity, the main parameters of the form and the content of the caricatures were examined, and the genre features that form the “canon” of the caricatures were revealed.

**Keywords:** the art of prisoners; the art of the GULAG; caricature; artistic language; visual language.

Константин Павлович Ротов – советский художник, один из тех творцов искусства, которые были осуждены по 58-й статье УК РСФСР (контрреволюционная деятельность) и приговорены к заключению в исправительно-трудовых лагерях. В данном исследовании тема политических репрессий рассматривается с точки зрения междисциплинарной парадигмы: с одной стороны, рассматриваются этапы его биографии и периоды творчества, с другой стороны – с точки зрения искусствоведения – важно понять, как меняется его художественный язык и какие факторы на него влияют. Именно арест и период заключения являются той переломной точкой, когда язык его творчества начинает меняться – средства художественной выразительности становятся более аскетичными, в сюжетах появляются новые нарративы. В статье рассматривается следующий исследовательский вопрос: как период заключения в исправительно-трудовом лагере повлиял на художественный язык К.П. Ротова?

### **Карикатура как жанр искусства**

Под «карикатурой» понимается жанр изобразительного искусства (чаще всего графики, гораздо реже живописи или скульптуры), являющийся формой изобразительной сатиры и обладающий социально-критической направленностью.

Карикатура имеет довольно продолжительную историю: одним из первых карикатурных изображений можно считать «Гротескные головы» Леонардо да Винчи (1485). Художники Северного Возрождения обращаются к гротескным, абсурдным изображениям, высмеивая отрицательные черты и привычки людей (Иероним Босх «Извлечение камня глупости» (1475–1480), «Корабль дураков» (1495–1500), Питер Брейгель «Льстящие» (1592)), однако говорить о зарождении жанра еще рано.

Официально карикатура как жанр формируется в XVIII в.: например, картины и гравюры Уильяма Хогарта высмеивали нравы английского общества («Лекция» (1736), «Взбешенный музыкант» (1741)). Особенно популярной карикатуру делает то, что она понятна для всех слоев общества, в том числе для неграмотных людей, а также благодаря запоминающимся непривычным визуальным образам сильно воздействует на эмоции зрителя. Понятность и способность воздействовать на эмоции делает карикатуру тем жанром, который используется для влияния на общественное мнение: карикатуристы подшучивают над знаменитостями и политиками; используют рисунки для нравственного воспитания, высмеивая человеческие пороки. Таким образом, карикатура как изобразительный жанр способна быстро реагировать на острые общественные вопросы, оставаясь на «волне» социальных проблем.

В XIX в. карикатурные изображения становятся постоянными спутниками публицистических текстов – в газетах распространяются сатирические рисунки с пояснительными фразами. Важную роль для газетной карикатуры играет текст – именно он помогает читателю понимать сатирический смысл изображения. При этом содержание рисунков строго цензурировалось – чтобы не допустить оскорбление власти (в это же время можно говорить о появлении неофициальной карикатуры, так как особо остроумные и злободневные рисунки передавались и перерисовывались). В России к середине XIX в. карикатуры публиковались как в серьезных периодических изданиях (журнал «Сын Отечества»), так и в специализированных – юмористических («Искра», «Гудок»).

Основная особенность искусства советского периода – его наполненность идеологией: т.е. искусство в первую очередь должно было быть проводником идей советского государства и коммунистической партии. В искусстве преобладал «социалистический реализм», провозглашающий народность, понятность для широких масс и идеологическую направленность. Советское искусство рождает новую эстетику: художники должны были воспевать строительство социалистического государства и радость труда.

В начале XX в. значимым жанром в изобразительном искусстве становится пропагандистский плакат. В 20–30-е гг. плакаты зачастую содержали карикатурные изображения. Карикатура, как и другие жанры искусства, в советское время служила идеологии –

призывала к борьбе с внешним врагом – капитализмом, и высмеивала внутренние пороки общества – пьянство, тунеядство, бюрократизм, религиозность и т.д. При этом критика существующего политического строя при помощи сатирического изображения была невозможна: даже критика должна была соответствовать социалистической направленности. В 1930–1940 гг. значительное место занимает антифашистская карикатура.

В СССР карикатура является составляющей агитационной продукции – листовок, плакатов, газет. Для советской карикатуры характерны: политическая направленность, обращение к широким народным массам и критика «врагов революции», как внутренних, так и внешних.

В годы Великой Отечественной войны карикатура сыграла свою роль в поддержании патриотического настроения. Послевоенная карикатура обращается к бытовым и историческим сюжетам.

В 1980-е гг. карикатура вновь обращается к политической тематике, и сближается с направлением соц-арт. В 1986–1989 гг. в Воронеже были организованы первые Всесоюзные выставки художников-карикатуристов. В годы Перестройки, когда все темы стали открыты для обсуждения в средствах массовой информации, пользовались популярностью карикатуры на советских и российских политиков и знаменитостей, а также появились новые персонажи и темы (олигархи, «новые русские», мафия, коррупция и т.д.).

### **Периодизация и анализ творчества К.П. Ротова**

В научном дискурсе четко не определены этапы творчества Константина Павловича Ротова, однако, чтобы рассмотреть влияние периода репрессий на художественный язык Ротова, нами была введена следующая периодизация:

1. Ранний период творчества (1916–1926 гг.).
2. Период зрелого творчества (1926–1940 гг.).
3. Лагерный период и реабилитация (1940–1954 гг.).
4. После реабилитации (1954–1959 гг.).

Константин Павлович Ротов родился в г. Ростов-на-Дону 4 марта 1902 г. Способности к рисованию зародились у него еще в раннем детстве. В семье стремились дать детям хорошее образование – в доме Ротовых всегда было много книг, выписывались литературно-художественные журналы. Когда юному художнику



было около 15 лет, его рисунки опубликовали в газете «Ростовская речь» и журнале «Донская волна». В 1917 г. отец Константина Ротова, желая поощрить творческие устремления сына, отправил его рисунки в петербургский журнал «Бич». Иллюстрации были опубликованы и, как вспоминал художник, именно «первый рисунок, напечатанный в 1917 г. в “Биче”, окончательно сделал меня художником-рисовальщиком» [4].

В 1921 г. Константин Ротов был командирован на учебу в Петроградскую академию, где был принят на графический факультет, но, по собственному признанию: «Не учился, так как в ту пору среди преподавателей Академии преобладали непонятные и чуждые мне формалистические направления» [4].

В 1921–1922 гг. Константин Ротов получает первый серьезный заказ на создание иллюстраций к сказкам Г.Х. Андерсена и братьев Гримм и переезжает в Москву. С 1922–1923 гг. начинает сотрудничать с журналом «Крокодил», работа в котором продлится долгие годы. С 1928 г. он становится одним из ведущих карикатуристов газеты «Правда». Художник быстро завоевывает популярность, его приглашают во многие газеты и журналы: «Комсомольскую правду», «Красную Ниву», «Гудок», «Смехач», «Прожектор», «Огонек» и др.

*Ранний период творчества* характерен тем, что художник ищет собственные технические и стилистические приемы. Работы 20-х гг. раскрывают бытовые темы – сюжеты карикатур связаны с явлениями повседневности: жизнью в больших городах и в деревне, внедрением новой современной техники, урбанизацией, человеческими взаимоотношениями и т.д. В карикатурах Ротов высмеивает пьянство, хулиганство, тунеядство, коррупцию, бездумное преклонение перед высокими чинами, бескультурье, nepoтизм и т.д. Стилистически работы начала 1920-х довольно минималистичны и скупы на выразительные средства: художник использует тонкие линии, штриховку, лишь локально применяет цветовые контрастные элементы, людей изображает схематично. Примером может служить карикатура «В экстазе раскулачивания» (1920) – визуальный язык аскетичен: художник использует четкие линии, не обращается к цвету, отсутствуют объем и перспектива. Следует отметить, что в рисунке отражена только одна сюжетная линия (рис. 1).

.. Некоторые наши товарищи, ослепленные успехами, стали незаметно отходить с пути наступления на кулака на путь борьбы с середняком...

(Статья „Ответ товарищам козловникам“).

Рис. К. Ротова



В экстазе раскулачивания

Рис. 1. Ротов К.П. «В экстазе раскулачивания» (1920)

**Период зрелого творчества:** в 1930-е гг. Константин Ротов работает над книжными иллюстрациями: «Золотой теленок» Ильфа и Петрова (1931), «Белеет парус одинокий» В. Катаева (1936), «Дом переехал» А. Барто (1938), «Приключения капитана Врунгеля» А. Некрасова (1939) и т.д.

В 1939 г. Советский Союз представляет свою экспозицию на Всемирной выставке в Нью-Йорке. Среди экспонатов было панно, сделанное по эскизу Константина Павловича Ротова.

В этот период в карикатурах Ротова появляются узнаваемые особенности. Например, его излюбленным приемом становятся изображения с многофигурной композицией и сложными сюжетами. Примерами являются карикатуры «Московская экзотика» (1926), «Когда всюду ремонт» (1926), «Будни общежития» (1927). Сюжеты таких многофигурных карикатур развиваются как в замкнутых пространствах – например, на кухне общежития, так и на многолюдных улицах столичного города. Стоит отметить, что изображая большое количество людей, Ротов рисует индивидуальные черты каждого человека, т.е. лица в его карикатурах никогда не

повторяются. Исключением служит работа «В упоении стандартом» (1935): в ней именно обезличенность черт и повторяемость одного и того же внешнего образа помогают добиться комического эффекта, что является скорее сюжетной, чем стилистической особенностью (рис. 2). Отдельно стоит отметить вытянутые формы, которые создают однородность композиции (трамвайные вагоны, автомобили, вытянутый нос у каждого человека, животные и т.д.).

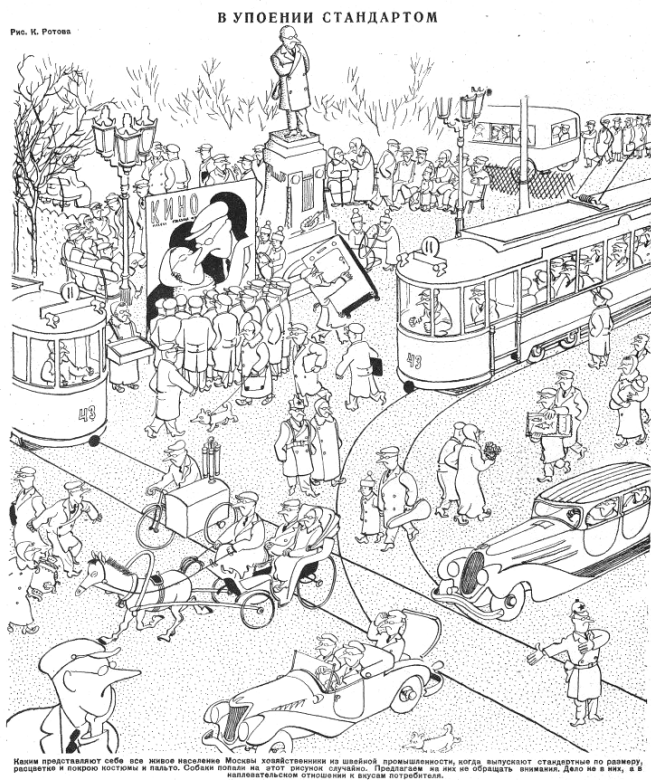


Рис. 2. Ротов К.П. «В упоении стандартом» (1935)

Отличительной особенностью периода зрелого творчества Ротова является использование ракурса сверху: примерами служат карикатуры «Во тьме времен (канцелярия каменного века)» (1927), «А говорят еще, что по мостовой ходить опасно...» (1932), «Сильное впечатление от живой лошади» (1927).

В 1930-е гг. Ротов совершенствует мастерство, используя все перечисленные приемы, при этом круг его тем и сюжетов расширяется – он работает не только над бытовой, но и над политической карикатурой («На конференции по разоружению» (1932), «Оборонный секрет» (1937)).

В 1934–1935 гг. художник создает рисунок, который повлиял на всю его последующую жизнь – изображение лошади, якобы являвшееся карикатурой на советскую торговлю и кооперацию. Оригинальное изображение, созданное в 1934–1935 гг., не сохранилось, существует лишь рисунок, восстановленный Константином Ротовым в 1954 г., приложенный к протоколу допроса (рис. 3).

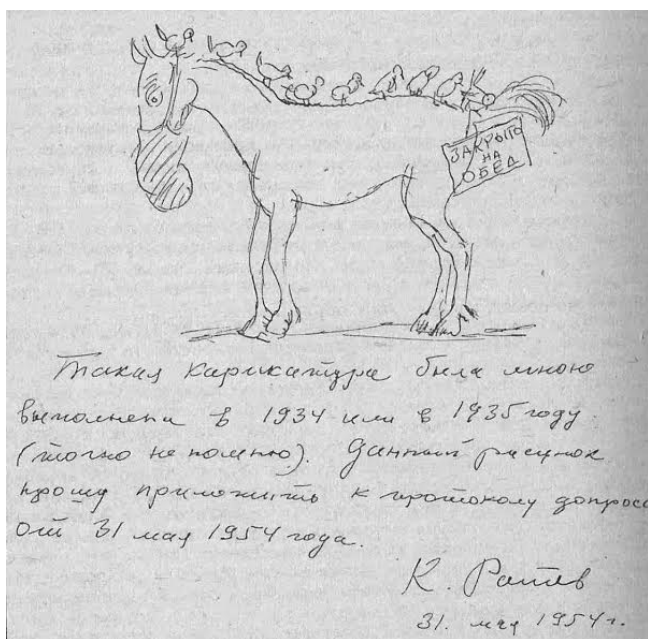


Рис. 3. Ротов К.П. Без названия (1954)

**Лагерный период творчества** Константина Ротова (1940–1954) – представлен совсем малым количеством сохранившихся работ: это шаржи на сокамерников (посвященные неизвестным людям), шаржи на архитектора Филиппа Тольцинера, шарж на художника К.И. Лебедева.

1940 г. – становится переломным в судьбе художника: он был арестован по обвинению в антисоветской агитации и пропаганде за создание карикатуры, «дискредитирующей советскую торговлю и кооперацию» [1]. Карикатура не была напечатана, ее изображения и подробного описания в следственном деле не было. Во время ведения следствия Константин Ротов провел в Сухановской тюрьме НКВД одиннадцать месяцев. В начале июня 1941 г. Ротов был осужден 58-й статье УК РСФСР за шпионаж, измену Родине, пропаганду и агитацию против советской власти и приговорен к восьми годам заключения в исправительно-трудовом лагере в г. Соликамске.

Выжить в Усольлаге Ротову во многом помогла профессия: он работал художником-оформителем. Оформлял клуб к праздникам, плакаты с лозунгами и наглядной агитацией, детские игрушки (производившиеся в лагере), а также писал копии знаменитых картин, которые поступали в продажу в г. Перми [1].

Шарж на солагерников выполнен тушью и пером (рис. 4): изображены двое мужчин, статус которых мы можем идентифицировать. Портрет, который располагается сверху – образ военного, о чем говорит его внешний вид: фуражка, отглаженный воротник, ухоженные усы, гордая осанка. Снизу портрет заключенного: на нем шапка-ушанка, телогрейка. Уставший вид и сутулость героя подчеркивают его эмоциональное состояние. Художник не случайно располагает шаржи вертикально: военный над заключенным – так он демонстрирует иерархию повседневности лагерной системы.

Набросок «Военный на лежанке» (рис. 5) выполнен карандашом на бумаге. Данный рисунок проработан более детально, чем предыдущий шарж, и выполнен в академической

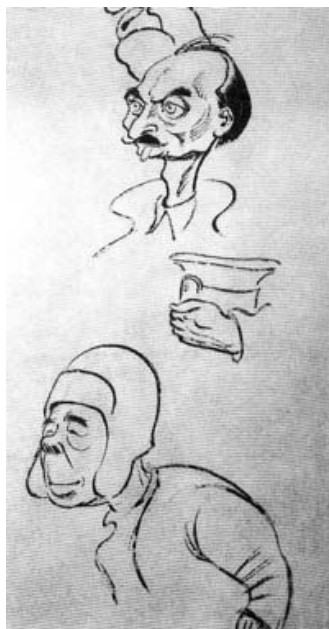


Рис. 4. Ротов К.П. Шаржи на солагерников (1940–1948)

манере, художник обращается к объему и перспективе. Композиция рисунка статичная и открытая, что усиливает расслабленную позу героя: его руки свободно закинута за голову, у него умиротворенное выражение лица. У зрителя создается впечатление, что даже в условиях лагеря он вряд ли страдает от каких-либо лишений.



Рис. 5. Ротов К.П. «Военный на лежанке» (1940–1948)

Помимо однотонных работ, даже в лагерный период у К.П. Ротова были цветные: «Шарж на архитектора Ф. Тольцинера и технорука» (рис. 6), «Шарж на художника К.И. Лебедева» (1943), «Шарж на архитектора Ф.М. Тольцинера» (1943). Основные материалы – акварель, гуашь и графитный карандаш. В работе «Шарж на архитектора Ф. Тольцинера и технорука» художник вновь обращается к динамичной композиции: двое заключенных, один из которых управляет запряженными игрушечными лошадьми, другой же – Ф. Тольцинер, сидит в игрушечной повозке, держа в руках двух кукол. Изображенные объекты не случайны, так как известно, что в Усольяге изготавливали детские игрушки. Рисунок отличается динамикой: технорук управляет запряженными лошадьми, подго-

няя их хлыстом, игрушечные лошади освобождаются от деревянной основы. Герои одеты в привычную для заключенных одежду: ватные штаны, телогрейка, однако на техноруке сапоги со шпорами, которые не могли быть в «гардеробе» у заключенных.



Рис. 6. Ротов К.П. «Шарж на архитектора Ф.Тольцинера и технорука» (1940–1948)

Работы «Шарж на художника К.И. Лебедева» и «Шарж на архитектора Ф.М. Тольцинера» выполнены в одной стилиевой направленности и технике. Может показаться, что две данные работы выполнены с использованием цветных карандашей, но рационально предположить, что основной цвет набран акварельными красками и поверх выполнена штриховка графитным карандашом.

В 1948 г. художник был освобожден из Усольяга. Ротову, как и другим политическим заключенным, было запрещено жить в Москве и других крупных городах страны, поэтому местом его поселения был назначен г. Кимры Калининской (ныне Тверской) области. В Москве Ротов бывал проездом – надеясь получить заказ от какого-либо издательства.

В феврале 1949 г. в Москве Константин Ротов был повторно арестован и без предъявления обвинений отправлен на пожизненное поселение в поселок Северо-Енисейский Красноярского края.

В ссылке Ротов работал художником в рабочем клубе: занимался оформлением местного дома культуры, писал картины для детского сада и библиотеки – все это приносило небольшой заработок.

***После освобождения из лагеря и полной реабилитации*** Константин Ротов возвращается к своему узнаваемому стилю в творчестве. В 1954 г. художник был вызван в Военную коллегия Верховного суда СССР: по памяти он восстановил злополучную карикатуру с изображением лошади. По просьбе Константина Павловича, воссозданная им карикатура была приложена к протоколу допроса от 31 мая 1954 г. Верховный суд принял решение: «Карикатура, которая рассматривалась как антисоветская, в действительности не является таковой» [1]. В июле 1954 г. Константин Павлович Ротов был полностью реабилитирован.

После освобождения Ротов вернулся в Москву: работал в журналах «Крокодил», «Веселые картинки», «Юный техник», иллюстрировал детские книги: «Дядя Степа» и «Три поросенка» С. Михалкова (1957–1958), «Про гиппопотама» С. Маршака (1958) и др. В 1958 г., после перенесенного инсульта и паралича правой стороны тела, Ротов до самой смерти (1959) пытался работать левой рукой.

Во многом его работы после 1954 г. продолжают традиции раннего периода: карикатуры затрагивают темы повседневности, такие как градостроительство («Правда, жить в этом доме неудобно, зато снаружи он, говорят, красив!» (1954), «Как выглядел бы город, если бы конструкторы-транспортники следовали вкусам некоторых наших архитекторов» (1956)), технические новшества и сложности («Затянувшийся переход» (1956)). Ротов иронически изображает отрицательные черты характера и привычки людей: высмеивает в карикатурах алкоголизм («В пригородном поезде» (1955); «Один мудрец сказал: вино сообщает каждому, кто его пьет четыре качества...» (1958) (рис. 7), бюрократизм («Рассказ о том, как председатель завкома развернул критику» (1956)), безответственное отношение к работе («Его труды и дни» (1955)), глупость («Искусство и жизнь» (1956)).

В поздний период творчества Константин Павлович Ротов не ограничивается бытовым жанром, и вновь обращается к политической тематике: «Маскируют...» (1956) и «Держись, корова из штата Айова!» (1958).



ОДИН МУДРЕЦ СКАЗАЛ: ВИНО СООБЩАЕТ КАЖДОМУ, КТО ПЬЕТ ЕГО, ЧЕТЫРЕ КАЧЕСТВА.



Вначале человек становится похожим на павлина — он пыжится, его движения плавны и величавы.



Затем он приобретает характер обезьяны и начинает со всеми шутить и заигрывать.



Потом он уподобляется свинье и становится самонадеянным, гордым, уверенным в своей силе.



Но в заключение он превращается в свинью и, подобно ей, валется в грязь.

1958

Рис. 7. Ротов К.П. «Один мудрец сказал...» (1958)

Колористические решения этого периода становятся более разнообразными – художник использует в одной работе множество не повторяющихся цветов и оттенков. Более реалистичными становятся изображения людей – художник сохраняет анатомические пропорции человеческого тела.

## Выводы

В границы советского искусства необходимо включить такое вынужденное течение, как лагерное искусство, или искусство ГУЛАГа, которому свойственны отличительные черты и сюжетные особенности. Карандаш и бумага зачастую являлись единственными средствами художественного самовыражения в местах

отбывания наказания. Анализируя сохранившиеся лагерные работы, можно прийти к следующим выводам:

♦ во-первых, данные рисунки являются отражением эмоционального состояния и переживаний заключенного – это могут быть портретные зарисовки, пейзажи, а также бытовые сюжеты, действие которых происходит в условиях лагеря;

♦ во-вторых: в таких работах мы видим визуальное свидетельство лагерной жизни: архитектуры, культуры и быта ГУЛАГа, созданное очевидцами.

Таким образом, проанализировав четыре периода в творчестве К.П. Ротова, можно выделить следующее: примерно с 1916 по 1940 г. происходит поиск и становление художественного языка художника-карикатуриста. В начале творческой деятельности он экспериментирует с визуальным языком: обращается и к статичным и к динамичным композициям, нарабатывает собственные узнаваемые приемы: многофигурность, изображение индивидуальных черт, внимание к мелким деталям рисунка. Постепенно от простых повседневных сюжетов, он обращается к политическим; сначала рисует карикатуры в одном цвете (или черно-белые), потом же он обращается к цвету, и его карикатуры становятся более красочными.

Лагерному периоду (1940–1954) были свойственны зарисовки, которые передавали повседневность лагерного быта. Стоит отметить, что даже в условиях лагеря Ротов обращается к юмористическому рисунку. Художник прибегает к зарисовкам в академическом стиле, что не было свойственно ему в другие периоды творчества. Можно предположить, что Ротов на период заключения становится художником-аутсайдером, поэтому его визуальный язык подвергается изменению. Художник находится за пределами художественных институций, т.е. не подвергается влиянию актуальных для своего времени художественных течений и тенденций.

После реабилитации (1954–1959) Ротов возвращается к открытым композициям, к цветовым колористическим решениям, к актуальным социальным и политическим темам. Важно то, что художник после освобождения из исправительно-трудового лагеря больше не обращается к лагерной тематике. Можно предположить, что его визуальный язык напрямую зависит от ситуации и обстоя-

новки, в которой находится художник. Некоторые творческие люди после освобождения из исправительно-трудовых лагерей продолжают работать в данной тематике. К примеру, В.Н. Минаев «1937 год. Ждут» (1988), Б.Ш. Мкртчян «Из лагеря» (1955), «Возвращение» (1955) и др. Несомненно, не каждый из тех, кто дожил до своего освобождения, смог бы обсуждать этот тяжелый период, или возвращаться к данной тематике в своих произведениях.

Период заключения в Усольлаге является переломным для творчества К.П. Ротова: мы можем предположить, что он мало рисовал (исходя из того, что сохранилось всего лишь несколько работ), из анализа его творчества можно увидеть, что художник продолжает работать в жанре карикатуры, но иногда отходит от него в пользу академических зарисовок графитным карандашом. На период заключения художественный язык К.П. Ротова становится аскетичным (по сравнению с другими периодами его творчества), композиции в основном закрытого типа, сюжетики посвящена строго лагерному быту и архитектуре.

### **Список литературы и источников**

1. Деева М. Пик Ротова [Электронный ресурс]. URL: [https://bessmertnybarak.ru/Rotov\\_Konstantin\\_Pavlovich/](https://bessmertnybarak.ru/Rotov_Konstantin_Pavlovich/) (дата обращения: 28.08.2019).
2. Злополучная лошадь / сост. Е.А. Гуров // Библиотека Крокодила. М.: Правда, 1991. № 09 (1117).
3. Ротов К. // Мастера советской карикатуры / ред. Бор. Ефимов. М.: Правда, 1970. 40 с.
4. Свиридова И.А. Константин Павлович Ротов [Электронный ресурс] // Собирая лепестки истории: сборник материалов к 100-летию еженедельника «Донская волна». Ч. 1. Редактор и его команда / Донская государственная публичная библиотека; сост. Н.Н. Зайцева. Ростов-н/Д, 2018. URL: <http://donvrem.dspl.ru/archPeriodikaArtText.aspx?pid=12&id=1539> (дата обращения: 28.07.2019).
5. Творчество и быт ГУЛАГа // Каталог музейного собрания общества «Мемориал» / ред. Л.С. Еремина, Г.П. Конечна, Е.Л. Новицкая. М.: Звенья, 1998.
6. Фонд ГКБУК «Пермский краеведческий музей». ПОКМ-19229/782, ПОКМ-19229/783.

**«МОЛОТОВСКИЙ КОКТЕЙЛЬ» ОБРАЗЦА 1943 Г.  
В БОРЬБЕ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОГО  
УРОВНЯ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ**

*М.Г. Нечаев,  
доцент, канд. ист. наук,  
Пермский национальный исследовательский  
политехнический университет  
mgn4@mail.ru*

**Аннотация.** Тотальный контроль за художественным творчеством в рамках социалистического реализма был обычной практикой начиная со второй половины 30-х гг. XX в. в СССР. Концентрация писателей и поэтов в столичных регионах давала возможность это делать на уровне центральной партийной власти. Однако в годы войны местные партийные и советские власти оказались не способны контролировать «творческую свободу» мастеров художественного слова, эвакуированных в глубокий тыл, и ярким примером этому стал неожиданный «литературный бум» в Молотовской (Пермской) области. На основе новых материалов реконструируются события, связанные с постановлением ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского областного издательства» от 19 марта 1943 г., ставшие началом массовой идеологической кампании против художественной интеллигенции в послевоенный период.

**Ключевые слова:** Союз писателей; литфонд; Молотовское областное издательство; советская литература; ЦК ВКП(б); управление пропаганды и агитации; литературно-художественный альманах «Прикамье»; Молотовский обком партии; эвакуация.

**MOLOTOV COCKTAIL OF 1943 IN THE STRUGGLE  
TO RAISE THE IDEOLOGICAL AND ARTISTIC LEVEL  
OF SOVIET LITERATURE**

*M.G. Nechaev,  
associate Professor, PhD. east. sciences'  
Perm national University research Polytechnic University  
mgn4@mail.ru*

**Summary.** Total control of artistic creativity within the framework of socialist realism has been a common practice since the second half of the 30s of the

twentieth century in the USSR. The concentration of writers and poets in the capital's regions allowed this to be done at the levels of the Central party power. However, during the war, the local party and Soviet authorities were unable to control the «creative freedom «of the masters of the artistic word, who were evacuated to the deep rear.a striking example of this was the unexpected» literary boom «in the Molotov (Perm) region. This article uses new materials to reconstruct the events related to the resolution of the Central Committee of the CPSU (b) «on the work of the Molotov regional publishing house» of March 19, 1943, which became the beginning of a mass ideological campaign against the artistic intelligentsia in the post-war period.

**Keyword:** Union of writers; litfond; Molotov regional publishing house; Soviet literature; Central Committee of the CPSU (b); propaganda and agitation Department; literary and artistic almanac «Prikamye»; Molotov regional party Committee; evacuation.

Постановление оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”» [26, с. 587–591] от 14 августа 1946 г. стало началом публичной широкомасштабной кампании уничижительного осуждения и шельмования писателей, поэтов, композиторов и других деятелей культуры в Советском Союзе. Вплоть до 1948 г. продолжалось публичное обсуждение «порочных, надуманных» произведений искусств, культивирующих «упаднические, ущербные настроения», а также являющихся «пошлыми», «малохудожественными» и «идейно порочными» [14, с. 559–565]. Эхо этой кампании прокатилось по всей стране, в том числе и в Молотовской (Пермской) области, где местная печать разоблачала М. Зощенко и А. Ахматову [17, с. 188–195].

Однако именно в Молотовской (Пермской) области в годы войны, в 1943 г., произошли события, ставшие прологом обострившейся будущей ожесточенной трехлетней борьбы за повышение идейно-художественного уровня советской литературы. В апреле 1943 г. на страницах журнала ЦК ВКП(б) «Партийное строительство» были опубликованы две статьи, которые объединяло только то, что речь шла о Молотовской (Пермской) области.

В передовой статье первого секретаря Молотовского обкома ВКП(б) Николая Ивановича Гусарова «Руководить – это значит предвидеть» [13, с. 7–12] говорилось об экономических успехах области, в которой за годы войны был налажен выпуск 800 новых видов продукции, необходимой для фронта. На территории Пермского края (Молотовской области) было произведено за годы вой-

ны более 90 % всех порохов. Соликамский магниевый завод оказался единственным в стране производителем товарного магния. Усть-Боровской сользавод после захвата немецкими войсками Новгородской области и районов вокруг озера Баскунчак на некоторое время стал единственным источником солеварения для страны. В связи с потерей Донбасса роль Кизеловского бассейна, дающего коксующийся уголь, чрезвычайно возросла. Мотовилихинский завод дал фронту 48 600 артиллерийских систем – каждую четвертую, произведенную тогда в стране. Для боевых самолетов, выпущенных в те годы индустрией СССР числом 136,8 тысячи единиц, пермские моторостроители сделали 31 тысячу авиационных моторов, или 22 % от их общего количества. Завод им. Ф.Э. Дзержинского освоил производство боеприпасов и дал более 30 % взрывателей к снарядам, произведенным всей промышленностью страны во время войны. Завод им М.И. Калинина (в годы войны завод № 33, а в наше время ОАО «Пермское агрегатное объединение “Инкар” – ОАО “Стар”») за годы войны выпустил 1 миллион 107 тысяч карбюраторов. Лысьвенский металлургический завод – единственное предприятие, где выпускались все стальные каски («Шлем стальной образца 1940 г.», или СШ-40) периода Великой Отечественной войны, а Пермский телефонный завод стал единственным поставщиком полевых телефонных аппаратов для фронта [19, с. 85–88].

Н.И. Гусаров в своей статье проводил мысль, что партия в ответе за все что происходит, в том числе должна нести ответственность и за «приводные ремни» – комсомол, профсоюз и т.д. Это было очень актуально, так как именно в данный момент вышло постановление ЦК ВЛКСМ «О крупных недостатках в работе Молотовского обкома ВЛКСМ» [15]. Он делает вывод «Партийный руководитель должен быть прежде всего мастером политической работы, организатором и воспитателем тысяч людей. <...> Мы должны еще более укрепить организованность и дисциплину в тылу, усилить мобилизацию всех резервов для дела победы над врагом, еще выше поднять уровень партийного руководства» [13, с. 12].

В рубрике «На текущие темы» в журнале напечатали безымянную заметку «Областное издательство», в которой излагалось краткое содержание постановления ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского областного издательства», принятое на заседании Секре-

тариата ЦК ВКП(б) 19 марта 1943 г. Это было первое в истории ЦК ВКП(б) постановление, посвященное работе «местного» (регионального) издательства. В преамбуле определялись основные компетенции и обязанности «местных издательств»: «Выпускать литературу, помогающую областным организациям успешно решать политические и хозяйственные задачи, встающие в ходе войны. Неотложным нуждам местной промышленности и сельского хозяйства, опыту лучших промышленных предприятий и колхозов, использованию местных ресурсов, опыту партийно-политической работы – вот чему должны в первую очередь посвящаться книжки областных издательств» [21, с. 23]. Но самый главный тезис был о том, что «издательское дело требует руководства» и это «серьезный участок идеологической работы», поэтому «пониженная требовательность к авторам, небрежность в редактировании должны встречать самое суровое осуждение со стороны партийных организаций» [21, с. 23].

С одной стороны, в постановлении говорилось о том, что «Молотовское издательство разбазаривает бумагу на выпуск бессодержательных и никому не нужных книг» [21, с. 23]. С другой стороны, речь шла о «грубых политических ошибках», допущенных издательством [21, с. 24]. А всё это «явилось следствием отсутствия руководства издательством со стороны Молотовского обкома ВКП(б)» [21, с. 24]. ЦК ВКП(б) постановила: 1) освободить от должности секретаря Молотовского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации «товарища Жукова, как не справившегося с работой»; 2) обязали первого секретаря Молотовского обкома ВКП(б) обсудить на заседании бюро обкома отчет о работе издательства и «принять меры к устранению указанных в настоящем решении недостатков»; 3) «категорически запрещалось» выпускать литературу Молотовскому издательству без утверждения тематического плана бюро обкома ВКП(б) и Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), а отдел пропаганды и агитации Молотовского обкома обязан был «обеспечить тщательный предварительный просмотр рукописей всей издаваемой литературы»; 4) запрещалось всем «местным издательствам» выпускать литературу без утверждений тематических планов Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП(б); 5) постановление рассылалось во все обкомы, крайкомы и ЦК компартий союзных республик.

Почему именно Молотовское издательство стало объектом такого пристального внимания со стороны секретариата и Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)? Неужели сотрудники Молотовского издательства совершили такие серьезные «политические ошибки» и за полтора года войны выпустили больше, чем остальные «бессодержательных и никому не нужных книг»?

В годы войны произошли качественные изменения в культурной жизни Пермского края (Молотовской области) и это связано прежде всего с эвакуацией известных столичных культурных учреждений, а также целым рядом известных писателей, композиторов, артистов и художников. Несмотря на трагические обстоятельства, в результате которых это стало возможно, сложились абсолютно уникальные условия для оживления провинциальной культурной жизни.

До 1940 г. литературной столицей Урала был Свердловск, где было открыто Уральское отделение Союза советских писателей. Там же издавался ежемесячный журнал «Штурм», а с 1938 г. «Уральский современник». Пермская область указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 октября 1938 г. была выделена из Свердловской области с центром в городе Перми. Еще до появления Пермской области как самостоятельной административно-территориальной единицы в Перми уже жили литераторы: А.Н. Спешиллов, Е.Ф. Трутнева, Б.Н. Михайлов, В.Л. Занадворов и др. [1, с. 125]. В основном они публиковались в Москве, Ленинграде, Казани, Свердловске. В Свердловске работало всеуральское издательство, выходил ежемесячный журнал «Штурм», с 1938 г. – альманах «Уральский современник», кроме того, в городе находилось уральское отделение Союза советских писателей, в которое входило четыре пермяка: Б. Михайлов, А. Спешиллов, В. Каменский и Г. Коновалов [1, с. 125]. Поэт Борис Михайлов писал в газете «Звезда»: «Читатели Перми не знают своих писателей» [1, с. 125].

26 августа 1939 г. бюро Пермского обкома ВКП(б) рассмотрело вопросы «Об организации областного издательства» и «Об издании литературно-художественного альманаха» [22, ф. 105, оп. 1, д. 31, л. 184]. По первому вопросу было принято решение: «Организовать Пермское областное издательство для издания политической, научной и художественной литературы», а по второму: «Просить ЦК ВКП(б) разрешить издание литературно-художественного альманаха» [22, ф. 105, оп. 1, д. 31, л. 184].



Издательство занимало бывшее складское помещение с низким потолком и земляным полом. В штате издательства было всего три человека: директор, редактор и бухгалтер [36, с. 142]. С начала 1941 г. издательство получило помещение получше, и в штат приняли еще одного редактора, а также корректора, счетовода и завхоза [36, с. 142].

23 февраля 1940 г. было утверждено Молотовское отделение Союза советских писателей [16, с. 489]. А.Н. Спешиллов был избран ответственным секретарем областной писательской организации, а Борис Михайлов – уполномоченным Литфонда [36, с. 147]. До войны в Пермском крае (Молотовской области) было всего пять членов и кандидатов в Союз советских писателей – В. Каменский, Б. Михайлов, А. Спешиллов, Н. Попов, С. Караваяев и восемь человек литературного актива.

А.Н. Спешиллову как редактору редакции художественной литературы областного издательства поручили руководить группой «литературного актива», которые проходили «теоретическую подготовку» – им проводили занятия преподаватели университета и пединститута Боголюбов, Будрин, Ефимов, Ожегова [36, с. 143]. По воспоминаниям А.Н. Спешилова, занимались «...Баталов, Бычков, Занадворов, Александр Каменский, Коновалов, Матросов, Трайнин, Трутнева, Якубов. Приезжали из Кудымкара поэты Караваяев и Попов, бывали на наших занятиях Василий Васильевич Каменский и известный уральский собиратель устного народного творчества жизнерадостный, желанный наш гость Валентин Николаевич Серебренников (Аргентов)» [36, с. 143].

Если в 1939 г. в Перми (Молотове) увидело свет всего три книги (Жукова А. «Жизнь крестьян прежде и теперь»; Кондакова А. «Промышленность и транспорт Пермской области»; Гришина А. «Праздник счастья») и выглядели они крайне неказисто, были отпечатаны на газетной бумаге, плохо оформлены, иллюстрации отретушированы грубо [1, с. 128], то в 1940 г. предполагалось издать 45 книг, но вышло всего 26 [1, с. 128–129]. 4 декабря в 1940 г. вышел первый номер литературно-художественного альманаха «Прикамье» – органа Пермской писательской организации. В нем были опубликованы произведения В. Каменского, Б. Михайлова, Е. Трутневой, А. Бычкова [20, с. 20–21].

В начале Великой Отечественной войны большая часть литературного актива Молотовской области была призвана на фронт: Бычков, Занадворов, Баталов, Кайгородов, Караваев, Попов. В Свердловском отделении Союза писателей осталось всего 15 человек, в Молотовском – шесть [35, с. 308]. Мобилизованы были директор Молотовского издательства Катаев, секретарь парторганизации Титов, бухгалтер Рудометов, заведующий хозяйством Зеленин [36, с. 156]. Вместо Катаева директором издательства назначили Макарова [36, с. 157]. 20 февраля 1942 г. Объединение государственных издательств при СНК РСФСР (ОГИЗ) предложило А.Н. Спешилкову принять дела издательства [36, с. 157].

Одновременно с этим в восточные районы страны началась массовая эвакуация писателей. В Свердловск прибыли: А. Барто, Ю.Верховский, Ф. Гладков, Л. Гроссман, Л. Кассиль, А. Караваева, Е. Пермяк, М. Шагинян, А. Коц и др. [35, с. 308]. В результате Свердловское отделение Союза писателей увеличилось до 64 человек [35, с. 308]. На этой основе в Свердловске был создан Уральский литературный центр, который возглавили известные всей стране писатели П. Бажов, А. Караваева и Е. Пермяк [35, с. 308].

В Чкалов (Оренбург) был эвакуирован поэт А. Фатьянов, прозаики В. Альбертон, О. Гольдес, драматург А. Цикорьков, очеркист Х. Левина, молодые писатели А. Коваленков, Е. Рысс, В. Герасимова. Это позволило в 1942 г. создать областное отделение Союза писателей [35, с. 309].

В Уфе творческую деятельность продолжили П. Тычина, М. Рыльский, П. Панч, А. Корнейчук, Н. Рыбак, В. Сосюра, И. Кочерга. В Ижевске нашли пристанище Н. Ляшко, А. Карцев, Я. Годин, Д. Каневский и другие. Значительно выросла количественно и Челябинская писательская организация, возобновившая свою деятельность с сентября 1941 г. [35, с. 309].

Одни из первых из Москвы в Молотов (Пермь) 25 июля 1941 г. приехали Брики – Осип Максимович Брик (ближайший друг В. Маяковского) со своей женой Е.Г. Соколовой и Лиля Юрьевна Брик – первая жена Осипа Максимовича, муза В. Маяковского, которая вновь вышла замуж за московского литератора-маяковеда Василия Абгаровича Катаняна [10].

К 12-й годовщине гибели Владимира Маяковского (14 апреля 1930 г.) в городе Молотове (Перми) прошла целая серия мероприя-

тий, посвященных памяти поэта. 15 сентября 1941 г. была подписана в печать и издано пятитысячным тиражом книга, составленная В.А. Катаняном, – Маяковский В. «Лозунги-рифмы» [18]. Л.Ю. Брик подготовила к печати рассказ-воспоминания «Щен», который был написан еще в самом начале 1936 г. Этот рассказ с рисунками Л.Ю. Брик вышел из печати в апреле 1942 г. [7].

В г. Молотов (Пермь) эвакуировалась большая группа советских писателей: Н.В. Гернет, Я.Л. Горев, В.А. Каверин, М.Э. Козаков, Л.М. Козелова, И.В. Луковский, И.С. Соколов-Микитов, А.А. Первенцев, Е.Г. Полонская, С.Е. Розенфельд, Н.Я. Рыкова, М.Л. Слонимский, Ю.Н. Тынянов и Л.Н. Тынянова, А.А. Френкель (д'Актиль), Н.Ф. Фридлянд, А.П. Штейн и др. [23, с. 95] В г. Осу вместе со своей семьей приезжает выдающийся русский писатель и автор популярных детских произведений Виталий Валентинович Бианки [5]. Только из Москвы и Ленинграда эвакуировались 43 члена Союза советских писателей. А всего на учете в Молотовском отделении Союза советских писателей теперь состоял 71 человек [11, ф.р. 1188, оп. 1; д. 1, л. 1; ф.р. 1588, оп. 1; д. 599; л. 6].

Приезжие писатели селились, главным образом, в номерах гостиницы, которую все звали – «семиэтажка» (ныне гостиница «Центральная»). При писательской группе был организован Литфонд, с помощью которого писатели обеспечивались ссудами и решались их бытовые проблемы. Например, для писателей ежедневно готовили бесплатный обед, они могли получить семена огородных растений и им выдавали вино [6, с. 34–35]. Для писательских детей устроили детский лагерь в деревне Черной на 200 мест в двух часах езды от Перми. Лагерь состоял на особом снабжении, дети были обеспечены питанием, кровом, врачебный надзором, школьным образованием. 150 мамам с детьми предоставляли места в домах колхозников, при этом выделялись «дрова и продовольствие» [11, ф. р-1206, оп. 1, д. 16, л. 102].

Приезд ведущих отечественных писателей совершенно изменил литературную жизнь Прикамья. Из литературного захолустья Пермь превращается в один из ведущих литературных центров. Если в целом в стране тираж книг в 1943 г., по сравнению с 1940 г., сократился более чем в два раза [1, с. 132], то доля восточных книгоиздательских центров возросла по тиражу книг с 6 до 13 %, а по числу названий – с 34 до 54 % [1, с. 132]. И заметную

часть этого прироста давал Урал, в том числе Молотовская (Пермская) область.

В эвакуации творческая работа не прекращалась. Смертельно больной Ю.Н. Тынянов писал исторические рассказы и очерки, а также продолжал работать над третьей частью своего последнего романа «Пушкин». Здесь был написан его последний рассказ «Гражданин Очер» В литературно-художественном сборнике (альманахе) «Прикамье» были опубликованы два его рассказа: «Генерал Дорохов» [29, с. 3–10] и «Красная шапка» [29, с. 13–14]. Умер Ю.Н. Тынянов в декабре 1943 г., вернувшись из эвакуации в Москву.

Выдающийся советский писатель В.А. Каверин писал в Перми (Молотове) рассказы о защитниках Ленинграда и в то же время в литературно-художественном сборнике (альманахе) «Прикамье» были опубликованы главы одного из самых знаменитых его романов – «Два капитана» [29, с. 19–37].

В Перми (Молотове) вышли в свет пьеса «Девочки» и повесть «Семья Пирожковых» [30, с. 3–59] Веры Пановой и, наконец, ее знаменитая повесть «Спутники» – одно из первых произведений о Великой Отечественной войне, написанных по горячим следам событий (опубликована в 1946 г.).

В.В. Бианки писал из Осы 10 июня 1943 г.: «Вот мне надо работать, очень много работать: четыре книги для ДетГИЗа, две передачи в месяц для московского радио, очерки для ТАСС, рассказы для четырех журналов» [5, с. 25]. За 35 лет своей творческой деятельности Бианки создал более 300 рассказов, сказок, повестей, очерков и статей. В период своего «осинского сидения» было написано около двух десятков рассказов, среди них: «Приказ на снегу», «Тетерева в лунках», «Два белых, третий – как снег», «Поганки», «Мышарик», «Башенный стриж», «Рожденные радости», «Кто ночью не спит», «Глупые вопросы», «Тигр-пятиполосник» и другие.

Малоизвестный тогда писатель Геннадий Гор, переживший блокадную зиму 1941–1942 гг., написал в Перми (Молотове) 95 стихотворений в духе творчества «Объединения Реального Искусства» (ОБЭРИУ), куда в свое время входили Даниил Хармс, Александр Введенский, Николай Заболоцкий и другие. Эти стихи он никому не показывал, и никто не знал о его поэтических экспериментах. Они были опубликованы только в первом десятилетии XXI в. [12]. Впоследствии Геннадий Гор стал председателем Ленинградского отде-

ления Союза советских писателей, а любителям фантастики он был хорошо известен, как чрезвычайно тонкий и сложный автор, пытающийся нащупать границы искусства и реальности – «магический реализм».

С января 1942 г. еженедельно по вторникам проводились творческие собрания писателей. За это время обсуждались произведения И. Луковского, Н. Касаткиной, С. Спасского, Н. Рыковой, Г. Семенова, В. Вальдман, А. Кулишер, В. Каверина, А. Первенцева и других [15]. Например, 21 ноября 1942 г. В.А. Каверин читал свои рассказы «Друг», «Любовь», «Русский мальчик», «Девушка на флоте», подвергшиеся тщательному анализу слушателей. Н.Я. Рыкова в связи с этим сказала: «В 1942 г. наметился в литературе правильный поворот, Каверин делает в прозе то, что Симонов – в поэзии. Литература там, где вечные темы: любовь, смерть, счастье» [6, с. 35]. В марте 1943 г. инженер завода имени Дзержинского И. Трайнин читал отрывки из своей повести «Мы еще встретимся» – о людях уральского военного завода. В обсуждении повести приняли участие писатели П. Ходченко, А. Льдов, Н. Арбенева [15]. В областной библиотеке на литературных вечерах выступали такие известные писатели, как А. Первенцев, А. Новиков-Прибой, М. Слонимский, Л. Кассиль, В. Каверин, В. Панова и другие [28, с. 222–223].

Ушли на фронт, так и не написав свои, может, самые лучшие стихи пермские поэты В. Занадворов, А. Бычков, коми-пермяцкий поэт И. Гагарин. В годы войны писатели-пермяки в основном выпускали поэтические сборники. Это две книжки Б. Михайлова – поэма «Ганя Опанасенко» и сборник «У Камы», «Снежный город» и «Стихи для детей» Е. Трутневой. А. Спешилов написал сборник рассказов о гражданской войне «Преданность». Борис Ширшов и Афанасий Матросов написали «Боевые частушки», выдержавшие два издания [24, с. 9].

Н. Степанов в статье «Молотовские писатели», опубликованной в начале 1942 г., так кратко охарактеризовал состояние литературы в Прикамье: «Объем продукции молотовских писателей невелик: два выпуска литературно-художественных сборников “Прикамье” (за 1940 и 1941 г.) и несколько небольших книжек прозы и стихов: А. Спешилова “Бурлаки”, И. Трайнина “Там, где свирепствуют штормы”, Б. Михайлова “Июнь”, В. Занадворова “Простор”.

Этот небольшой объем продукции свидетельствует о молодости молотовского литературного объединения, об отсутствии прочных литературных традиций. Молотовские писатели не являются какой-либо литературной “школой”, не претендуют на единство направления и стиля. Их больше всего сближает любовь к родному краю, к суровой и могучей природе севера, к его крепким мужественным людям» [31, с. 104].

Однако уже начиная с № 4 литературно-художественного сборника «Прикамье» (с № 5 он был переименован в альманах) стали публиковаться писатели не только пермские, но и столичные. Четыре номера этого альманаха вышли только в 1942 г., то есть он превратился в настоящий «толстый» литературный журнал с совсем не «провинциальным» художественным содержанием. В редколлегию альманаха вошли: В.А. Каверин, Б. Михайлов, М.Л. Слонимский, А.М. Семенов, С.Д. Спасский, Л.Н. Тынянов [22, ф. 105, оп. 9, д. 21, л. 148]. Более того, этот альманах стал издаваться в Перми, а не в Свердловске, как это было раньше. Расширились типографские возможности города в результате эвакуации Ленинградской типографии имени М. Горького (знаменитый «Печатный двор»): в Пермь (Молотов) приехали около 200 специалистов, были привезены шесть линотипов, четыре печатные машины и другое оборудование. На этой базе в 1942 г. создали книжную типографию № 2. Ленинградские мастера обучили своему делу молодых рабочих, воспитали в лучших традициях новое поколение полиграфистов [23, с. 169].

Директор Молотовского (Пермского) издательства А.Н. Спешилов не мог первоначально загрузить заказами такую огромную, по меркам г. Молотова (Перми), типографию. Однако он нашел остроумный выход из положения. Накопившиеся бумажные отходы: срыв, обрезь и прочее использовали для выпуска детских «книжек-малышек». Каждый месяц выпускали «книжки-раскладушки», и они расходились моментально [36, с. 157].

А.Н. Спешилов провел огромную работу по упорядочиванию деятельности издательства. В своем первом приказе после назначения директором он дает нелестную характеристику увиденному: «Помещение издательства захлавлено разным мусором; рабочие столы имеют грязный, неряшливый вид. Не только под столами, но и на столах, на стенах, на шкафах пыль и грязь. На

единственном окне в издательстве на вершок грязи. Архив издательства лежит беспорядочно кучей на шкафах. При входе в издательство в первую очередь бросается в глаза “обеденный” стол, на котором валяются разные хозяйственные предметы, не относящиеся к издательству» [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 1-1об.].

А.Н. Спешиллов в целях «создания условий для бесперебойного и последовательного прохождения рукописей через редакционный портфель» расширил состав редакционного аппарата и редакционно-художественного совета за счет эвакуированных писателей [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 2]. С.Л. Рыков был назначен главным редактором, председателем редакционно-художественного совета, ответственным редактором альманаха «Прикамье». Ему разрешили «использовать для занятий любое время дня» [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 4]. Затем главным редактором стал опытный ленинградский журналист Алексей Михайлович Семенов, которого А.Н. Спешиллов впоследствии очень лестно характеризовал: «Профессионально грамотный, с крепкой партийной закалкой, он был уважаемым человеком среди издателей и авторов. Семенов умел предупреждать все возможные ошибки в издательском деле. Являясь на работу, Алексей Михайлович всегда вежливо, на равных, здоровался с сотрудниками, молча садился за редакторский стол. Уходил с работы последним. Мы удивлялись, откуда у больного человека бралось столько сил и энергии» [36, с. 158]. Должность редактора художественной литературы заняла Н.Я. Рыкова, ей предписывалось: «К 1 апреля разобрать имеющиеся самотечные рукописи. Лучшие рекомендовать к печати, часть передать в отд. ССП, остальные, по своему усмотрению, возвратить авторам с краткими рецензиями» [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 2об.]. Всем работникам редакционного аппарата приказывали «обратить серьезное внимание на редакционную обработку и правку оригиналов для того, чтобы избежать излишних типографских расходов по правке гранок и связанной с этим задержкой книг в производстве. Расходы по правке готового набора, допущенные по вине редакционного аппарата, будут относить за счет виновных» [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 2].

По инициативе Молотовского издательства тематический план на 1942 г. был пересмотрен в сторону увеличения, и только

27 апреля 1942 г. его утвердили издательским управлением ОГИЗа. Список партийно-массовой литературой был согласован с обкомом ВКП(б) [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 6].

С 16 ноября по 16 декабря 1942 г. «учитывая решение рабочих и служащих», Молотовское издательства включилось во фронтовой месячник помощи защитникам Сталинграда и Кавказа [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 14]. За этот месячник принимались обязательства перевыполнения плана. В частности, в этом плане был следующий пункт: «В течение фронтового месячника перейти на безграничную работу, как более экономную в смысле времени и расходования средств. Для обеспечения этого мероприятия Редакционному аппарату необходимо обратить внимание на улучшение технического качества рукописей» [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 14об.]. Однако обязательства выполнены не были. По мнению директора издательства: «Это объясняется тем, что некоторые работники издательства не мобилизовались на выполнение взятых обязательств и недооценили политическое и хозяйственное, а также оборонное значение фронтового месячника, работали без напряжения, обычными темпами» [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 15об.]. Вместо запланированных 1,5 авторских листа к сдаче в производство издательство сдавало ежедневно в среднем 1,3 авторских листа. Вместо 39 авторских листа было сдано 34, что составило 87 % плана [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 15]. Производственный сектор «из-за нечеткой работы редакционного сектора, а также перенесения некоторых книг на 1943 год из-за нехватки бумаги» план месячника по выпуску книг выполнил лишь на 86 % (план 46,55 авторских листа, вышло из печати 40,18 авторских листа) и не смог перейти на «безграничную работу» [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 15об.]. В целом план 1942 г. по названиям вышедших книг был выполнен на 96 %, по объему – на 76 %, по тиражам – на 97 % [11, ф.р-1196, оп. 2, д. 1, л. 15об.].

Однако на самом деле число выпускаемых издательством книг резко возросло. Если в 1941 г. вышло 25 названий общим тиражом 100 тысяч экземпляров и объемом 60 учетно-издательских листов, то в 1942 г. – уже 50 книг объемом 100 учетно-издательских листов и тиражом 500 тысяч экземпляров. Число названий увеличилось вдвое, а тираж – в пять раз [1, с. 135]. Темп, набранный издательством, не снизился и с началом 1943 г. Так, с января



по апрель издали еще 37 книг. А всего с июня 1941 г. по апрель 1943 г. – 112 [22, ф. 105, оп. 9, д. 21, л. 149].

Книги, изданные в Молотовском издательстве, стали привлекать внимание и вызвали критику со стороны центральных литературных журналов. Так, объектом критики стало либретто оперы «Иван Грозный», написанное О.М. Бриком по заказу Большого театра и опубликованное в январе 1942 г. тиражом в 5000 экземпляров в Молотове (Перми) [8]. В октябрьском номере (№ 10) журнала «Октябрь», который являлся органом Союза советских писателей, была опубликована большая критическая статья Н. Семенова «Издательская ошибка (Об исторической трагедии О. Брика)». Автор считал, что ни истории, ни трагедии в этой книжке нет, а есть лишь хоры, арии и серенады. В газете «Литература и искусство» за несколько дней до опубликования постановления Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1942 г. появилась статья Д. Рабиновича о постановке оперы Мариана Ковалья и пермского поэта В.В. Каменского «Емельян Пугачев» [15]. В этой статье Д. Рабинович утверждал, что успех музыки оперы «Пугачев» произошел «не только без помощи словесного текста, но сплошь и рядом вопреки ему» [15].

Начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров инициировал проверку печатной продукции, опубликованной Молотовским (Пермским) издательством. Результатом этой проверки стало его докладная секретарям ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову, Г.М. Маленкову и А.А. Андрееву, в которой он в частности так охарактеризовал рассказ Л.Ю. Брик о В.В. Маяковском: «Рассказ Брик “Щен” посвящен щенку, которого выкормил Маяковский. В книге щенок сравнивается с Маяковским <...> Подобная пошлость занимает печатный лист и издана 15-тысячным тиражом (*На самом деле пятидесятичным – прим. авт.*)» [10]. А по поводу исторической трагедии О.М. Брика «Иван Грозный» был сформулирован еще более жесткий пассаж: «Перед нами хладнокровная и сознательная халтура. Это дурная, скверная шутка, непростительная в то время, когда так вырастает чувство ответственности за каждую написанную строку» [28, с. 232–233]. Данная докладная и легла в основу постановления ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского областного издательства» от 19 марта 1943 г.

В постановлении ЦК ВКП(б) перечислялись «бессодержательные и никому не нужные книги» [21, с. 23]. К ним относились «совершенно ненужная книга» Юрия Широкого о цирковых артистах, дрессированных лошадях и львах и «бесполезная для медицинских работников и недоступная по своему содержанию для массового читателя» книга В.П. Первушина «Нервная система и ее заболевания» [21, с. 23–24]. В постановлении среди «бессодержательных» книг были отмечены «серые, недоработанные стихи» А. Бычкова «Железо и огонь» [9], «пошлые рассказы» Л.Ю. Брик о Маяковском «Щен», «фальшивая повесть» С. Розенфельда «Гунны» [32], «ненужная книга» С. Рыкова «Боги Олимпа. Мифы и сказания Древней Греции» [33], «недоработанная книга» В. Попова «По Каме в дни Отечественной войны» [25]. «Грубой политической ошибкой» в постановлении назвали «пьесу» (либретто оперы «Иван Грозный») О.М. Брика и исторические очерки И.Б. Берхина «Отечественная война 1812 года» [4]. По поводу «пьесы» О.М. Брика отмечалось: «В антихудожественной пьесе Брика грубо искажается образ Ивана Грозного. Иван Грозный как выдающийся государственный деятель в пьесе совершенно не показан» [21, с. 24]. Разгромную характеристику получили исторические очерки И.Б. Берхина: «Дается путанное изложение событий Отечественной войны 1812 года, принижается роль великого русского полководца Кутузова в разгроме армий Наполеона [21, с. 24]. Автор повторяет затасканную немецкими «историками» антирусскую концепцию, приписывающую Кутузову пассивную роль в ведении военных действий, изображающую дело так, якобы Кутузов рассчитывал уничтожить врага без крупных сражений, «надеясь на внутреннее разложение армии и уничтожение ее партизанскими отрядами» [21, с. 24].

20 апреля 1943 г. на заседании бюро Молотовского обкома ВКП(б) первым пунктом повестки дня был вопрос: «О работе Молотовского Областного Издательства ОГИЗа» [22, ф. 105, оп. 9, д. 21, л. 148]. Справку к заседанию бюро подготовила «бригада по обследованию Облиздательство» [22, ф. 105, оп. 9, д. 21, л. 148]. В этой справке отмечали, что писатели и издатели слабо связаны с фронтом, «высасывают из пальца» фронтовые произведения, в книгах много пессимизма, отчаяния, растерянности. Издаются и переиздаются никому не нужные книги [1, с. 138]. Дважды, на-

пример, переиздавались книги по агротехнике, сахарной свеклы и кок-сагыза, хотя эти культуры в области не растут, а действительно нужных книг не хватает [1, с. 138–139]. Почти все книги внешне выглядят очень плохо. В издательстве царят хаос в хозяйственных вопросах. Совершенно не отвечает требованиям помещение – небольшая комнатка на чердаке без телефона, где вместе с группой писателей занималось до 15 человек [1, с. 139].

В справке отмечалось также, что писатели слабо отображали Урал в своих произведениях и «прошли мимо его интересного прошлого и героического настоящего, а если и изображали его, то не всегда верно, не всегда с симпатией». В качестве примера «бригада по обследованию» обрушилась с критикой на книгу М.Л. Слонимского «Председатель горсовета» [34], изданную в начале 1943 г. и не попавшую в список «бессодержательных и никому не нужных книг» в постановлении ЦК ВКП(б). М.Л. Слонимский в этой книге дает абсолютно убийственную характеристику чиновничьей старой Перми (Молотову): «Богатырей Пермь не рожала. <...> Пермь была тормозом и тюрьмой. <...> Даже тараканы в Перми были умней городских заправил. <...> Эти чиновники и в огне не сгорели, и в Каме не потонули. А главное – они были не способны поумнеть. <...> Чиновники здесь принадлежали скорей к мертвой природе, чем к живой. Пермь была самым чиновничьим городом из всех русских городов, и медведь в гербе Пермской губернии для Перми никак не годился. В гербе старой Перми естественней был бы таракан» [34, с. 36–37].

На заседании бюро Молотовского обкома ВКП(б) присутствовали в том числе уполномоченный КПК (Комиссия партийного контроля) при ЦК ВКП(б) по Молотовской области и представитель ЦК ВКП(б) В.И. Ратнер. Бюро обкома ВКП(б) отметило «совершенно неудовлетворительную работу издательства, руководство которого не справилось со своими задачами» [22, ф. 105, оп. 9, д. 21, л. 149]. Подчеркивалось, что директор издательства А.Н. Спешлов и главный редактор Рыков «были оторваны от политической и производственной жизни своей области, не привлекали к активной работе редакционный совет и совершенно не работали с авторским активом – писателями. <...> ...не имели твердой линии в выполнении издательских планов, некритически относились к рукописям, уступая нажиму отдельных авторов, стремившихся

протащить в печать свои явно недоброкачественные произведения» [22, ф. 105, оп. 9, д. 21, л. 149]. Особо выделялось, помимо «неряшливости», «безграмотности», «ошибок» и «запущенности финансово-хозяйственной части, несвоевременного учета и отчетности», отсутствие в изданных книгах «уральской тематики» [22, ф. 105, оп. 9, д. 21, л. 149].

В постановляющей части было принято: 1) «Освободить т. Спешилова от работы директора издательства как не справившегося со своими задачами. Поручить отделу кадров обкома ВКП(б) подобрать кандидатуру директора издательства»; 2) «...пересмотреть тематический план издания литературы на 1943 год и представить его к 27.04.1943 г. на утверждение обкома ВКП(б) ...»; 3) «предложить издательству вовлечь в активную работу редакционный совет... <...> Установить тесную связь с областной организацией союза советских писателей...»; 4) «отделу пропаганды и агитации обкома ВКП(б) обеспечить систематическое руководство деятельностью издательства и особенно – тщательный предварительный контроль рукописей всей издаваемой продукции»; 5) «обязать Облисполком тов. Кочергина оказать помощь издательству в предоставлении необходимого помещения, в улучшении бытовых условий работников и принять меры к упорядочению финансового и хозяйственного состояния издательства» [22, ф. 105, оп. 9, д. 21, л. 150].

О том, что ЦК ВКП(б) и бюро обкома дали неудовлетворительную оценку работе Молотовского областного издательства и указали практические меры по улучшению работы издательства [15] публично было заявлено в день советской печати (5 мая 1943 г.) в областной газете «Звезда» в большой передовице «Печать советского государства» [15], в которой подчеркивалось: «В дни войны неизмеримо выросли запросы трудящихся и повысились требования советского читателя к художественной литературе. Следует отметить, однако, что Молотовское областное издательство не справилось со своими обязанностями по выпуску доброкачественной литературной продукции» [15].

Практические шаги, предпринятые партийным руководством области, по выполнению постановления ЦК ВКП(б) были чрезвычайно непоследовательны и «не имели твердой линии». Главный виновник «вредного» издательского бума А.Н. Спешиллов получил

партийный выговор и был отстранен от должности директора, но не от должности главного редактора издательства, то есть фактически оставался ответственным за выпуск всей печатной продукции. Более того, «директорское кресло» так никто и не занял в течение всего 1943 г. и лишь 1 января 1944 г. в должность директора вступила ответственный секретарь исполкома городского Совета – Людмила Сергеевна Римская, а сам «виновник» был насильно отправлен секретарем облисполкома Б.Н. Назаровским по путевке в дом отдыха «Красный Яр» [36, с. 167].

Не были наказаны и писатели не только «бессодержательных и никому не нужных книг», но и те, кто написали «вредные» с политической точки зрения книги. О.М. Брик вместе с женой Е.Г. Соколовой в январе 1943 г., получив разрешение Моссовета по ходатайству Гослитиздата, возвращаются в Москву [10]. В конце 1942 г. молодой кандидат исторических наук Илья Борисович Берхин, эвакуированный из Брянска в Молотов в 1941 г., вступает в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии, демобилизовался он только в 1946 г. В Молотове (Перми) он опубликовал три исторические научно-популярные брошюры: в сентябре 1941 г. «Когда и как русский народ бил немецких захватчиков» [4] тиражом в 5000 экземпляров, в январе 1942 г. «Александр Невский» [2] (тираж 10 000 экземпляров) и в августе 1942 г. «Отечественная война 1812 года» [3] (тираж 10 000 экземпляров). После демобилизации работал в Институте истории АН СССР и преподавал в МГИМО, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР.

Отдел пропаганды и агитации обкома ВКП(б) обеспечил «систематическое руководство» деятельностью издательства и «тщательный предварительный контроль» всех рукописей. И, как результат, деятельность Молотовского издательства была по сути парализована. Так, если до апреля 1943 г. было издано 37 публикаций, то всего за год только 42 названия [23, с. 413–414]. В 1944 г. вышло уже 40 названий, а в 1945 – 62, но план 1944 г. был выполнен всего на 56 %, а план 1945 – на 71 % [1, с. 140].

Но недостаточно было просто не печатать писателей, необходимо было провести с ними воспитательную работу, и конференция, состоявшаяся в июне 1943 г. в Перми, посвященная теме «Настоящее и прошлое Урала в художественной литературе», оказалось важнейшей площадкой для обсуждения всегда актуального

вопроса: «Что делать, с чего начать и о чем писать»? Цель конференции была сформулирована достаточно четко: «О роли и месте писателя Урала в дни Отечественной войны конференция должна сказать полным голосом. Ибо того, что делается нашими писателями, той продукции, какая ими выпущена, явно недостаточно, а качество ее далеко еще не столь высоко, чтобы можно было говорить об успешном овладении писателями своим родом оружия в борьбе против гитлеровской Германии» [15].

Уральская межобластная научно-литературная конференция открылась вечером 13 июня 1943 г. в зале Молотовского облисполкома. На конференцию прибыли писатели, ученые, собиратели фольклора, краеведы, художники, журналисты, представители партийных и областных организаций из Свердловска, Молотова, Челябинска [15]. Председателем оргкомитета был профессор Молотовского педагогического института Е.А. Боголюбов [15]. Председатель Молотовского облисполкома С.А. Кочергин приветствовал собравшихся от имени обкома ВКП(б) и облисполкома, обратив особое внимание «на то обстоятельство, что литература еще отстает от задач дня, от творческого взлета промышленного и в целом хозяйственного развития Урала» [15]. В областной библиотеке 14 июня 1943 г. открылись выставки, приуроченные к конференции: организованная Молотовской художественной галереей «Урал в изобразительном искусстве» и областной библиотекой – книжно-иллюстративная выставка «Настоящее и прошлое Урала» [15]. Конференция проходила с 13 по 19 июня 1943 г. На конференции выступили профессор Молотовского педагогического института Е.А. Боголюбов, секретарь Молотовского обкома ВКП(б) И.Т. Виноградов, лауреат Сталинской премии профессор В.В. Данилевский (Свердловск), собиратель народного творчества В.П. Бирюков (Шадринск), профессор К.Н. Державин, профессор С.Г. Лавров (Кудымкар), Л.П. Скорино (Свердловск), самый известный уральский писатель П.П. Бажов, А.С. Ладейщикова (Свердловск), К.В. Рождественская (Свердловск), В.А. Будрин (Молотов), профессор С.С. Мокульский, И.В. Карнаухова (Молотовская область), профессор С.С. Данилов (Молотов) и др. Однако журналист областной газеты «Звезда», освещавший эту конференцию, отметил: «Нужно заметить, однако, что в прениях мало политиче-

ской заостренности, высказывались иногда недостаточно глубоко продуманные мысли...» [15].

На конференции была принята обширная резолюция, в которой отмечалось: «Весьма положительное явление рост за последнее время продукции уральских писателей и в количественном и в качественном отношениях, расширение тематики и сферы их творческих интересов, разнообразие жанров, в которых они работают, и явно определившийся интерес к работе над уральским материалом» [11, ф.р-1588, оп. 1, д. 595, л. 1]. Однако вместе с тем подчеркивалось: «Конференция считает нужным отметить, что в работе уральских писателей не изжиты до сих пор некоторые серьезные недостатки, тормозящие литературную жизнь Урала и не дающие ей возможности достичь того высокого идейно-политического и художественного уровня, которого требует неуклонно растущее значение Урала в жизни нашей страны и в Отечественной войне советского народа против фашизма» [11, ф.р-1588, оп. 1, д. 595, л. 1-1об.].

Для устранения «недостатков писательской работы на Урале и обеспечения творческого роста художественной литературы Урала» собравшиеся на конференции считали необходимым «изжить отдельные проявления профессиональной демобилизованности» и «обратить внимание всех уральских писателей на необходимость более глубокого и серьезного изучения уральского материала, истории Урала, его славных боевых дел в прошлом и настоящем, его людей и его быта, его промышленности и его сельского хозяйства [11, ф.р-1588, оп. 1, д. 595, л. 1об.].

Конференция рекомендовала направить «научно-исследовательский интерес уральских литературоведов к литературной истории Урала» [11, ф.р-1588, оп. 1, д. 595, л. 2]. Издать книги об уральских писателях Ф.М. Решетникове, А.П. Бондине, П.П. Бажове, В.В. Каменском, а также осуществить академическое издание полного собрания сочинений Мамина-Сибиряка. Подготовить иллюстрированную хрестоматию «Урал в художественной литературе» для детей и юношества и «Литературный путеводитель по Уралу» [11, ф.р-1588, оп. 1, д. 595, л. 2об.].

В резолюции конференции подчеркивалось, что «издательская работа в области художественной литературы и литературоведения является одним из наиболее отсталых и неорганизованных

участков культурного строительства уральских областей. Выпуск ряда художественно слабых книг и недоброкачественной литературы, в частности – молотовским издательством, отсутствие широко разработанных планов издания уральских классиков литературы и современных уральских писателей, слабость активной организующей работы издательств с авторами, крайняя медлительность в выпуске книг и журналов, – все эти недостатки в работе уральских издательств требуют скорейшего устранения, и в первую очередь в молотовском отделении ОГИЗа, наиболее отсталом в своей работе» [11, ф.р-1588, оп. 1, д. 595, л. 3]. Рекомендовалось создать газету «Литературный Урал», единый общеуральский литературно-художественный журнал, литературный альманах «Прикамье» реорганизовать в ежемесячный и т.д... [11, ф.р-1588, оп. 1, д. 595, л. 3об.].

Однако критическая составляющая резолюции была чрезвычайно корректная. В основном на конференции наметили основные направления публикационной деятельности на ближайшие годы, что было чрезвычайно важным для молодых областных издательств Урала. Резолюция конференции была доведена до сведения всех областных партийных и советских организаций Урала. В Молотовской, Свердловской, Челябинской, Оренбургской областях, а также в Башкирской АССР стали практиковать обсуждение литературных произведения на партийных собраниях различного уровня, а не только Союза писателей. Ужесточились требования к перестройке деятельности писателей в соответствии с условиями военного времени. И, как результат, сократилась публикационная активность областных издательств, особенно в отношении художественной литературы.

В 1944 г. из всего репертуара книг в Молотовской (Пермской) области было опубликовано только шесть художественных изданий: Дар Д. «Рассказы о боевых друзьях», Любимов Б. «Забойщик Павел Поджаров», Мамин-Сибиряк Д.Н. «Детские рассказы», Сигов И. роман «На старом Урале», Славин Л. «Уралец: рассказ» и номер седьмой литературно-художественного альманаха «Прикамье» [23, с. 414–415].

С отъездом эвакуированных писателей отпала актуальность тщательного контроля за художественным творчеством на местах. Из Молотовской (Пермской) области в конце 1943 г. выехали все



московские писатели, а в феврале 1944 г. – ленинградские. Творчество ведущих советских писателей в связи с окончанием эвакуации стало предметом пристального внимания ЦК ВКП(б) уже в столичных городах Советского Союза.

2 декабря 1943 г. выходит постановление секретариата ЦК ВКП(б) «О контроле над литературно-художественными журналами», в котором отмечалось, что Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и его отдел печати «плохо контролируют содержание журналов, особенно литературно-художественных», и в результате такого слабого контроля в журналы «проникли политические вредные и антихудожественные произведения». Контроль за журналами возлагался на конкретных работников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) [27, с. 507]. Началась новая страница борьбы за идейно-художественное содержание советской литературы, апофеозом которой стало знаменитое постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”».

Таким образом, началом массовой идеологической кампании против художественной интеллигенции в послевоенный период можно считать постановления ЦК ВКП(б) «О работе Молотовского областного издательства» от 19 марта 1943 г., в котором публично подверглись критике «бессодержательные и никому не нужные книги», а также редакторы, допустившие «грубые политические ошибки», издав «вредные» художественные произведения. С позиции сегодняшнего дня содержательный смысл публичных обличений и критики давно уже потерян. Однако практика административного давления и гонений на писателей, поэтов и драматургов, обретших в военные годы неожиданную творческую свободу, стала традиционной и неизменной составляющей советской реальности.

### **Список литературы и источников**

1. Аверина Н.Ф. История пермской книги: очерк. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1989. С. 125.
2. Берхин И. Александр Невский. Молотов: ОГИЗ Молотовское областное изд-во, 1942. 52 с.
3. Берхин И. Отечественная война 1812 года. Молотов: ОГИЗ Молотовское обл. изд-во, 1942. 72 с.

4. Берхин И.Б. Когда и как русский народ бил немецких захватчиков (Материал в помощь агитаторам пропагандистам). Молотов: МолотовГИЗ, 1941. 47 с.

5. Бианки Е.В., Русанов В.Н. Виталий Бианки в Прикамье. Оса: Росстани, 1993. 95 с.

6. Боброва Е.Е. «Города великого гонцы» в Прикамье. Из истории эвакуации 1941–1945 годов // История Петербурга. 2006. № 1. С. 34–35.

7. Брик Л.Ю. Щен. Молотов: Молотовгиз, 1942. 16 с.

8. Брик О.М. Иван Грозный. Историческая трагедия. Молотов: ОГИЗ Молотовское обл. изд-во, 1942. 70 с.

9. Бычков Ал. Железо и огонь. Молотов: ОГИЗ Молотовское обл. изд-во, 1942. 47 с.

10. Валюженич Анатолий Брики в эвакуации [Электронный ресурс] // Уральский рабочий. 2014. 29 мая. URL: <https://uralsky-rabochi.ru/news/item/7092> (дата обращения: 21.08.2019).

11. ГАПК. Ф.р. 1188. Оп. 1. Д. 1. Л. 1; Ф.р. 1588. Оп. 1. Д. 599. Л. 6.

12. Гор Геннадий Красная капля в снегу. Стихотворения 1942–1944. М.: Гилея, 2012. 184 с.

13. Гусаров Н. Секретарь Молотовского обкома ВКП(б) Руководить – это значит предвидеть // Партийное строительство. Журнал ЦК ВКП(б). 1943. № 7. С. 7–12.

14. Докладная записка управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову о неудовлетворительном состоянии журналов «Звезда» и «Ленинград». 7 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Демократия, 1999. С. 559–565.

15. Звезда. Орган Молотовского областного и городского комитетов ВКП(б) и обл. Совета депутатов трудящихся. – 1943. – № 71 (7061). – 30 марта; № 81 (7071) – 13 апреля; № 96 (7086). – 5 мая; № 124 (7114). – 15 июня; № 126 (7116). – 16 июня.

16. История Урала. Пермь: Кн. изд-во, 1977. Т. 2. С. 489.

17. Кимерлинг А.С. Молотовское эхо идеологической кампании 1946 года: местная печать разоблачает М. Зошенко и А. Ахматов

ву // Вестник Пермского университета. История. 2013. Вып. 3 (23). С. 188–195.

18. Маяковский В. Лозунги-рифмы. Молотов: ОГИЗ Молотовское обл. изд-во, 1941. 23 с.

19. Нечаев М.Г. Вклад Пермского края (Молотовской области) в победу в годы Великой Отечественной войны // Культурно-историческое наследие как фактор устойчивого развития территории: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, 19–20 ноября 2015 года / Соликамский государственный педагогический институт (филиал) ФГБОУ ВО ПГНИУ; Г.А. Лебедева, В.В. Дементьева, составление. Соликамск: Изд-во СГПИ, 2015. С. 85–88.

20. Николаев С. Годы свершений. 1938–1988. Пермь, 1988. С. 20–21.

21. Партийное строительство // Журнал ЦК ВКП(б). 1943. апрель. № 7. С. 23.

22. ПермГАСПИ. Ф. 105. Оп. 9. Д. 21. Л. 148.

23. Пермский край в Великой Отечественной войне / Энциклопедия: пилотный выпуск / авт.-сост. А.Г. Зезеева, Т.И. Силина, Т.И. Демиденко, Н.А. Зенкова; науч. ред. В.П. Мохов. Пермь: Изд-во «Пушка», 2015. С. 95.

24. Писатели Пермской области: Биобиблиографический справочник / сост. А. Крашеников. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1985. С. 9.

25. Попов В. По Каме в дни Отечественной войны. Молотов: ОГИЗ Молотовское обл. изд-во, 1942. 40 с.

26. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». 14 августа 1946 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / сост. А. Артизов и О. Наумов. М.: Демократия, 1999. С. 587–591.

27. Постановление секретариата ЦК ВКП(б) «О контроле над литературно-художественными журналами». 2 декабря 1943 г. // Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917–1953 / под ред. акад. А.Н. Яковлева; сост. А. Артизов, О. Наумов. М.: МФД, 1999. С. 507.

28. Прикамье. Век XX: учеб. пособие. Пермь: Книжный мир, 1999. С. 222–223.

29. Прикамье: литературно-художественный альманах. Молотов: ОГИЗ Молотов. обл. изд., 1942. № 5. С. 13–14.
30. Прикамье: литературно-художественный альманах. Молотов: ОГИЗ Молотов. обл. изд., 1945. № 8. С. 3–59.
31. Прикамье: литературно-художественный сборник. Молотовгиз, 1942. № 4. С. 3–10.
32. Розенфельд Семен Гунны. Молотов: ОГИЗ Молотовское обл. изд-во, 1942. 112 с.
33. Рыков С. Боги Олимпа. Мифы и сказания Древней Греции. Молотов: ОГИЗ Молотовское обл. изд-во, 1942. 36 с.
34. Слонимский Мих. Председатель горсовета. Молотов: ОГИЗ Молотовское обл. изд-во, 1943. 130 с.
35. Сперанский А.В. «К штыку приравняли перо»: взаимодействие властных структур и литераторов Урала в годы Великой Отечественной войны // Десятые Татищевские чтения: мат-лы все-рос. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 20–21 ноября 2013 года). Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2013. С. 308.
36. Спешилов А.Н. Страницы прожитого. Автобиографическая повесть. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1979. С. 142.

**ВЛИЯНИЕ КУРСА ЛИТЕРАТУРЫ КЛАССИЧЕСКОЙ  
ГИМНАЗИИ НА ФОРМИРОВАНИЕ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ  
20–50 ГГ. XX В.**

*А.Р. Веденеев,  
протоиерей, Пермь  
vedeneev64@yandex.ru*

**Аннотация.** Исследуется влияние русской классической литературы на формирование свободолобивого мировоззрения «шестидесятников» и последующих поколений диссидентов.

**Ключевые слова:** литература; Пушкин; репрессии; Сталин; Веденеев; КГБ; художники.

**INFLUENCE OF THE LITERATURE COURSE  
IN CLASSICAL GYMNASIS ON THE FORMATION  
OF INTELLIGENCE 20–50 GG. XX CENTURY**

*A.R. Vedeneev,  
protoiereus, Perm  
vedeneev64@yandex.ru*

**Summary.** The work examines the influence of Russian classical literature on the formation of the freedom-loving worldview of the “sixties” and subsequent generations of dissidents.

**Keywords:** literature; Pushkin; repression; Stalin; Vedeneev; KGB; artists.

Пришел он и говорит: вы не в ответе  
за этот свет, и за конец этого света.  
Вы как дети и птицы – порхайте...  
И порхают... Не ведая, что поэзия  
в наши дни – это борьба за дыхание.

Влияние литературы на формирование личности, в том числе интеллигенции, в новом, уже послереволюционном, времени интересовало многих исследователей. Исайя Берлин в записках

«Литература и искусство в России при Сталине» вводит свою периодичность для этого явления: первый период – 1900–1928 гг., второй период – 1928–1937 гг., подчеркивая, что «литературный “курс” утверждает партия». И завершает этот посыл неутешительным выводом: «Великие чистки и судебные процессы 1937 и 1938 годов изменили литературную и художественную арену до полной неузнаваемости» [1, с. 142–145]. Да, когда мы говорим о поэтах и писателях начала XX в., во всей полноте это так. И если бы не наследство XVIII и XIX вв., сохранившееся еще со времен классической гимназии России, включающее вольнолюбивое наследие Пушкина и других авторов того времени, у нас, вполне возможно, не было бы творческой плеяды «шестидесятников».

Одними из первых репрессированных по политическим мотивам писателей были Ю. Даниэль и А. Синявский. 8 сентября 1965 г. Юлий Даниэль приехал к семье в Новосибирск. 9 сентября он был приглашен в областное управление КГБ, куда прибыла бригада московских следователей. 8 сентября 1965 г. пришли с обыском к Синявскому домой. Мария Розанова, жена Синявского, вспоминала: «Его взяли у Никитских Ворот, когда собирался сесть в троллейбус, чтобы ехать в Школу-студию МХАТ преподавать изящную словесность. И вдруг его окликнули, очень милым голосом: Андрей Донатович! (...) Синявский широко улыбнулся, повернулся и что-то даже сказал типа “здравствуйте”. Тут его цап под белые руки – и в машину. Он потом мне говорил, что опомниться не успел, как оказался в машине, и его повезли на Лубянку» [4, с. 90].

В это же время пермяк Олег Иванович Воробьев «снялся» КГБ на «фоне Пушкина». На демонстрации 5 декабря 1965 г. с требованием обеспечить гласность суда над Синявским и Даниэлем его сфотографировали сотрудники КГБ, после чего он был отчислен из МГУ. В январе 1966 г. КГБ отправил его на освидетельствование в психиатрическую больницу Кашенко в Москве. Был признан вменяемым. (...) [2]. И вот, как гонец скорбных вестей, он уже и на Урале. 24 сентября 1970 г. Воробьев был арестован за распространение самиздата в Перми.

Около этого же времени Михаил Шемякин отправлен в экспериментальную клинику им. Осипова. В марте 1964 г. – за выставку современного искусства рабочих Эрмитажа, которую организовал директор и в которой участвовал Шемякин, заплатились все –

и гости, и руководство, и художники. Арест. Отъезд жены (пришлось оформить развод) в 1971 г. И сам тогда же – даже без чемодана!

Позже об этих событиях Шемякин сказал: «Никаким “диссидентством” я не занимался, меня просто записывали в диссиденты. А я всего-навсего писал картины и пытался увидеть мир собственными глазами. Но это уже считалось преступлением. На тебя собиралось досье, и таким, как ты, полагалось сидеть в дурдоме или лагере. Когда происходили обыски, а потом меня сажали в сумасшедший дом...».

Синявский и Даниэль в феврале 1966 г. были осуждены Верховным судом: на семь и пять лет соответственно. 8 июня 1971 г. Синявский был освобожден досрочно – якобы, помилован по инициативе Андропова.

8 марта 1968 г. в Академгородке Новосибирска прошел фестиваль авторской песни, проведенный клубом «Под интегралом». На этом фестивале состоялся единственный публичный концерт Александра Галича в СССР, где он в том числе исполнил свою песню «Памяти Б.Л. Пастернака». 18 апреля в газете «Вечерний Новосибирск» появилась разгромная статья... Галичу досталось. В 1969 г. в «антисоветском» зарубежном издательстве «Посев» вышла его первая книга «Песни». Ну и, как следствие, – исключение из Союза писателей СССР 29 декабря 1971 г. И из Союза кинематографистов, и даже Литфонда. Отовсюду. 25 июня 1974 г. Александр Галич был вынужден эмигрировать из СССР.

Несмотря на серьезное давление, диссидентские тексты писались и в заключении. Поэма Юлия Даниэля «А в это время» была написана во время заключения в лагере «Озерном» в Мордовии в 1968 г. А 15 июля 1970 г. она прозвучала в эфире «Радио Свобода»!

Мария Розанова вспоминала: «И только после того, как в 70-м году, отсидев свой пятилетний срок, вышел Даниэль, у меня была встреча с Лубянской, на которой я радостно сказала, что вот сейчас, когда Даниэль на свободе, мы можем вернуться к нашим разговорам, и я должна сообщить: если Синявский досидит в лагере до конца срока, то в день, когда его выпустят, на Западе выйдет его лагерная книга». «Как? Откуда книга! Как передал?!» А это «Прогулки с Пушкиным». По воспоминаниям Александра Даниэля, последнее письмо от отца датировано 11 августа 1970 г., за месяц до освобождения из Владимирской тюрьмы.

«Наш август 1970-го г. Мама, папа и я. Уехали мы в какую-то деревню. Дом маленький, чуть не баня. Просыпаюсь... На крошечном совсем оконце – желтая груша. Откуда? – Зайчик принес. И вот так зайчик приносил грушу каждый день. И дверь распахнута, солнце встает, и тихо. Последнее лето детства. Я лежу, и мне не спится. Отец ставит лампу на пол, чтоб не светила мне в глаза и читает. «Ни огня, ни темной хаты... Глушь и снег...»

11 сентября 1970 г. был арестован отец. На ул. Ленина, напротив кинотеатра «Художественный». Окликнули со спины: «Рудик!». И в машину. Рудольф Веденеев, молодой художник и скульптор, был арестован за хранение и чтение самиздата. В 1971 г. Пермским областным судом он был осужден на три года заключения.

Наблюдение КГБ за молодым Рудольфом Веденеевым, а затем его арест сказались и на семье: в 1970 г. моя мама подала документы на туристическую поездку в Польшу, с надеждой, что может быть удастся найти нашу родню. В начале XX в. в Пермь приехала пани Недобальская с двумя детьми. Сын уехал перед революцией, может быть, в Краков. Дочь, Ванда Иосифовна Недобальская, осталась с матерью. Вот эта молодая женщина, знавшая несколько языков, моя прабабушка. Кстати, ее дочь, моя бабушка, родилась в Перми, в 1917 г. В свидетельстве о рождении записана как Галина Недобальская. В семье были уверены, что брат Ванды еще жив. Но планам не суждено было сбыться. Очевидно, что выезд этот сочли опасным.

Программы по литературе в СССР – 1921 г., 1938 г. ... «К 1923–1925 годам литература как предмет исчезла из учебных планов, растворившись в обществоведении. (...) В 1931 г. был подготовлен выпуск другой, стабилизированной программы, более идеологически выверенной» [3]. Полная стабильность наступила лишь в 1938–1939 гг. В классическую программу 1950-х гг. вошли два великих поэта – дореволюционный Пушкин и советский Маяковский, и два великих прозаика – дореволюционный Лев Толстой и советский Горький. Особенно много Пушкина: в 1938 г. на изучение его произведений отводилось 25 часов, в 1949 г. – уже 37.

Стихотворение Пушкина «Сеятель», написанное в 1823 г., при жизни поэта так и не было опубликовано. Впервые его опубликовал А.И. Герцен в 1858 г. Сочинение А.С. Пушкина вошло во вторую книгу альманаха «Полярная звезда», которую Герцен выпус-



тил в Лондоне. Цикл живописных работ Рудольфа Веденева по пушкинским местам «И вновь я посетил» – это приношение художника русской классической литературе, сохранившей, пусть в урезанном виде, свободолобивый посыл классиков.

Курс литературы в классической гимназии, во многом перешедший в советскую школу, сформировал у Рудольфа Веденева мировоззрение внутренней свободы. Свободы размышлений и свободы творчества.

### Список литературы

1. Берлин И. Литература и искусство в России при Сталине // История свободы. Россия / предисл. А. Эткинда. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 142–145.

2. Олег Воробьев: «Я просто антикоммунист и антисоветчик» / Беседовал В. Долинин [Электронный ресурс] // Посев. 2003. № 7. С. 4. URL: <https://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=13313> (дата обращения: 10.08.2019).

3. Павловец М. Что читали советские школьники [Электронный ресурс] // Журнал «Арзамас». URL: <https://arzamas.academy/mag/412-school> (дата обращения: 10.07.2019).

4. Синтаксис нашей жизни // Stori. 2018. № 8. С. 90.

**БИЛЕТ НА «ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД».**  
**АРХИВНОЕ СЛЕДСТВЕННО ДЕЛО МИХАИЛА ОСОРГИНА**

**Ю.З. Кантор,**  
*доктор исторических наук,  
профессор кафедры всеобщей истории,  
Российский государственный педагогический  
университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург  
juliakantor@yandex.ru*

**Аннотация.** Впервые публикуются фрагменты документов из архивного следственного дела на М.А. Осоргина, хранящегося в Центральном архиве ФСБ России. Этот уникальный исторический источник дает возможность рассмотреть алгоритм фабрикации обвинения, ход следствия, имевшего предрешенный итог: высылку из страны без права возвращения. Также материалы дела позволяют составить представление о поведении М.А. Осоргина на Лубянке, о стратегии поведения и социально-политической рефлексии (выраженной в «аполитичных» декларациях), кроме того, почерпнуть информацию о его взглядах на эмигрантскую среду, частью которой ему вскоре предстояло стать.

**Ключевые слова:** высылка; допрос; Комитет помощи русской интеллигенции; ОГПУ; эмиграция.

**TICKET FOR THE «PHILOSOPHICAL STEAMER».**  
**ARCHIVED INVESTIGATIVE CASE OF MIKHAIL OSORGIN**

**Y. Kantor,**  
*doctor of historical Sciences, Professor of the chair  
of General history, Herzen state pedagogical University  
A.I. Herzen, St. Petersburg  
juliakantor@yandex.ru*

**Summary.** The article for the first time publishes fragments of documents from the archival investigation file on M.A. Osorgin, stored in the Central archive of the FSB of Russia. This unique historical source makes it possible to consider the algorithm of fabrication of the accusation, the course of the investigation, which had a predetermined outcome: expulsion from the country

without the right of return. Also the case gives an idea about the behavior of M.A. Osorgin in the Lubyanka, the strategy of behavior, and socio-political reflection (expressed in the «apolitical» Deklaracija) in addition to enquire about his views on the emigrant environment, part of which he was soon to become.

**Keywords:** expulsion; interrogation; Committee of assistance to the Russian intelligentsia; OGPU; emigration.

«С этой набережной осенью 1922 года отправились в вынужденную эмиграцию выдающиеся деятели отечественной философии культуры и науки» – гласит надпись на скромном гранитном обелиске на набережной Невы, близ моста Лейтенанта Шмидта (Николаевского). Обелиск установлен в память об одном из самых трагических событий в истории Советской России – высылки представителей инакомыслящей интеллигенции. Знаковое совпадение: «философские пароходы» отплывали осенью 1922 г. практически из той же точки, где же 25 октября 1917 г. стояла на рейде «Аврора».

Акция принудительной высылки лучшей части отечественной интеллигенции ознаменовала не столько начало политических репрессий, сколько раскол внутри русской культуры. С момента, как пароходы «Пруссия» и «Обербургомстр Хаген» отправились в свой исторический рейс, русская мысль перестала быть единым феноменом, культурным событием, – она трагически разделилась на Русское Зарубежье и Россию Советскую. Высылка приравнивалась к расстрелу, заменяя его. В дальнейшем, став прерогативой Президиума Верховного Совета СССР, именно высылка часто цинично называлась «истинной высшей мерой», так как лишала даже не жизни, а Родины.

Список высланных трагически огромен. Николай Бердяев, отец Сергей Булгаков, Юлий Айхенвальд, Николай Лосский, Александр Каган, Сергей Трубецкой... Одним из пассажиров первого «философского парохода» был литератор, философ и общественный деятель М.А. Осоргин. «Я радуюсь и горжусь, что родился в глубокой провинции, в деревянном доме, окруженном несчитанными десятинами, никогда не знавшими крепостного права, и что голубая кровь отцов окислилась во мне независимыми просторами, очистилась речной и родниковой водой, окрасилась заново в дыхании хвойных лесов и позволила мне во всех скитаньях остаться простым, срединным провинциальным русским человеком, не извращенным ни сословным, ни расовым сознанием, сыном

земли и братом любого двуногого», – писал он [6, с. 46]. Он родился 7 октября 1878 года в Перми, принадлежал к родовой, но обедневшей дворянской семье. Ильины – род, ведущий свою родословную от Рюрика [1, с. 6]. Бабушка писателя со стороны отца, Андрея Федоровича Ильина, была урожденная Осоргина. С 1907 г. фамилия эта стала псевдонимом Михаила Ильина, сдвоилась с собственной фамилией, а затем в документах заменила ее. Еще гимназистом он начал печататься в пермских газетах. А его первый рассказ был опубликован в петербургском «Журнале для всех» под неслучайным псевдонимом «М. Пермьяк».

О своей роли в революционном движении Осоргин писал просто: «Был в революции незначущей пешкой, рядовым взволнованным интеллигентом» [7, с. 268]. Однако же был увлечен романтикой революционной борьбы, написал десятки воззваний, хранил типографский шрифт и оружие, укрывал беглых. На его квартире была явка, заседал комитет партии эсеров [1, с. 7]. «Помнится, и тов. Ленин, под кличкой Вл. Ильин, оказал честь моей квартире», – не без иронии рассказывал он позже [9, с. 91].

В декабре 1905 г. Михаил Ильин (еще не ставший Осоргиным) оказался в Таганской тюрьме. Ожидая смертного приговора, он сохранил бодрость духа, старался работать: писал дневник, впоследствии опубликованный, переводил с французского книгу Э. Долеанса «Роберт Оуэн». Через полгода чудом вышел на свободу: следователь выпустил под залог, а жандармерия, уже приготовившая его к пятилетней ссылке, не сразу спохватилась [1, с. 8]. Бежал в Финляндию, оттуда – в Италию. В августе 1916 г. в «Русских ведомостях» была опубликована статья Осоргина «Дым отечества», вызвавшая поток писем читателей, приветствовавших его возвращение домой. Он приехал в Петроград кружным путем – через Францию, Англию, Норвегию, Швецию и Финляндию. Заступничество депутата Государственной думы В.А. Маклакова спасло от нового ареста [1, с. 10], но жил он все-таки на полулегальном положении. Это, впрочем, не помешало ему отправиться в путешествие по Волге, побывать в Перми на открытии университета, съездить на Западный фронт.

Февральская революция застала Осоргина в Москве, «...человеческая река по Тверской улице, – вспоминал он, – день общего сиянья, красных бантов, начала новой жизни. В сущности,

славен и чист был только этот день» [6, с. 237]. Октябрьского переворота Осоргин не принял. «Менять рабство на новое рабство – этому не стоило отдавать свою жизнь» [6, с. 236]. Книга «Из маленького домика», написанная в 1917–1919 гг., свидетельствовала о пережитых минутах отчаяния. Мысль о России, где «заблудилась и летает какая-то шальная пуля, выпущенная октябрьским пулеметчиком», где «нет способа, так жить, чтобы пуля эта вам не грозила», – не раз появится в его статьях и книгах [11, с. 217]. 26 октября 1917 г. Осоргин опубликовал статью «Драться так драться». «Нам не приходится учиться сопротивлению: оно нам хорошо знакомо», – констатировал он [2]. А сопротивляться мог одним – словом.

В августе 1918 г., когда под большевистским запретом оказалась вся независимая печать, Осоргин и несколько его товарищей, среди которых были искусствовед П.П. Муратов, поэт В.Ф. Ходасевич, прозаики Б.К. Зайцев и А.С. Яковлев, литературовед Б.А. Грифцов, философ Н.А. Бердяев, историк А.К. Джигелегов, открыли Книжную лавку писателей, ставшую точкой притяжения московской интеллигенции. «За прилавками у нас велись философские и литературные споры, в которых принимали участие и клиенты-завсегдатаи. Было тесно, дымно от печурки, тепло от валенок, холодно пальцам от книг, весело от присутствия живых людей и приятно от сознания, что дело наше и любопытно, и полезно, и единственно не казенное, живое, свое», – вспоминал Осоргин. Слово становилось делом [8, с. 39].

Одна из самых печальных страниц московской жизни Осоргина – история его участия во Всероссийском комитете помощи голодающим, просуществовавшем чуть больше месяца. Комитет помощи голодающим был образован 21 июля 1921 г. Возглавил его Л.Б. Каменев. В него вошли крупные писатели, деятели культуры (М. Горький, Б.К. Зайцев, К.С. Станиславский), ученые (президент Академии наук А.П. Карпинский, вице-президент В.А. Стеклов, академики В.Н. Ипатьев, А.В. Ферсман, Н.Я. Марр, С.Ф. Ольденбург) [5, с. 198–205].

Видное место в Комитете занимали Е.Д. Кускова, бывшие министры Временного правительства С.Н. Прокопович и Н.М. Кишкин. Существовала при Комитете и ячейка коммунистов, среди которых числились М.М. Литвинов, Л.Б. Красин, Н.А. Семашко, А.В. Луначарский. Они обязывались следить, чтобы эта организация не исполь-

зовалась в контрреволюционных целях. Комитету удалось быстро развернуть работу, восстановить международные связи. «Несколько дней оказалось достаточно, чтобы в голодные губернии отправились поезда картофеля, тонны ржи, возы овощей – из Центра и Сибири, как в кассу общественного комитета потекли отовсюду деньги, которых не хотели давать комитету официально» [6, с. 268].

Осоргин редактировал газету Комитета «Помощь», но успел выпустить только три номера. Работа Комитета была прервана внезапным арестом его членов в конце августа 1921 г. Письма В.И. Ленина свидетельствуют, что Комитет, саркастически именуемый им «Кукиши» (по фамилии Кусковой и Кишкина), был обречен на гибель еще до своего официального создания. «Милая моя Семашка! <...>, – писал Ленин 12 июля 1921 г. – Не ревнуйте к Кусковой <...>. От Кусковой возьмем имя, подпись, пару вагонов от тех, кто ей (и эдаким) сочувствует. Больше ничего. Не трудно, ей-ей, это сделать» [4, с. 24].

Фридьоф Нансен, который в июне 1921 г. от имени Международного Красного Креста вел переговоры с советским правительством о посылке продовольствия в Петроград, решил назначить членов Комитета помощи голодающим своими представителями, осуществляющими надзор за распределением продуктов. Ленин был оскорблен этим «наглейшим предложением» Нансена, в успешной деятельности Комитета он видел угрозу для престижа новой власти. Последовала беспрецедентная директива: «Напечатаем завтра же пять строк короткого, сухого “правительственного сообщения”»: распушен за нежелание работать. Газетам дадим директиву: завтра же начать на сотни ладов высмеивать “Кукишей”. ...Изо всех сил их высмеивать и травить не реже одного раза в неделю в течение двух месяцев» [3, с. 141–142].

В 1921 г. Осоргин оказался на Лубянке – по делу всероссийского Комитета помощи голодающим, одним из основателей и членом которого был [14, АСД, р-41982, л. 23]. Арест за участие в Комитете помощи голодающим стал для него уже третьим по счету. За плечами была не только царская Таганская тюрьма, но и арест в 1919 г., когда Осоргин попал в ВЧК. Ему тогда повезло – выпустили: благодаря заступничеству Л.Б. Каменева. Осоргин просидел на Лубянке два с половиной месяца. «Я совсем опух, отек, кашлять стал: и вообще в те дни надломил надолго здоровье» [13, с. 119]. Снова

выпустили – на сей раз помогло заступничество А.В. Луначарского. Наказание оказалось достаточно легким – «всего лишь» ссылка в Царевококшайск (Йошкар-Олу), однако ему удалось «осесть» в Казани. Весной 1922 г. Осоргину было разрешено вернуться в Москву. Болел – костный туберкулез прогрессировал неумолимо. Жил на съемной даче, в Барвихе. Никакой публичной, общественной деятельности не вел. Вроде бы поводов для интереса «органам» не давал. Но маховик борьбы с неугодными и неблагонадежными продолжал раскручиваться. И малого повода, вернее – предложения, было вполне достаточно. Вот, что стало причиной внимания органов: письмо-обращение английского Комитета помощи русской интеллигенции, подшитое к делу. Письмо – декларация о намерениях и способах их реализации – вызвало резкое раздражение партийно-государственного руководства. Для того чтобы понять – почему, имеет смысл процитировать его подробно:

«Август 1922 г.

Наш комитет, имеющий своей целью оказание помощи русской интеллигенции, был образован в середине июня с.г. по инициативе нескольких русских, проживающих в Лондоне. В состав Комитета инициаторы включили лишь нескольких русских, найдя по местным условиям более целесообразным, чтобы комитет состоял в своем большинстве из англичан, пользующихся достаточно солидной репутацией в широких кругах английского общества. Свою, чисто гуманитарную деятельность, – оказание помощи терпящим русским интеллигентам – Комитет полагает осуществлять только одним путем – путем отправки продовольственных посылок через Американскую администрацию помощи (АРА), надеясь избежать этим возможной конкуренции с другими благотворительными организациями (“Фонд спасения детей”, “Красный крест”, “Квакеры”), работающими в России.

Комитет хотел бы обслуживать самые различные круги русской интеллигенции – не только особенно квалифицированной (профессора, ученые, писатели), но и главным образом рядовой, выносящей на своих плечах всю тяжесть ежедневной культурной работы (учителя, врачи, инженеры, агрономы, статистики, артисты, художники, музыканты, литераторы, юристы, земские и городские работники и пр.).

Просим для эффективности и расширения содействия со стороны различных групп интеллигенции внутри России. Это содействие должно выразаться:

а) регистрации каждой профессиональной группой своих нуждающихся членов,

б) снабжении нашего Комитета конкретными жизненными материалами, свидетельствующими, что помощь ряду интеллигентных семейств действительно является необходимым условием поддержания и сохранения русских культурных сил,

в) согласии систематически сноситься с Комитетом по вопросам распределения посылок, давая Комитету адреса таких лиц, которые нуждаются в помощи продовольствием» [14, АСД, р-41982, л. 17–18].

Очередное проявление активности «оттуда», трактовалось как гуманитарная диверсия («Комитет хотел бы обслуживать самые различные круги русской интеллигенции» – см. выше), как акция дискредитации соввласти, вернее ее отношения к «культурным силам» (Комитет просил регистрировать нуждающихся и представлять доказательства) и «прикармливание» чуждой советскому строю интеллигенции. И более того – как попытку легализации возможности шпионажа.

К письму приложен список лиц в Москве, которым было послано это письмо: в перечне – сплошь знаменитые имена – Нейгауз, Станславский, Гнесина, Ильин, Шаховской... и – Осоргин [14, АСД, р-41982, л. 20].

Дома его не обнаружили – застали лишь жену, сказавшую, что он за городом, но адреса не назвавшую. Узнав о визите чекистов, Осоргин явился на Лубянку сам. «Я, едва узнав о вызове меня, немедленно сам явился к следователю, несмотря на свое крайне болезненное состояние (туберкулез позвоночника). Содержание под стражей могло бы меня убить... Ввиду этого решительно отвергаю обвинения, прошу не применять в отношении меня мер пресечения. По первому вызову явлюсь сам. Осоргин.» [14, АСД, р-41982, л. 8].

Колоритна анкета арестованного: «Живу литературным трудом...ничего не имею...беспартийный...аполитичен...» [14, АСД, р-41982, л. 5].

Первый же допрос являет собой столкновение двух миров:

«Вопрос: Скажите ваши взгляды на структуру Соввласти и систему пролетарского государства.



Ответ: Вообще я сторонник федеративной республики, как человек, чуждый политике и занимающийся уже более 25 лет исключительно литературой, затрудняюсь детально обсуждать такой сложный и общий вопрос как структура власти в пролетарском государстве. Лично всегда был лоялен в отношении власти Советов и считаю ее прочной и укрепившейся.

Вопрос: Ваши взгляды на задачи интеллигенции и так называемой “общественности”.

Ответ: Считаю, что интеллигенция может и должна работать во имя культуры народа, каждый на своем поприще. Знаю, что она не всегда это осуществляет.

Вопрос: Ваши взгляды на политические партии вообще и к РКП в частности.

Ответ: Как писатель решаю вопрос о партиях и партийности для себя отрицательно и потому очень мало интересуюсь программой и тактикой партий и совершенно не берусь судить о правоте и преимуществах партийных программ. Считаю... вообще лучшей ту партию, при которой лучше жить народу» [14, АСД, р-41982, л. 6].

Подобные размышления следователя никак не интересовали: более в материалах дела никаких актуальных политических, тем более мировоззренческих сюжетов нет. Как нет и попыток в чем-то «уличить» обвиняемого», чем-то его «раскрыть». Собственно и весь допрос был сугубо протокольной – в прямом и переносном смысле – необходимостью. Не более того. Скорость ведения следствия была пропорциональна безапелляционности – тоже в прямом и переносном смысле – предрешенности итога.

«Постановление

1922 года августа 22 дня я, помощник начальника IV отделения СОГПУ, Бахвалов рассмотрев дело об Осоргине М.А.

Постановил:

привлечь его в качестве обвиняемого и предъявить ему обвинение в том, что он с Октябрьского переворота и до настоящего времени не только не примирился с существующей в России Рабоче-Крестьянской властью, но и ни на один момент не прекращал своей антисоветской деятельности, причем в моменты внешних затруднений для РСФСР свою контрреволюционную деятельность усиливал, т.е. в преступлении, предусмотренном ст. 57-й УК РСФСР.

Как меру пресечения уклонения от суда и следствия Осоргина М.А. избрать содержание под стражей. 22 августа 1922 г.» [14, АСД, р-41982, л. 7].

Осоргин пытается протестовать: «По поводу предъявленного мне обвинения заявляю, что не только не признаю себя виновным, но совершенно не понимаю, чем вызвано обвинение и почему могло обо мне, литераторе, давно уже никакой политической деятельностью не занимающемся, составить такое мнение. Антисоветской деятельностью я не занимаюсь, и не могу заниматься, занимаюсь исключительно художественной литературой, чуждой политической окраски» [14, АСД, р-41982, л. 8].

Но следователя мало интересовали признания и протесты обвиняемого, вернее – приговоренного. Алгоритм был простым, быстрым и безоговорочным. Он на этот раз не предусматривал ничего иного, кроме высылки.

«В целях пресечения дальнейшей антисоветской деятельности Осоргина М.А. полагаю выслать его из пределов РСФСР за границу БЕЗСРОЧНО (*так в документе – Ю.К.*).

Принимая во внимание заявление, поданное гр. Осоргиным в Коллегию ГПУ с просьбой разрешить ему выезд за границу за свой счет, – освободить его для устройства личных и служебных дел на 7 дней, с обязательство по истечении указанного срока явиться в ГПУ и немедленно после явки выехать за границу.

25 августа 1922 г.» [14, АСД, р-41982, л. 23].

Перед тем, как выпустить, в Секретном отделе ОГПУ с Осоргина взяли подписку:

«Дана мною, гражданином Осоргиным М.А., СОГПУ в том, что обязуюсь 1) выехать за границу согласно решению Коллегии ГПУ за свой счет, 2) в течение 7 дней после освобождения ликвидировать все свои личные и служебные дела и получить необходимые для выезда за границу документы, 3) по истечении 7 дней обязуюсь явиться в СОГПУ к начальнику IV отд. тов. Решетову.

Мне объявлено, что неявка в указанный срок будет рассматриваться как побег из-под стражи со всеми вытекающими последствиями.

Москва. 22 августа 1922 г. М. Осоргин» [14, АСД, р-41982, л. 11]

И последний бюрократический штрих: еще одна подписка, теперь – о «невъезде»:

«Подписка.

Дана сия мною гр. Осоргиным М.А. ГПУ в том, что обязуюсь не возвращаться на территорию РСФСР без разрешения органов Сов. власти.

Статья 71-я УК РСФСР, карающая за самовольное возвращение в пределы РСФСР высшей мерой наказания мне объявлена, в чем и подписуюсь.

22 августа 1922 г. М. Осоргин» [14, АСД, р-41982, л. 12].

И вот, с набережной Невы, от той самой пристани, где была пришвартована 25 октября 1917 г. «Аврора», отчалил «философский пароход».

О последних мгновениях, когда еще был виден «отплывающий берег России», но вскоре он исчез навсегда, и, присоединившись к своим спутникам, Осоргин предложил тост: «За счастье России, которая нас вышвырнула!» [11, с. 216]. Ему и другим пассажирам «философских пароходов» предстояла встреча с соотечественниками, уехавшими ранее и по своей воле.

Из архивного следственного дела:

«Вопрос: Ваши отношения к перспективе русской эмиграции за границей.

Ответ: Отрицательное отношение. Считаю, что большая часть эмигрантов потеряла связь с родиной, крайне деморализовалась и о России имеет самые превратные понятия.

22 августа 1922 г.» [14, АСД, р-41982, л. 6 об.].

Он не кривил душой в диалоге с лубянским следователем. Уже находясь вне России, тесно «соприкоснувшись» с миром русской эмиграции, он имел возможность проверить свои «заочные» представления о ней. Осоргин понимал, что его позиция равно далека и от советской, и от эмигрантской. И последовательно, хотя и несколько идеалистично, писал о необходимости «духовного сближения с новой Россией», о «духовном возвращении» [12]. Не принималось и его убеждение в единстве русской литературы, «находящейся» по обе стороны границы: «Алданов, Булгаков, Бунин, Горький, Замятин, Куприн, Леонов, Ремизов, Федин – все они наши» [10]. Увы, тогда услышан, понят не был.

С полным правом Осоргин мог сказать о себе: «Вспоминая свои тюрьмы, ссылки, допросы, суды, всю историю насилий и издевательство, каким можно подвергнуть человека мысли независимой,

в сущности, довольно ленивого и не заслуживающего такого внимания, я не думаю, чтобы погрешил слабостью или сдачей, или проявил себя малодушным, или попытался скрыть свои взгляды и смягчить участь сделкой с совестью. Этого не было» [6, с. 235].

М.А. Осоргин реабилитирован 26 марта 1993 г. на основании ст. 3 Закона РСФСР «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. [14, АСД, р-41982, л. 26].

### Список литературы и источников

1. Авдеева О. Лучшие на свете книги пишутся большими сердцами // Осоргин М.А. Времена: автобиографическое повествование и рассказы / под ред. И. Артемова. Пермь: Книжная площадь, 2009.
2. Власть народа. 1917. № 152. 26 октября.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958–1966. Т. 53.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. М., 1958–1966. Т. 44.
5. Макаров В.Г., Христофоров В.С. К истории Всероссийского комитета помощи голодающим // Новая и новейшая история. 2006. № 3.
6. Осоргин Мих. Времена. Париж: Imprimerie ALON, 1955.
7. Осоргин Мих. Девятьсот пятый год (к юбилею) // Современные записки. Париж, 1930. № 44.
8. Осоргин Мих. Книжная лавка писателей // Новая русская книга. Берлин, 1923.
9. Осоргин Мих. Николай Иванович // На чужой стороне. Берлин – Прага, 1923. № 3.
10. Осоргин Мих. Советская литература // Последние новости. 1930. № 3319. 24 апреля.
11. Осоргин Мих. Тем же морем // Современные записки. 1922. № 13.
12. Осоргин Мих. Требуется ланцет // Последние новости. 1925. № 1691. 28 октября.
13. Осоргин Мих. Чтобы лучше ощущать свободу (Из «Воспоминаний») // На чужой стороне. 1924. № 8.
14. ЦА ФСБ РФ. АСД. Р-41982.

## АРХИВ Ф.М. ТОЛЬЦИНЕРА КАК КРАЕВЕДЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

*Н.В. Казаринова,  
кандидат искусствоведения, доцент,  
заслуженный работник культуры РФ,  
член Союза художников РФ, главный научный  
сотрудник научного отдела,  
Пермская государственная художественная галерея, Пермь  
kazarinowa.nina@yandex.ru*

**Аннотация.** Жизнь и творчество Ф.М. Тольцинера поразительны. Ученик Баухауза, в 1931 г. приехал вместе с группой баухаузцев в Москву. Был участником многих архитектурных конкурсов этого времени, затем оказался в Усольяге. После освобождения работал в Соликамске до 1961 г., занимался архитектурной реставрацией замечательных древних памятников. Архив Пермского краевого музея содержит материал его деятельности в Прикамье. Один из основателей школы архитектурной реставрации.

**Ключевые слова:** Баухауз – высшая школа строительства и художественного проектирования; архитектурные конкурсы; памятники культовой архитектуры; архитектурная реставрация; проектная деятельность.

## ARCHIVE OF F.M. TOLZINER AS A LOCAL HISTORY AND HISTORICAL SOURCE

*N.V. Kazarinova,  
candidate of art history, associate Professor, honored worker  
of culture of the Russian Federation, member of the Union of artists  
of the Russian Federation, chief researcher of the scientific,  
Department of the Perm state art gallery, Perm  
kazarinowa.nina@yandex.ru*

**Summary.** The life and work of F.M. Tolziner amazing. A student of the Bauhaus, in 1931 he came with a group of Bauhaus in Moscow. The participant of many architectural competitions of this time appeared in Usollag. After his release, he worked in Solikamsk until 1961, engaged in architectural restoration of remarkable ancient monuments. The archive of the Perm re-

gional Museum contains the material of his activities in the Kama region. One of the founders of the school of architectural restoration.

**Keywords:** Bauhaus-higher school of construction and artistic design; architectural competitions; monuments of religious architecture; architectural restoration; design activities

Имя Филиппа Максимовича Тольцинера было известно специалистам архитекторам-реставраторам, историкам культуры. Он более 60 лет работал в России, многие годы посвятил реставрации и градостроительной охране памятников архитектуры исторических городов и селений Пермского края. Он награжден бронзовой медалью ВДНХ за эталон проекта жилого микрорайона, медалью и дипломом Госстроя России. Ему посвящена памятная доска в Соликамске по ул. Фрунзе, 26, на доме, построенном по его проекту.

Жизнь его и творчество поразительны. Он учился в Высшей школе строительства и художественного проектирования Баухауз (1927–1931). В своей автобиографии он пишет о том, что он учился и знал всех трех директоров Баухауза и великих архитекторов – поступил при Гроппиусе в 1926 г., учился при Мейере, диплом подписан Мис ван дер Роэ. В 1931 г. Тольцинер вместе с Х. Мейером и семью выпускниками школы приехал в Москву. Мейер считал, что только в Советском Союзе они смогут реализовать идеи Баухауза. Они приехали для социалистического строительства. Мейер и его ученики считали важным решение вопросов социальных проблем, в том числе с помощью архитектуры. Группа немецких баухаузцев принимала активное участие в архитектурных проектах 1930-х гг.: Дворца Советов, зданий школы Коминтерна, Колхозного жилища (совместно с Т. Вейнером, первая премия). В 1931 г. он сотрудничал с Мейером в интернациональной бригаде «Рот Фронт», что означало еще и солидарность с рабочим движением. Он работал в Гипровтузе (Государственный институт по проектированию технических учебных заведений). После роспуска бригады был в группе швейцарского архитектора Ганса Шмидта, они работали над планом застройки и проектом зданий социалистического городка Орска, затем Боровска, клуба и поликлиники в Соликамске. В 1938 г. репрессирован, в 1947 г. – освобожден, в 1956 г. – реабилитирован. Жизненные перипетии предьявляли выпускнику знаменитой школы Баухауза иногда немислимые ис-

пытания, при которых не только осуществлялись идеи Баухауза, но и получили впоследствии непредсказуемое развитие.

После освобождения Тольцинер – реставратор уникальных памятников древнего зодчества Соликамска, создатель исторических охранных зон памятников Прикамья. Он – начальник проектной мастерской главного архитектора Соликамска. В 1951–1961 гг. – главный архитектор Пермской специализированной научно-реставрационной мастерской в Соликамске. Это краткие вехи жизненного пути Тольцинера в период его пребывания в Прикамье (до 1961 г., затем он переехал в Москву).

В наши дни, когда Баухауз стал своего рода символом, если не «иконой» новой архитектуры, к нему приковано всеобщее внимание. И деятельность самой школы, и ее представителей изучается, исследуется. После закрытия Баухауза многие преподаватели – Мис ван дер Роэ, Ласло Мохой Надь и др. – уехали в США и продолжали работать, стали известнейшими мировыми архитекторами и деятелями XX в. Существует музей Баухауза. Материалы о деятельности Тольцинера в Прикамье, по моему представлению, есть в музее. Жизнь и творчество Тольцинера исследовала немецкий историк Астрид Фольперг. Творчество Тольцинера изучал пермский архитектор-реставратор Г.Д. Канторович, который работал с архитектором в Соликамске. Он опубликовал свои исследования в материалах научно-практической конференции ПГХГ «Искусство Перми в культурном пространстве России». Его статья «Творчество архитекторов Баухауза в Прикамье» 2000 г. – далеко не единственная. В газете «Соликамские вести» от 16 сентября 1995 г. опубликована статья Канторовича «Хранитель каменной летописи», еще одна публикация Е.Е. Бобровой «Тольцинер Ф.М. – узник Усольяга», сведения о Тольцинере приведены в статье Г.Д. Канторовича, опубликованной в кратком энциклопедическом словаре «Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья», 2003 г. [1, 2, 4].

Пробыв в Соликамске много лет, Тольцинер, немецкий архитектор, «заболел» древней архитектурой Пермского края. Он исследовал не только памятники Соликамска, но и Ныроба, Пянтенга, Боровска и других мест Прикамья. В Баухаузе не заботились о сохранении древностей, скорее, напротив, проектировали новую современную архитектуру. Пожалуй, если все бывшие баухаузцы

внесли свой жизненный вклад в господство новой современной архитектуры, то Тольцинер стал, по мысли Г.Д. Канторовича, может быть единственным архитектором, который занимался проектированием охранных зон древнего города, «хранителем каменной летописи» Прикамья. Последние годы жизни он приводил в порядок свой обширный архив. Благодаря работе и многолетней дружбе с Г.Д. Канторовичем, часть этого архива, которая прежде всего относится ко времени его пребывания в Усольяге, а затем работе в Соликамске, была передана в Краеведческий музей Перми.

Архив Ф.М. Тольцинера<sup>1</sup> был привезен в 1980-х гг. от автора архитектором-реставратором Г.Д. Канторовичем, которого связывали с Тольцинером совместная работа и творческие планы, и Е.Н. Меркушевой, заместителем директора по научной работе Пермского краевого музея.

Архив Тольцинера, переданный Краеведческому музею Перми, состоит из 1033 единиц хранения и еще более 150 писем Тольцинера, адресованных Г.Д. Канторовичу, после его отъезда в Москву в 1961 г. Эти письма были переданы Пермскому краеведческому музею вдовой Гершена Давидовича [3].

Архив музея содержит в основном материалы жизни и деятельности Филиппа Максевича (Максимовича) с 1931 г., когда группа молодых баухаузцев, полных надежд, устремлений, прибыла в Москву. Архив содержит как бы вехи жизни автора в России, в Москве. Эта часть архива включает: фотографии 1930-х гг., автобиографию, воспоминания о Баухаузе. Представление о работе Баухауза в Дессау дает каталог выставки в Москве 1931 г. в период руководства школой Мейером (1928–1930). Памятная выставка проходила в Музее Нового западного искусства в Москве и была организована Всесоюзным обществом культурных связей с иностранной страной (ВОКС). В этом же разделе архива статья Тольцинера, подготовленная для выставки в музее Цюриха 1990 г. – воспоминания о Мейере, оценка его проектов, его деятельности на посту директора Баухауза. Здесь же афиша выставки [3].

Материал этого раздела дает представление о Баухаузе, деятельности школы в Германии и работе баухаузцев в Москве, уча-

---

<sup>1</sup> Пермский краеведческий музей. Отдел рукописных источников. Личный фонд Тольцинера Ф.М. № 19229



стии в значительных проектах 1930-х гг., а также материал о крупных «персонах» времени.

Другая часть архива – документы периода десятилетней «отсидки» в Усольяге. В своем дневнике Тольцинер не распространялся об этом периоде жизни, обозначив только годы 1938–1947. Но документы говорят об очень многом. В первую очередь о том, чем занимались в лагере. Здесь есть проект знаменитого зубоорудия, который проектировал баухаузец для зубного кабинета Усольяга. Подобными проектами в Баухаузе занимались постоянно. Но этот проект, можно сказать, спас Филиппа Максимовича от работы на лесоповале и помог выжить. После создания зубоорудия Тольцинер был переведен в проектную мастерскую, где он проектировал в том числе и массовую продукцию, которую выпускали заключенные Усольяга. Тольцинер делал проекты этой продукции. Разработанных проектов, чертежей продукции немного. В основном – это небольшие листочки пожелтевшей бумаги с эскизными предложениями. Разработанные чертежи проектов, видимо, полностью не сохранились, так как были в производстве.

Здесь рисунки, проектные предложения – эскизные наброски, планы, проекты бань, жилых барачков, домов для вольнонаемных рабочих, проектные предложения мебели, часто плетеной, корзин для хлеба и др. Вспомним, что отец Филиппа Максимовича занимался изготовлением плетеной мебели. Видимо, и в условиях лагерей навыки, полученные в детстве, пригодились. Этот раздел документов дает представление о работе Ф.М. Тольцинера в проектной мастерской. Он был еще инженером по строительству в Соликамском управлении лагерей. Часть документов представляет собой проектные предложения на задания по созданию досок почета и показателей, досок соревнования для управления Усольяга и Нырблага, досок для размещения плакатов и всевозможных лозунгов. Причем часто это не только задания по лагерным нуждам, но и заказы сельских советов, проекты сооружений для различных функций, в том числе проект перестройки помещения для начальника лагеря. Это распланировка куроводного хозяйства (1940), эскизы планов кормоприготовительной, проекты интерьеров и оборудования клуба им. Дзержинского, эскизы перспектив, оборудования и многого иного для автовокзала. Еще один вид дея-

тельности Усольлага и Тольцинера – проекты выставочного оборудования для изделий узников лагеря. Невероятная повседневная огромная проектная работа [3].

Особый интерес составляют несколько небольших рисунков Тольцинера – шаржи на своих сокамерников по лагерю: многие черты быта и работы заключенных в мастерской (где работали и художники) запечатлены в рисунках К. Ротова, бывшего художника журнала «Крокодил». Это шарж на Тольцинера и его изделия для детей [3].

Другая часть архива Тольцинера (с 1947 г.), относящаяся к периоду после освобождения, – свидетельства его уникальной проектной деятельности в Соликамске – материалы Проектного бюро при главном архитекторе г. Соликамска. Видимо, в эти годы его настольной книгой стал двухтомник «Практика реставрационных работ» (1950, 1958). Особая ценность – рукописи Тольцинера «Коробковая арка», а также «Дневниковые записи» 1957–1969 гг. [3].

В 1951–1961 гг. он руководил работой Пермской специальной научно-реставрационной производственной мастерской в Соликамске. В этой части архива присутствуют по-немецки скрупулезные обмеры древних памятников, древних лекальных кирпичей, их фотофиксация. Представляют особый интерес видовые городские фотографии с определением главных видовых точек. Огромный авторский фотоархив. Здесь запечатлены все архитектурные памятники (Соликамска, Боровска и не только), их аксонометрия, фотографии деталей церковных главок, барабанов, конструктивных особенностей каждого памятника, многочисленные видовые точки на ансамбли памятников архитектуры. Эта заинтересованность и, может быть, влюбленность в древнюю архитектуру Соликамска, многолетние исследования в определении планов застройки позволили архитектору понять и раскрыть уникальную градостроительную ценность всего наследия города. Он создал пакет документов, подтверждающих градостроительную ценность Соликамска, послужившую основой для создания охранных исторических зон. Эти предложения архитектора вошли в проект охранных зон, учтены при проектировании генплана города и сыграли решающую роль в возведении Соликамска в ранг исторического города [3].

Архитектор Филипп Тольцинер впервые поставил вопрос не только об охране памятников, но и всех городских ансамблей,

а также о сохранении исторической среды, фона, без которых немислимы древние памятники. Удивительно то, что в Баухаузе не занимались архитектурной реставрацией и относились к наследию если не отрицательно, то крайне прохладно. Тольцинер был автором проекта реставрации Софийской колокольни, Троицкого собора, Богоявленской, Преображенской, Введенской и других памятников. Он – реставратор уникальных памятников древнего зодчества Соликамска, создатель исторических охранных зон памятников Прикамья. В этой части архива – огромный раздел фотографий древних памятников Соликамска, Боровска, Пянтега и других сооружений с различных ракурсов и точек зрения. Фотографии до реставрации, в процессе, виды с различных точек после реставрации. Ф.М. Тольцинер основательно «заболел» архитектурным наследием Соликамска, и, будучи в Москве, он не раз выступал с докладами и проектными предложениями о создании заповедной зоны на территории исторической части Соликамска. Он пишет постоянно письма историкам, сотрудникам краеведческого музея с различными просьбами: сделать фотографии каких-то исторических зон, прислать планы, недостающие документы. В этих письмах сквозит постоянная забота, если не боль, о сохранении памятников архитектуры.

Еще один раздел фотоархива – фотографии Тольцинера и его учеников на отдыхе, за работой, за учебой, которую проводил Филипп Максович (Максимович) [3].

И очень интересная часть архива – воспоминания его учеников о работе с Тольцинером, о его человеческих и личностных качествах, о его трудолюбии и немецкой скрупулезности в деятельности, оценка работы с ним, о том замечательном влиянии, которое он проецировал на своих учеников и работников реставрационной мастерской [3].

Все бывшие сотрудники реставрационной мастерской отмечают замечательные личностные качества Филиппа Максимовича – огромные знания, умения, заботу о своих сослуживцах, щедрость, с которой он делился знаниями и опытом, скрупулезность в работе, научный подход, несмотря, на казалось бы, оторванность от центров.

И еще несколько штрихов к портрету Тольцинера из его дневников и воспоминаний. Когда он в 1947 г. получил «вольную», то

попросил оставить его еще на некоторое время в лагере, так как должен был окончить начатую работу и еще потому, что в лагере были хорошие врачи, а ему нужно было оперировать глаза. И, подводя жизненные итоги, Тольцинер говорил, что не отказался бы от Соликамска никогда, даже если бы пришлось пережить все заново<sup>1</sup>.

Следующая часть архива – более 150 писем Тольцинера из Москвы, Мюнхена и других мест, адресованных пермскому архитектору-реставратору Г.Д. Канторовичу. Это деловые и дружеские письма. В них также прослеживается тревога архитектора о деле своей жизни.

Творчество Тольцинера имеет непреходящее значение в деле сохранения архитектурного национального наследия Пермского края и России.

### **Список литературы и источников**

1. Архитекторы и архитектурные памятники Пермского Прикамья: энциклопедический словарь / сост. Н. Казаринова, Г. Канторович. Пермь, 2003.

2. Боброва Е.Е. Архитектор Филипп Тольцинер: штрихи к портрету // Человек в контексте времени; опыт историко-психологического осмысления: материалы XX Научной конференции. СПб., 2006. Ч. 1.

3. Пермский краеведческий музей. Отдел рукописных источников. Фонд Ф.М. Тольцинера. № 19229; № 19814; 20931; 20876; ПОКМ-НВ-5665/295

4. Сообщество архитекторов [Электронный ресурс]. – URL: [http://WWW.archipeople.ru/index\\_index\\_1476.html](http://WWW.archipeople.ru/index_index_1476.html) (дата обращения: 15.08.2019).

---

<sup>1</sup> По статье Бобровой Е. Е. Архитектор Филипп Тольцинер: штрихи к портрету // Человек в контексте времени; опыт историко-психологического осмысления: материалы XX Научной конференции. СПб., 2006. Ч.1. См. также эти материалы: [http://www.archipeople.ru/index\\_index\\_1476.html](http://www.archipeople.ru/index_index_1476.html)

## «МЕРТВАЯ ДОРОГА» И «КРЕПОСТНОЙ ТЕАТР»

*А.А. Усольцева,  
заведующий отделом истории,  
Краеведческий комплекс «Музей вечной мерзлоты»,  
Игарка  
mvm\_history@mail.ru*

**Аннотация.** Анализируются жизненный и творческий пути талантливого ленинградского художника Дмитрия Владимировича Зеленкова, жизнь которого трагически оборвалась в заключении. На протяжении многих лет имя Дмитрия Зеленкова оставалось в забвении – ни точной даты рождения, ни причин заключения. Данные удалось восстановить благодаря воспоминаниям родственников, друзей и товарищей по несчастью, волею судеб, оказавшихся в лагере.

**Ключевые слова:** театр; репрессии; ГУЛАГ; Игарка; СССР.

## «DEAD ROAD» AND «FORTRESS THEATER»

*A.A. Usoltseva,  
Head of History  
Local Lore Complex “Permafrost Museum”,  
Igarka  
mvm\_history@mail.ru*

**Summary.** The article is devoted to the study of the life and career of the talented Leningrad artist Dmitry Vladimirovich Zelenkov. Life, which tragically ended in custody. For many years, the name of Dmitry Zelenkov remained oblivious, neither the exact date of birth, nor the reasons for the conclusion. The data was restored due to the recollections of relatives, friends and comrades in misfortune, by the will of fate, who ended up in the camp.

**Keywords:** theater; repression; the Gulag; Igarka; USSR.

Город Игарка расположен за Полярным кругом (67° 27' 30" с.ш., 86° 37' 20" в.д.) на правом берегу Енисея напротив острова Полярный (Игарский), в зоне лесотундры, климат резко континентальный. Самая низкая температура: –59 °С, самая высокая: + 33,5 °С.

Среднегодовая температура:  $-8^{\circ}\text{C}$ . Полярная ночь длится с 10 декабря по 3 января.

Город и порт Игарка основан в 1929 г. Его строительство было вызвано необходимостью обеспечения экспорта круглого леса, пиломатериалов, пушнины с целью пополнения валютных запасов страны.

Летом 1927 г. экипаж парохода «Тобол» во главе с капитаном Петром Филипповичем Очеретько зашел в протоку и, переживая сильный шторм на Енисее, сделал промеры ее глубины. Оказалось, что она глубоководная и пригодна для приема морских судов. Вскоре специалисты приступили к детальному изучению этого места на Енисее. Был сделан вывод о том, что именно здесь необходимо основать морской порт, поскольку есть возможность вывозить лесные пиломатериалы из Сибири в разные страны мира. 15 июня 1928 г. Совет Труда и Оборона (СТО) рассмотрел на своем заседании предложение Государственного акционерного транспортно-промышленного общества «Комсеверпуть» о строительстве нового порта ниже устья р. Курейка [2, с. 1]. Уже через два месяца в Игарской протоке были загружены круглым и тесаным лесом три парохода, доставивших сибирскую древесину за границу. Грузчики проживали в течение навигации на лихтере и баржах, во временных строениях на берегу.

В июне 1929 г. на правый берег Енисея высадились первостроители, которые привезли с собой материалы и оборудование для строительства лесозаводов и города-порта. В период с 1929 по 1931 г. было выстроено главное предприятие нового поселения – лесопильно-перевалочный комбинат. Ежегодно в период навигации в морской порт прибывали иностранные суда, на которые грузили сибирский лес, высоко ценившийся во многих странах мира.

Город очень быстро строился. И он был исключительно деревянным: дома, тротуары, дороги. В 1931 г. был разработан план застройки города, его автором стал известный архитектор-конструктивист Иван Леонидов. Принцип застройки предполагал линейную вытянутость города, использование двухэтажных деревянных построек. С участием этого архитектора возводились наиболее известные постройки в городе – это прежде всего здание городского совета и исполкома по улице Большого театра, речного порта.

Многие в городе знают, что Игарка построена руками не только приехавших по доброй воли активистов и энтузиастов, как писали тогда газеты о грандиозных стройках СССР, но и страданиями людей, привезенных сюда насильно. Говорить и писать об этом было не принято и запрещено. После перестройки многое изменилось. В центральных средствах массовой информации стали появляться материалы, рассказывающие об истинных причинах переезда людей из обжитых мест в незнакомые и суровые края, массовых арестов, возникновения лагерей.

Трагической страницей в истории города является судьба спецпереселенцев. Уже в 1930 г. в Игарку стал прибывать транспорт с «раскулаченными» крестьянами. Первые годы пребывания спецпереселенцев в «кулацкой ссылке» были крайне тяжелыми. На почве голода резко увеличилась заболеваемость и смертность, возросло количество самоубийств, преступлений. 1937 г. и в Игарке был годом массового террора. Аресту были подвергнуты прежде всего бывшие переселенцы. Многие были расстреляны или исчезли бесследно. Лишь спустя десятилетия родственникам удалось узнать правду. В конце 1942 г. с последними пароходами в Игарский район было завезено значительное количество людей различных национальностей с прифронтовой полосы. Это были те, кого Сталин объявил врагами народа. Их ожидала жестокая судьба. Многих латышей, немцев, евреев и т.д. выбросили на необжитый берег в станок Агапитово. Почти половина из прибывших не смогли там выжить и погибли. В 1944 г. в Игарку прибыли переселенцы из Калмыкии. Последними в 1948 г. в Игарку сослали более 5000 человек из Литвы. По свидетельствам очевидцев, система насильственного вывоза из проживаемых мест была разработана в совершенстве. По железной дороге везли всех в товарных вагонах, совершенно закрытых. По Енисею спецпереселенцев сплавляли в трюмах барж или грузовых трюмах теплоходов. После смерти Сталина началась реабилитация спецпереселенцев. Город стали покидать реабилитированные политические заключенные, которые находились здесь в бессрочной ссылке. Многим удалось выехать на гг. родину – в Германию, Литву, Латвию. Литовские граждане в 90-х гг. осуществили вывоз останков своих родственников, захороненных в Игарке. А в память о тех, чей прах покоится на нашей северной земле, они поставили на литовском кладбище памятник.

В память о безвинно пострадавших в годы репрессий на территории музея вечной мерзлоты установлены памятные доски от игарчан, литовцев и латышей.

29 января 1949 г. было принято Постановление Совета Министров СССР, в котором говорилось о необходимости строительства железной дороги Салехард – Игарка протяженностью в 1200 километров. Предполагалось в четвертом квартале 1952 г. открыть рабочее движение, а в 1955 г. начать эксплуатацию дороги. Планировалось, что переход через реки Обь и Енисей будут осуществляться самоходными паромными [7, с. 8].

Поскольку дорога строилась по личному указанию Сталина, зачастую ее называют Сталинской дорогой. Есть у нее и другое название – Мертвая дорога. Связано это в первую очередь с тем, что ее строительство так и не было завершено, три четверти полотна, проложенного по вечной мерзлоте, остались невостребованными.

Магистраль, проходящая по Северу России, соединяющая европейскую часть с глубинами Сибири, в которых сосредоточено огромное количество природных ископаемых, имела громадное стратегическое значение. Страна получала возможность транспортировать продукцию многих добывающих отраслей более дешевым способом. Кстати, и сейчас многие исследователи вносят в планы развития транспортных сетей страны именно такую магистраль.

Идея строительства дороги обсуждалась уже в период Великой Отечественной войны. В 1944 г. появился план строительства железной дороги, в нем рассматриваются четыре варианта строительства – от Воркуты до Норильска, и все четыре проходят через Игарку. Это неудивительно, так как на тот момент Игарка была известным во всем мире морским портом.

Проект Сталина, хотя и не был лишен перспектив, все же оказался во многом авантюрным. Во-первых, потому, что в послевоенный период страна не имела возможностей для ведения гигантских строек подобного рода. Во-вторых, потому, что, как утверждали изыскатели, не был готов проект строительства железной дороги, которую нужно было прокладывать в особых климатических условиях в зоне распространения вечной мерзлоты. Весь расчет был сделан на то, что в ГУЛАГе было достаточно физической силы, особенно за счет бывших пленных из числа советских солдат



и офицеров. В прежние годы за счет эксплуатации труда заключенных подобные проекты осуществлять удавалось.

Дорогу строили в двух направлениях: с 1947 г. – в Обском (в ГУЛАГе это был объект № 501), и с 1949 г. – в Игарском (объект № 503). Им предстояло прокладывать путь навстречу друг другу.

На новой магистрали собирались построить 28 станций и 106 разъездов. Через каждые 5–10 км на трассе располагались лагпункты. От Игарки до Ермаково находилось семь колонн<sup>1</sup> для заключенных – две в районе города, остальные вдоль Енисея [7, с. 8].

По рассказам очевидцев, лагерные поселки выглядели следующим образом: «Площадка 500 на 500 метров, огороженная колючей проволокой, со сторожевыми вышками по углам. Внутри – одноэтажные бараки, столовая, штрафной изолятор, домик для вахты у единственных ворот. За периметром ограды – сборные финские дома для охраны, вольнонаемных работников, магазин, баня, складские помещения, клуб... В каждой – от пятисот до полутора тысяч заключенных».

Руководил строительством железнодорожной магистрали полковник Василий Арсентьевич Барабанов.

Василий Арсентьевич на Севере, можно сказать без преувеличения, был человеком легендарным. Практически все железные дороги в Заполярье строились при его участии. Несмотря на то что он занимал высокий пост, пользовался большим уважением у заключенных. Судя по документам, начальство на стройке менялось часто. Непродолжительное время проработал на строительстве дороги Салехард – Игарка и Барабанов, в 1950 г. он уехал строить Цимлянский гидроузел. Строительство продолжалось без него. Но именно он в воспоминаниях заключенных занимает особое место.

Идеализировать личность полковника излишне. Как и любой человек, он имел недостатки. И все-таки это была неординарная личность. Вот как о нем вспоминает бывший политический заключенный строек № 501–503, известный артист Леонид Леонидович Оболенский: «Какой человек! Совершенно фантастический по тем временам. Инженер по образованию, строитель. Не было на Урале ни одного каторжника, который плохо бы его помянул. До него был начальник строительства, который говорил: “Мне не нужно, чтобы

---

<sup>1</sup> Так ранее назывались колонии для заключенных.

вы работали, мне нужно, чтобы вы мучились!” А Барабанов делал дело: строил дороги. Был потом такой роман Ажаева – “Далеко от Москвы”. Это о Барабанове. Помню: Заполярье, северное сияние и – Барабанов с паровозика: “Друзья мои! Все мы здесь вольно или невольно – строим подъездные пути к коммунизму! Вперед, друзья мои! Мы кричали «Ур-р-ра!» (а что еще нам оставалось делать?) и шли, думая: дай тебе Бог здоровья, Василий Арсентьевич... Барабанов потом, во времена Хрущева, работал в газете “Известия” при редакторе Аджубее! Заведовал отделом писем» [7, с. 38].

Хорошо помнит Василия Арсентьевича бывший политический заключенный стройки № 501 Лазарь Вениаминович Шерешевский: «Полковника Василия Арсентьевича Барабанова называли “дядя Вася”. Это был незаурядный человек, успевший пройти старую чекистскую школу и в глубине души понимавший, как много среди его подопечных безвинно страдающих людей. Исполняя все требования своей службы, он сумел все же сохранить человеческий облик, заботился о культуре и медицинском обслуживании заключенных, старался, насколько это было в его власти, облегчить участь тех или иных попавших в беду людей. Впоследствии, когда кончилась его многолетняя строительная эпопея – а он руководил целым рядом таких строек – послужил прототипом Батманова в романе Ажаева».

Василий Барабанов был страстным театралом и горячо поддерживал идею создания театра в лагерной зоне. Чтобы оформить идею юридически, работу театрального коллектива сделали одним из важных элементов культурно-воспитательной работы. По нормам ГУЛАГа, на каждого зека полагалось расходовать 1,5 копейки в день «на культурные нужды». Если умножить эту мизерную сумму на тысячи обитателей лагерей и увеличить в 365 раз – по числу дней в году, – получится капитал. Его-то и решил Барабанов, своей властью, израсходовать на театральный коллектив. По личному распоряжению Василия Арсентьевича его представители собирали людей, имеющих отношение к искусству, со всех лагунков и пересыльных тюрем Севера [1].

В поселке Абезь для размещения театра специально было построено деревянное здание. Состав музыкально-драматического театра в разное время насчитывал около 200 человек, включая театральную службу.

В лагерной оперетте пела Дора Петрова, бывшая когда-то солисткой императорского театра в Петербурге. В драматической труппе работали «радловцы». В 1942 г. Театр Ленсовета во главе с Эрнестом Радловым эвакуировали на Северный Кавказ. Там артисты попали в плен, их вывезли в Германию и заставили выступать в лагерях перед русскими переселенцами. За это после Победы «радловцы» оказались в ГУЛАГе. Среди музыкантов был пианист Всеволод Топилин – первый аккомпаниатор знаменитого скрипача Давида Ойстраха. Симфонический оркестр возглавил бывший дирижер одесского театра Николай Чернятинский. Во время оккупации он оставался в городе и даже ставил там оперные спектакли. Сотрудникам НКВД, появившимся в Одессе после изгнания гитлеровцев, такая идея просвещения немцев не понравилась, и Чернятинского отправили в лагерь.

Эстрадными музыкантами руководил известный в Советском Союзе джазмен Зиновий Бинкин. Еще до войны он несколько лет руководил Московским областным арестантским ансамблем, который располагался в одной из «ближних» зон – в Бескудниково. Однако в 1948 г. Берия распорядился всех осужденных по 58-й статье из Подмосковья убрать. Так Бинкин и его музыканты оказались на севере.

Среди подневольных артистов гулаговского театра была Ванда Савнор. Она успешно работала в Москве. Весной 1949 г. арестовали ее мужа-инженера. Ванда Антоновна, узнав, что он увезен на строительство железной дороги на севере Сибири, без колебаний отправилась к мужу в заполярную Игарку, прихватив с собой маленького сынишку. Приезжую певицу сразу же позвали принять участие в работе театральной труппы. Художником в театре заключенных был Дмитрий Владимирович Зеленков...

Личность Дмитрия Владимировича Зеленкова мало известна и даже мистически загадочна, так как исследователям его биографии и творчества постоянно приходится сталкиваться с трудностями в поиске информации об этом человеке, которая к тому же оказывается противоречивой и загадочной. Главное противоречие заключается в том, что имя художника, которому суждено было раскрыть свой талант на лучших сценах известных театров, ушло в забвение в условиях лагерной несвободы.

Дмитрий Владимирович родился 26 января 1909 г. в г. Петербурге. Художественный талант Дмитрия, унаследованный от пред-

ков, рано проявился уже в детстве, и никто не сомневался в том, что Диму ждет большое будущее. Так и случилось. Уже в 1939–1940 гг. он работал в Мариинском театре декоратором, сотрудничал также с Александринским театром и за столь короткий срок успел приобрести славу «мага и волшебника». О родственниках Дмитрия Владимировича впервые были собраны материалы исследовательницей из г. Нарвы И.Е. Иванченко. В своих книгах она показывает связь рода Зеленковых, Лансере, Бенуа, Случевских. Отец Д. Зеленкова, Владимир Александрович, по специальности инженер-технолог-светотехник, работал в Петербургской конторе немецкой фирмы «Сименс Гальске», где он успешно занимался изобретениями [3, с. 410]. Автор технических книг, одну из которых о малярном деле иллюстрировал его сын – Дмитрий.

Женился Владимир Александрович на одной из дочерей знаменитого скульптура Евгения Лансере – Екатерине, которая в свою очередь доводилась племянницей знаменитому художнику и искусствоведу, одному из основателей объединений «Мир искусства» Александру Бенуа.

По словам Ирины Иванченко, автора книги «Родов связующая нить», семья Лансере – Бенуа была не только талантлива, но и очень дружна между собой. В летнее время вся семья Лансере уезжала в собственное имение Нескучное в 30 км от Харькова. Сюда же приезжали молодые супруги Зеленковы и другие многочисленные родственники.

Екатерина Евгеньевна была замечательной матерью. Все свободное время она отдавала заботе о детях, а их в семье было четверо. Екатерина Евгеньевна умерла в 1921 г. в Петрограде в возрасте 39 лет от менингита.

Вторым ребенком в семье Зеленковых был Дмитрий. Екатерина Дмитриевна Якубович, племянница художника, вспоминает, что Дмитрий был необыкновенно красив, артистичен, но, в отличие от мамы и братьев, меланхоличен. Он рисовал на любой бумаге, которую находил дома. Это были куски от чертежных бумаг или документов, в ход шли даже визитные карточки отца. Екатерина Дмитриевна рассказывает также: «Дмитрий не имел никакого специального образования, но в этом не было необходимости. Он получил в семье достаточно глубокие знания и развил в себе природный талант». Именно это предопределило профессию Дмитрия. В период с 1920 по 1930 г. он работал художником в театрах города Ленинграда.

Родные запомнили Дмитрия уходящим на фронт в июне 1941 г. Тогда маленькая Катя произнесла фразу, которая более всего запомнилась о том периоде: «Ну, теперь мы победим!» Как вспоминает сама Екатерина Дмитриевна Якубович, Дмитрий был всегда красив, но в этой форме особенно, и это не могло не вызвать у нее восхищения. Для Дмитрия Зеленкова не стоял вопрос – идти или не идти на фронт, по-другому быть не должно, он идет защищать Родину. Он уходил на фронт, имея за плечами опыт работы в ленинградских театрах и даже познав радость успеха и признания его таланта. Дмитрий Владимирович к тому времени был совершенно счастлив и в личной жизни, он встретил и полюбил талантливую балерину Ольгу Иордан, на тот момент уже заслуженную артистку РСФСР.

Связь Владимира Зеленкова и Ольги Иордан была наполнена какой-то особенной духовностью, родством очень похожих и понимающих друг друга людей. Но эти отношения оборвались в 1941 г. раз и навсегда.

«Никто из родных долгое время не знал, что Дмитрий Владимирович в самом начале войны был тяжело ранен и взят в плен. В плен он попал во время окружения полка под Ленинградом. Его отправили в концлагерь в Финляндию». Старшая сестра Нина после окончания войны встретилась с Дмитрием в Москве в пересылочной тюрьме. Какой-то добрый человек прислал ей весточку, что брат будет находиться на пересылке, и она сразу бросилась туда. Дмитрий был подавленным и все время повторял: «Какое счастье, что у тебя есть Катя!» Чудом выжившая в блокаде сестра в будущем станет главной родственной ниточкой, подающей хоть какую-то надежду. Сразу после возвращения в Ленинград с пересылки Нина встретилась с однополчанином Дмитрия, который и рассказал, что все они находились в концлагере в Финляндии, по окончании войны состоялся обмен военнопленными, русские возвращались домой до границы радостными с букетами цветов, а на родине их затолкали в теплушки и отправили по тюрьмам.

В справке МВД Республики КОМИ говорится: «Был судим военным трибуналом Московского военного округа 17 апреля 1945 г. по статье 58-1б УК РСФСР на 10 лет лишения свободы с поражением в правах на 5 лет. Начало срока с 15 февраля 1945 г.» [6].

Д.В. Зеленков был направлен для прохождения заключения в закрытый подмосковный лагерь. Он работал где-то в районе Подольска в каком-то авиаконструкторском бюро и как художник оформлял там всякие чертежи. Несмотря на приказ, из этой шарашки 58-ю даже не трогали, потому что там были ценные кадры, вроде ученых, атомщиков, авиаконструкторов. Но Зеленков нарушил лагерный режим, поскольку сам решил из этой шарашки бежать.

В 1949 г. Северное управление железной дороги Салехард – Игарка перевели в Игарку, сюда же переехал начальник стройки, полковник В.А. Барабанов. Театр, по сути его «детище», он распорядился тоже перевести из поселка Абезь в Игарку. И поскольку именно тогда и именно здесь сконцентрировались яркие таланты, остались наиболее полные их воспоминания о Зеленкове. Высоко оценивали его профессионализм режиссер Ю.А. Аскарлов, актеры Л.Л. Оболенский, Л.И. Юхин, литератор Р.А. Штильмарк. Юсуф Алимджанович Аскарлов писал о театре того времени: «Всего, если не ошибаюсь, 200 с лишним человек. Плюс 16 актеров вольнонаемных. Театр необыкновенный!!! Поразивший на всю жизнь! Главное, конечно, – населявшие его люди. Обращались исключительно на “Вы”! В нас ценили профессионализм, безотказность, любовь к своему ремеслу. Приходилось работать по 12 часов: репетиции, концерты, спектакли, не оставалось времени на “самоедство”, порой забывали о прошлом, о доме, о воле...». Роберт Александрович Штильмарк оставил не просто воспоминания о театре, но и сохранил папку с некоторыми документами, в которой был автопортрет Зеленкова. Он вспоминал: «Когда публика, потрясенная красотой декораций в пьесе “Раскинулось море широко”, устроила талантливому художнику Д.В. Зеленкову десятиминутную овацию, выкрикивая его имя, известное стране, тупица из политотдела запретил ему выйти и поклониться со сцены».

Игарка позволила хоть на какой-то миг почувствовать себя свободнее. Это было время признания таланта Зеленкова и даже гастролей. Чудом сохранились письма Дмитрия Зеленкова сестре Нине. Одно из них написано в июне 1950 г., брат пишет о прибытии в Игарку в 1949 г.: «В конце июля мы открыли наш сезон в Игарском театре. Спектакли шли с большим успехом, мы же (я и мои помощники) не чувствовали под собой ног от усталости, восстанавливая и переделывая декорации к новой сцене. Я был

принят очень тепло. Все мои спектакли заслужили одобрение у публики, а некоторые и восторженные отзывы в местной прессе». Здесь, в Игарке, за работу в театре даже платили деньги. А поездка в Норильск на гастроли была просто подарком судьбы. В каюте первого класса Дмитрий Зеленков вместе с главным дирижером театра отправляется на север: «Полтора месяца гастролей с прекрасным питанием, очень уютным жильем, успехом у публики, стыдливymi взглядами некоторых дам, взволнованных, очевидно, видом моих черных вьющихся бакенбардов – все это вместе взятое составляет приятный материал для воспоминаний». Возвращение в Игарку поначалу не предвещало неприятностей, хотя драматический театр уже был переведен в Ермаково, где было для него здание. Театр оперетты, оставшийся в Игарке, должен был ставить и драматические спектакли. Это было поручено главному художнику Зеленкову. Здесь же с ним «творил на сцене» ленинградский режиссер В. Иогельсон, осужденный на 20 лет: «Долго мы с ним ломали голову, какую пьесу поставить на нашей сцене. Профессиональных актеров у нас очень мало, средства мизерные, а поражать публику чем-то нужно. Остановились мы на пьесе “Двенадцать месяцев” С. Маршака». К Новому году состоялась премьера. Она далась нелегко, Зеленков жил постоянно в мастерской, то есть в лагере было разрешено не появляться. Много бессонных ночей и нервов было потрачено на постановку. Но все остались довольны. Иогельсон оценил работу Зеленкова «как лучшую в этом театре».

Дмитрий Зеленков создал вместе со своими коллегами «потрясающую сценическую феерию» благодаря использованию трофейного сценического реостата, обновлению кулисных и осветительных устройств. Штильмарк пишет: «На глазах у зрителей волшебнo расцветали фантастические цветы, а в их чашечках вспыхивали разноцветные огоньки под волшебную музыку, написанную заключенным композитором и пианистом. Таяли на сцене льды над омутом и бежала ветровая рябь по озерному зеркалу, деревья зеленели, желтели и сбрасывали листву, снег устилал лесную опушку, и, пока маленькая падчерица, прекрасно сыгранная заключенной девушкой Леночкой, “кружила” по лесу в снежной метели, прежде чем начать свой монолог, театр бушевал от оваций художнику. Леночка была вынуждена делать долгую паузу перед

монологом, а аплодисменты вновь вспыхивали в восторженном, потрясенном зале».

Зеленков мог спасти любую даже самую ненадежную ситуацию и сотворить на сцене из самых нехитрых материалов чудо! Но, как верно отмечает Роберт Александрович, «труд, вдохновение, Божий дар таланта, ежедневно приносимые заключенными работниками театра в жертву искусству, творчеству, – превосходили их физические и нравственные силы». Надломленность усугубляла и личная драма Зеленкова.

Вскоре Зеленкова вызвали в Ермаково. Здесь он работает в клубе постройкома, руководит самодеятельностью вместе с Вандой Антоновной Савнор, которая бросила актерскую карьеру в Москве и приехала к сосланному мужу в Ермаково. Дмитрий Владимирович не был освобожден от общих работ. Лапицкий Савелий Яковлевич, ленинградский художник, отбывавший срок в Ермаково, также поделился воспоминаниями с нашим музеем. Он рассказал, например, о том, что застал Зеленкова на общих работах в центральных ремонтных мастерских: «Он из рукава в рукав передал мне кисти. Зеленков спас мне жизнь, я навечно запомнил его какую-то аристократическую худобу, тонкие длинные пальцы».

Ванда Антоновна Савнор много раз рассказывала истории о Зеленкове. Она боготворила его, поэтому всякий раз вновь и вновь вспоминала его, сожалела, что не смогла спасти его жизнь. В Игарке у него уже была попытка повеситься. Актеры вовремя пришли на помощь, хотя долгое время художнику пришлось ходить в фельдшерский пункт, где работал тогда Александр Альбертович Сновский, автор третьего выпуска сборника Игарского музея «Стройка 503»: «Он ходил на процедуры, сипел буквально, травмировал голосовые связки. Потом он наладился. ... Дима был утонченно хорош. Высокий (правда, сутулый), худой, астеничный, красивый, вежливый, задумчивый... Это был Христос, одухотворенный человек с лицом Христа. Он был совершенно не приспособлен к лагерю, это был не лагерный человек. Он был с другой планеты, хотя и фронтовик».

В Ермаковском клубе рабочая комната В.А. Савнор была на балконе за кулисами. Там был телефон, которым она могла пользоваться. Однажды позвонили и пригласили к телефону Дмитрия Зеленкова. Едва закончив разговор, Дмитрий убежал. «Через неко-



торое время, – вспоминает Ванда Антоновна, – врывается с ножом в руке П. Пустовойт и выдыхает: “Зеленков повесился в туалете за клубом!” Спрыгнув со второго этажа и крикнув актерам о случившемся, он бросился спасать Диму. А я – бегом в медпункт за врачом. Дима лежал на деревянном настиле около клуба, а актеры делали ему искусственное дыхание» [4].

Петля «несвободы», в которую художник попал уже в плену, затянулась еще туже в застенках ГУЛАГа. Здесь он с каждым годом заключения терял надежду на то, что сможет реализовать свой талант. До освобождения оставалось менее года, но он прекрасно понимал, что после лагеря ему будет закрыта дорога в большие театры, устройство возможно только в провинции.

В справке, пришедшей в адрес Игарского музея в 1998 г. из г. Воркуты, говорится: «Начало срока с 15 февраля 1945 г., умер 3 июня 1951 г., похоронен на кладбище пос. Ермаково, номер могилы Г-20». Официальных похорон не было, даже вольнонаемные не слышали о том, что можно присутствовать на похоронах Зеленкова. Место расположения кладбища, где похоронен Зеленков, никто не знает. Реабилитирован Дмитрий Владимирович 14.10.1993 г.

Уход из жизни для Зеленкова, как верно заметил А.А. Сновский, был побегом, из которого нет возврата: «Перед этим побегом бессильны самые лютые оперативники с самыми злобными, натренированными овчарками. А называется этот побег самоубийством» [5, с. 138].

Сохранение памяти о Дмитрие Зеленкове, исследованием его жизни и гибели на протяжении многих лет занимались экс-директор музея – Мария Вячеславовна Мишечкина, Александр Игоревич Тощев. Именно они открыли это имя нашему городу, нашли родственников, установили с ними тесные дружеские взаимоотношения.

В декабре 2013 г. Игарскому музею были переданы рисунки Дмитрия Зеленкова из семейного архива, сохраненного в Петергофе его племянницей Екатериной Дмитриевной Якубович. Сбор средств на доску памяти, посвященную Д.В. Зеленкову, художнику из рода Лансере – Бенуа, погибшего в ГУЛАГе и похороненного в Ермаково, продолжался два года, в нем участвовали кроме сыновей Якубович некоторые игарчане, а также общество «Мемориал» (Алексей Бабий). 3 июня 2019 г. состоялось торжественное мероприятие, на площадке перед зданием отдела «Стройка № 503» – открытие памятной доски Дмитрию Владимировичу Зеленкову.

### Список литературы и источников

1. Алексей Мороз о «Крепостном театре» ГУЛАГа [Электронный ресурс]. URL: <https://obzor.city/article/66634> (дата обращения: 10.07.2019).
2. ГАКК. Архивная справка. 13.07.1999. С. 1.
3. Иванченко И.Е. Родов, связующая нить (Хроника русских семей в документах, фотографиях, дневниках, воспоминаниях и эпистолярном наследии). СПб.: Алетейя, 2011. С. 410.
4. Савнор В.А. Рассказ очевидца. Записан А.И. Тощевым / Архив музея.
5. Сновский А.А. Дмитрий Зеленков // Стройка 503. Выпуск 3-й. Класс-Плюс, 2012. С. 138–140.
6. Справка МВД Коми АССР, выданная Музею вечной мерзлоты. 5 марта 1998 г. // Архив музея.
7. Стройка № 503 (1947–1953 гг.). Документы. Материалы. Исследования. Красноярск: Гротеск, 2000. Вып. 1. С. 8.

**МУЗЕЕФИКАЦИЯ ТЕМЫ**  
**«ТРАМОВСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В КУНГУРЕ В 20–30-Е ГГ.**  
**XX В.» В КУНГУРСКОМ МУЗЕЕ-ЗАПОВЕДНИКЕ**

*Л.Ю. Елтышева,*  
*заведующий отделом истории,*  
*Кунгурский историко-архитектурный*  
*и художественный музей-заповедник, Кунгур*  
*Larisa-1408@yandex.ru*

**Аннотация.** Рассматриваются история трамбовского движения в Кунгуре в 20-е гг. XX в. и музеефикация данной темы в фондах Кунгурского музея-заповедника.

**Ключевые слова:** театр; «Живая газета»; ГУЛАГ; музей.

**MUSEIFICATION OF THE THEME**  
**«TRAMOV MOVEMENT IN KUNGUR IN 20–30-IES**  
**OF XX CENTURY.» IN KUNGUR MUSEUM-RESERVE**

*L.Yu. Eltysheva,*  
*Head of Department of history, Kungur historical,*  
*architectural and art Museum-reserve, Kungur*  
*Larisa-1408@yandex.ru*

**Summary.** The article is about the history of Tramov movements in Kungur in the 20s of the XX century and museification of this topic in the collections of the Kungur Museum-reserve.

**Keywords:** theatre; The young Communist League; Live newspaper; Museum.

Воспоминания и личные фонды кунгуряков оставили яркие страницы культурной жизни провинциального города. Основы трамбовского движения в Кунгуре были заложены еще в начале XX в. через деятельность различных театральных коллективов. В 1902 г. в Кунгуре работало «Общество любителей сцены». Оно было создано по инициативе «Кунгурского общества пособия учащимся

и попечения о народном образовании» и супругов Агеевых. Сначала «Общество любителей сцены» ставило перед собой цель организации музыкально-литературных вечеров и сбора средств на обучение бедных учеников. Затем оно стало центром любительской театральной жизни города. По инициативе супругов Агеевых и при их участии проходили благотворительные вечера, спектакли. Ставили любительские спектакли. Супруги Агеевы играли большую роль в культурной жизни города. В одном из зданий завода Агеевыми был оборудован театр, больше известный в Кунгуре как «Агеевский клуб». Была оборудована сцена, закуплено необходимое оборудование. Сами Агеевы принимали активное участие в постановках спектаклей. Их дочь Валерия вспоминала: «Дом наш соединялся крытой летней галереей с небольшим театром, тоже нам принадлежавшим. Там играла приезжая труппа вместе с местными любителями. Почти все главные роли исполнял сам папа, будучи очень талантливым актером. Кроме того папа чудно декламировал и пел. Каждая пьеса обставлялась стараниями папы домашними способами, но очень искусно и естественно, судя по карточкам. Например, снимки из “Горя от ума”. Право, можно было забыть, что это сцена провинциального театра. Устраивались в доме и детские спектакли. Костюмы шили сами, стараясь соответствовать той эпохе. Не обходилось и без курьезов во время спектаклей. Однажды ставили спектакль в летнем саду. На него пришел постоянный зритель – местный священник. Но так как ему нельзя было находиться в зрительном зале, то батюшка занимал место за кулисами и оттуда ухитрялся наблюдать за тем, что происходило на сцене. Однажды во время спектакля он, видимо, не сохранил равновесие и больше чем надо навалился на кулису. Она упала, и перед взором публики появилась фигура священника во всем ее величии. Актеры, вершившие свое действие на сцене, были смущены, но больше всех был смущен сам виновник» [2, с. 67]. А.Г. Агеев переложил в драму роман Э. Войнич «Овод». Впервые эта драма на русской сцене была сыграна именно в Агеевском театре. Летом 1902 г. было поставлено несколько несложных, одноактных спектаклей в городском саду. Скоро такие постановки стали заметными в городе, о них заговорили. Это в свою очередь окрыляло любителей сцены. Актеры стали ответственно относиться к своему делу, совершенствовать мастерство. 20 августа 1903 г. устроен А.Г. Агеевым спектакль по И.С. Тургеневу «Отцы

и дети» в пользу Общества пособия учащимся с выручкой 80 рублей. Летом 1903 г. был поставлен спектакль по роману И.С. Тургенева «Отцы и дети», артисты приступили к подготовке спектакля по пьесе А.С. Грибоедова «Горе от ума». В 1905 г. труппой представлен спектакль «Свадьба Кречинского». В 1912 г. устроенный спектакль «Иван Миронич» принес 116 рублей благотворительных взносов [12, с. 50]. В годы Первой мировой войны в городе располагался 153-й запасной пехотный полк. По воспоминаниям бывшего офицера Н.П. Важенцева, «при гарнизонном комитете был организован “культурно-просветительный комитет”. Сюда для работы были приглашены лучшие силы местной интеллигенции и учительства. Имелся полковой театр, помещавшийся в бывшем здании пчеловодного музея. Здесь продолжительное время работа украинская труппа, организованная из полковых солдат» [1, с. 2].

После событий февраля и октября 1917 г. театральная деятельность в Кунгуре приобретает новые революционные черты. В 1918 г. по воспоминаниям В.А. Агеевой театр ее родителей после их расстрела карательным отрядом был реквизирован со второго дня пасхи 1918 г., и там стали ставить спектакли местные любители сцены под руководством главного артиста любителя Г.М. Пивоварова [2, с. 69]. В октябре 1918 г. в клубе партии коммунистов в доме Елтышева у Сылвенского моста под режиссерством Г.М. Пивоварова группа артистов и любителей ставила драмы «Каторжанин», «Соколы и воры» [3, с. 26]. В первой половине 1919 г. в Кунгуре работали общественные организации: Комитет помощи Народной армии, Кунгурский дамский кружок, Общество художников, Кунгурское учительское общество, Кунгурское отделение Российского общества Красного Креста [6, с. 4]. Эти общественные организации ставили различные спектакли, концерты. 23 марта 1919 г. в здании технического училища Общество художников устроило большой вечер-бал. 20 % общего сбора поступило в пользу Народной армии. В программе сообщалось: «Спектакль “Вова революционер”, аукцион (разыгрывался сажень дров с доставкой на дом), дивертисмент. Работает школа рисования для детей» [7, с. 4]. 5 апреля 1919 г. в помещении электро-театра «Люкс» в пользу Кунгурского врачебно-распределительного пункта был дан вокально-хореографический вечер артисток Московского балета Ольги Вронской, Сандры Станиславской и артисток оперы Адиной и Мусиной [8, с. 4].

В 20-е гг. в стране создается и ширится трамбовское движение. Первый Театр рабочей молодежи был создан в Ленинграде в 1925 г. Затем они стали появляться и по всей стране. Основной принцип таких театров – агитация и воздействие на трудящиеся массы. В их инсценировках всегда непримиримо сталкивались рабочие и самодержавие, Красная и белая армии и т.д. «Живая газета» пропагандировала идеи пролетарской солидарности, высмеивала западных политиков. Ее участники смело применяли агитационные приемы воздействия на зрителя. Это спортивные упражнения, хоровое пение, световые и звуковые эффекты. В инсценировках демонстрировались митинги, военные парады. Клубный театр был театром социальной маски. В действиях непременно присутствовали политические «маски»: капиталист, генерал, соглашатель, поп. Актеры, не перевоплощаясь в образ, двумя, тремя резкими штрихами, всегда одинаковыми, намечали ту или иную типовую фигуру. Буржуй – сытый, в цилиндре, генерал – «кроважадный», с кривой шашкой, соглашатель – трусливый, в шутовском костюме. В «Живой театрализованной газете» (ЖТГ) наряду с политическими масками появлялись бытовые: хулиган, прогульщик, растратчик, бюллетенщик. Днем актеры трамбов трудились на заводах, учились, а вечером спешили на репетиции или выезжали на спектакли [11, с. 21].

В 1928 г. в Кунгуре создается студия живой театрализованной газеты «Пятилетка», которой руководил И.А. Крылов. Ставились пьесы разных жанров, затем перешли на метод работы «синблужников» (рис. 1–3). Ставились так называемые политические оратории на стихи Маяковского, Светлова, Безымянного. «Живгазетчики» очень оперативно откликались на все текущие события в стране, знаменательные даты. В своих выступлениях «живгазетчики» использовали острые критические материалы из местной жизни. Побаивались выступления ЖТГ бюрократы, жулики, пьяницы.

В редактировании таких материалов участвовал работник Окрпрофсовета товарищ Юрганов. ЖТГ г. Кунгура пользовалась большим успехом у соседей, выезжали с соседние районы. Днем работали в поле, вечерами в школах в избах-читальнях или просто на улице показывали программу. В 30-е гг. проходили тиражи «Крестьянского займа». Вот в таких мероприятиях тоже принимали участие артисты ЖТГ.



Рис. 1. Группа ораторий живой театрализованной газеты «Пятилетка», г. Кунгур, 1928 г.



Рис. 2. Участники живой театрализованной газеты «Пятилетка». Руководитель И.А. Крылов, г. Кунгур, 1928 г.



Рис. 3. Участники живой театрализованной газеты «Пятилетка» во время осенней уборочной компании в с. Кочebaхтино Кунгурского района, 1930 г.

Частыми были и поездки в Пермь. Основными актерами ЖТГ были М.Г. Бушуев, впоследствии профессиональный актер, И.Ф. Серебряков, Л. Браун и другие (рис. 4). Среди активных «живгазетчиков» были музыканты Г. Красных, скрипач В. Лебедев, пианистка Врублевская [13, с. 2].



Рис. 4. Живгазетчицы Н. Беяева, Л. Юрганова, О. Серебрякова, 1931 г.



Участники группы «Синеблузников» одевались в одинаковые синие блузы, на груди имелся значок «ЖТГ». Он представлен в экспозиции Кунгурского музея-заповедника, как и фотографии ЖТГ «Синяя блуза» (рис. 5).



Рис. 5. Знак ЖТГ (Живой театрализованной газеты).  
Принадлежал Л.Г. Кичигиной, Кунгурский музей-заповедник

В Кунгуре театрализованные коллективы «Синяя блуза», «Живая газета» действовали в школе 2-й ступени, в педагогическом и механическом техникумах, в клубе железнодорожников, где большим энтузиастом этих процессов был артист драмкружка Н. Мокрушин (рис. 6).



Рис. 6. Живая газета «Вперед» № 2 школы  
II ступени г. Кунгура, 1931 г.



Рис. 7. И.Ф. Серебряков, руководитель живой театрализованной газеты «Вперед» при клубе СТС (Совторгслужащих), г. Кунгур, 30-е гг. XX в.

Иувиналий Филимонович Серебряков (1913–2002) родился в Кунгуре. Окончил семь классов школы II ступени. В период учебы в школе руководил живой театрализованной газетой «Вперед», органам горкома ВКП(б) и Горпрофсовета при клубе «С.Т.С.» В 1935 г. окончил в Перми курсы техников-конструкторов. Там же в Перми был руководителем художественной самодеятельности клуба «Профинтерн». Занимался организацией студии областного Театра рабочей молодежи, был лаборантом, режиссером и актером. Впоследствии был художественным руководителем клуба «Обувщик» [4, с. 1–6]. В фондах музея хранится личное дело И.Ф. Серебрякова, насчитывающее более 100 единиц хранения (рис. 7).

Журналист, фотокорреспондент А.П. Шадрин вспоминал: «Мы – живгазетчики, мы – синеблузники! Так обычно начиналось театральное представление на сценах рабочих клубов нашего маленького г. Кунгура в 20-е годы. Вспоминаю, как “живгазетчики” клуба кожевников просмеивали белоэмигрантов. По сцене кружили двое толстяков, у одного из них барабан на брюхе, у другого скрипка. Жалобными голосами пели слезливую частушку: “Ходим мы по улицам Парижа. У меня от барабана грыжа”. А распевал ее знаменитый в Кунгуре самодеятельный артист Михаил Бушуев» [14, с. 3]. Сам А.П. Шадрин в 1933 г., будучи 16-летним подростком и начитавшись книг о террористической организации «Народная воля», организовал в Кунгуре кружок «Вольнодумье» (рис. 8). Восемь друзей-единомышленников приняли устав, спорили и рассуждали, как живет людям в Кунгуре. Члены кружка определили

своей целью «принесение жизни и здоровья каждого члена кружка, а также средств для улучшения жизни пролетариата». Подростки отправили письмо Сталину, где не только описали тяжелое положение кунгуряков, но и выдвинули свои требования: «Уважаемый товарищ Сталин! Вы козырный временщик. Вы не знаете, как страдает русский народ. Например, на Урале, в Кунгурском районе народ весь истощен. Крестьяне оставлены без хлеба и голодают. В 1931–1933 годах они ели суррогат вперемежку с хлебом, а иногда и голый суррогат из листьев крапивы, древесной коры, мякины. Кунгурская организация “Вольнодумье” предьявляет Вам следующие требования: “Свобода слова, мысли, печати, вольная торговля, государственная торговля хлебом, свободные выборы представителей народа от каждого города, свобода всех сословий”. Если наши требования не будут выполнены, то знайте.....» [9, с. 382].

В 1933 г. А.П. Шадрин сидел во внутренней тюрьме Пермского ОГПУ. С 1935 по 1938 г. – в Кунгурской трудовой коммуне. В ней перевоспитывались, например, подростки из с. Уинское Пермской области. На собрании они решили: «...организоваться и мешать работе драмкружка». Выполняя решение резолюции собрания, «украли два занавеса в избе-читальне». В 1938 г. нескольких воспитанников обвинили в «террористических намерениях». Они «ночью собрались, вели разговоры о тайге, о прочитанных книгах». Другие мальчишки тоже вели разговоры о прочитанных книгах, о «возможности построения гиперболоида инженера Гарина, при помощи которого можно было уничтожить работников НКВД» [15, с. 18]. Журналист, фотокорреспондент, участник Великой Отечественной войны, А.П. Шадрин был осужден дважды:



Рис. 8. А.П. Шадрин

в 1933–1938 и в 1948–1956 гг. Второй раз журналист был арестован за хвалебный отзыв о бумаге и фотографиях распространяемого тогда в СССР иллюстрированного журнала «Америка», об американском фильме «Сенатор», который все смотрели в кунгурском кинотеатре. Осложнили его положение и откровенные мысли, изложенные в письме к другу из Свердловской области: «...Меня удивляет равнодушие, с которым мы идем по жизни, шагаем смиренно, с покорностью животных, тупо, как прикажут. И в слепоте своей не видим, что впереди ничего: туман один долгий беспросветный...Люди оступели, думают, что так и быть должно, голоса своего подать не смеют...» [9, С. 383]. Реабилитирован был Александр Павлович в 1964 г. В фондах музея-заповедника хранится личное его дело.

Яркие воспоминания о деятельности трамбовского движения в Кунгуре оставил Герман Константинович Ли (1903–1978) (рис. 9).

Он окончил Екатеринбургское реальное училище (1919). Учился в студии Пролеткульта в Свердловске. В 1922 г. поступил на учебу в Кунгурский механический техникум. Из воспомина-



Рис. 9. Г.К. Ли, руководитель группы «Синяя блуза» и редактор стенной газеты «Кузница» в Кунгурском механическом техникуме в 20-е гг. XX в.

ний Германа Константиновича: «Пару слов о нашем внешнем виде. Выглядели мы тогда живописно. Головной убор – кожаная кепка или фуражка. Ну а если буденовка – совсем хорошо. На рубахе воротник обязательно завернут вовнутрь, чтобы грудь была обнаженной. Кое-кто носил военные кителя и мундирчики гимназий и реальных училищ, но пуговицы обязательно обшиты красной материей. На ногах широченные галифе, сшитые из шинельного сукна или из коричневой “чертовой кожи”. Затем обмотки и деревянные сандалии, которые мы мастерили сами. Кожаная обувь была рос-

кошью и нам не по карману. У девчат красные косынки или кепки, какие-нибудь курточки поверх кофточек, темные юбочки и тоже деревянные сандалии. Никаких галстуков, украшений. Все это считалось буржуазным эстетизмом, мещанством, интеллигентщиной». Во время учебы в механическом техникуме был руководителем группы «Синяя блуза», редактором стенной газеты «Кузница»: «Кроме членства в разных обществах пришлось нести “небольшую” нагрузку: руководил “Синей блузой”. Лозунги того времени: “Без бога шире дорога!”, “Наша этика – долой косметику!”, “Старому театру на горло ставь – мы классового искусства депо и штаб!”» [10, с. 2]. Впоследствии работал в Кунгурском лесотехникуме, был редактором стенной газеты «За кадры». В фондах Кунгурского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника хранится неопубликованная рукопись Г.К. Ли «Комсомол 20-х годов» (1968). Его личное дело насчитывает более 100 единиц хранения основного и научно-вспомогательного фонда.

В 1922 г. в Кунгуре при рабочем клубе «Правда» была организована драматическая студия, которой руководил все тот же Г.М. Пивоваров (1888–?) (рис. 10).

Геннадий Михайлович Пивоваров родился в Пермской губернии, Пермском уезде. Служил в 153-м запасном пехотном полку в Кунгуре. В 1919 г. эвакуировался с белой армией как мобилизованный. После служил в Красной армии. В 1927 г. Г.М. Пивоваров как бывший офицер был лишен избирательных прав [5, с. 2]. Геннадий Михайлович не только учил и передавал опыт и знания молодым студийцам, но и заботился о приобретении одежды, дров и других материалов. Драматиче-

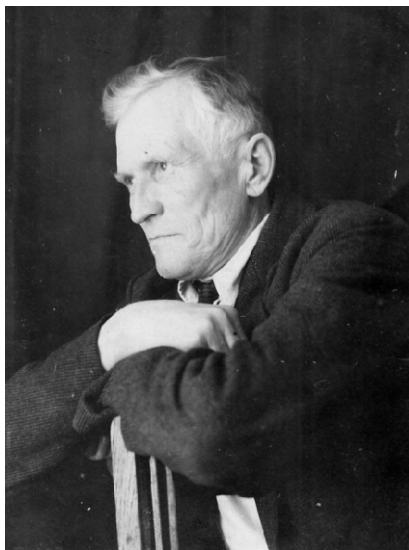


Рис. 10. Г.М. Пивоваров, руководитель драматической студии при рабочем клубе «Правда» в 20-е гг. XX в.

ческая студия ставила различные пьесы, в том числе и исторические «Василиса Мелентьева», «Альбина Мечурская», «Борис Годунов», спектакли, концерты. В дальнейшем он руководил театральной студией при клубе «Обувщик». Выступали на сцене электротeatра «Олимп», в летнем театре Мининского парка. Ставились различные спектакли в реалистичном жанре социалистического реализма, концерты. На фотографиях со сценами из спектаклей мы видим инсценировки деревенской жизни, декорации, костюмы и грим – бытоописательные, отражающие жизнь советских людей в 20–30 гг. XX в. На другой фотографии: сцена из постановки пьесы Мольера «Тартюф», режиссер и постановщик М.Г. Бушуев. Изображена последняя сцена спектакля.

Судя по снимку, режиссер сделал постановку бытоописательной, костюмы и грим воспроизводили времена Мольера. М.Г. Бушуев, кунгуряк, всю свою жизнь посвятил театральному искусству. Начиная как актер любитель, впоследствии стал профессиональным актером, работал в одном из театров Казахстана. В фондах музея-заповедника хранится его личное дело. Г.М. Пивоваров избежал репрессий в 30-е гг. XX в. Он возглавлял театральную студию клуба «Обувщик» до 50-х гг. XX в. В фондах музея есть его личные фотодокументальные источники: это альбом с фотографиями сцен из спектаклей, памятные адреса с 40-летием творческой деятельности, грамоты, юбилейные статьи г. Искра и т.д.

Руководство партии большевиков считало, что искусство должно быть понятно массам настолько, чтобы его можно было с пользой применить для строительства нового мира. Этот подход воплотился в социалистическом реализме, который в 30-е гг. XX в. утвердился в искусстве. В официальной театральной печати началась критика левых или авангардных театров. В том числе стали критиковаться и театры рабочей молодежи, которые причислялись к левым театрам: «Трамсы, как и целый ряд левых театров, пройдя через нигилистическое отрицание старой театральной культуры, упрощенно поняв задачу искусства, как голую политическую агитацию, не усвоили ленинского учения о закономерности театрального наследия. Этим и объясняется кризис многих трамвских театров». Авангардное искусство стало сходиться на «нет», в стране утвердилось единственное направление в искусстве – социалисти-

ческий реализм. Некоторые театры рабочей молодежи перешли в статус профессиональных или любительских театров. После 1938 г. в Кунгуре продолжала свою работу драматическая студия при клубе кожевников. Ее режиссерами были Г.М. Пивоваров, И.Ф. Серебряков [13, с. 3]. В фондах Кунгурского музея-заповедника более 260 единиц хранения основного и научно-вспомогательного фонда материалов, рассказывающих о деятельности трамбовского движения в Кунгуре в 20–30-е гг., в том числе личные фонды руководителей и участников этого движения.

### Список литературы и источников

1. Важенцев. Н.П. В Кунгурском полку // Искра. 1957. 6 сентября.
2. КГА. Ф.Р-134. Оп. 1. Д. 3.
3. КГА. Ф. 579. Оп. 1. Д. 27.
4. КГА. Ф. 315. Оп. 2. Д. 2576.
5. КГА. Ф – 78. Оп. 3. Д. 2. Л.
6. Кунгурский вестник. 1919. 13 марта.
7. Кунгурский вестник. 1919. 24 марта.
8. Кунгурский вестник. 1919. 5 апреля.
9. Лапшина С.Т. «Вольнодумье» кунгуряка А.П. Шадрина // Грибушинские чтения-2019. Кунгурский диалог. Пермь, 2019. С. 382, 384.
10. Ли Г.К. Воспоминания. ККМ. НА. № 207.
11. Миронова В.М. Трам. Агитационный молодежный театр 1920–1930-х гг. Л., 1977.
12. Отчет о деятельности и средствах Общества для пособия учащимся и попечения о народном образовании в г. Кунгуре и Кунгурском уезде за 1912 год. Кунгур: Типография М.Ф. Летунова, 1913.
13. Серебрякова И.Ф. Воспоминания. ККМ: рукопись.
14. Шадрин А.П. Мы – живгазетчики, мы – синеблузники! // Искра. 1988. 28 апреля.
15. Шевырин С.А. Из истории Кунгурской трудовой колонии для несовершеннолетних // Грибушинские чтения-2009. Музей в пространстве и времени. Кунгур, 2009. С. 17.

**ВЫСТАВКИ «ИСТОРИЯ В СУДЬБАХ ЛЮДЕЙ» (1990)  
И «СВЕТ И ТЕНИ XX В. ГОМЗИКОВЫ ИСТОРИЯ СЕМЬИ»  
(2002) КАК ПЕРВЫЙ ОПЫТ МУЗЕЙНОГО ОСВЕЩЕНИЯ  
«ЗАКРЫТЫХ» ТЕМ**

*И.А. Пятаева,  
заведующий, Музей-диорама в Мотовилихе  
(филиал Пермского краеведческого музея), Пермь  
diorama-perm@yandex.ru*

**Аннотация.** Рассматривается изменение роли музея в культурно-историческом пространстве города – от инструмента идеологической пропаганды к раскрытию «белых пятен» истории и ранее запрещенных тем.

**Ключевые слова:** музей; идеология; большевики; репрессии; выставка; интеллигенция.

**EXHIBITIONS «HISTORY IN THE DESTINIES OF PEOPLE»  
(1990) AND «LIGHT AND SHADOWS OF THE TWENTIETH  
CENTURY. GOMZIKOV'S FAMILY HISTORY «(2002)  
AS THE FIRST EXPERIENCE OF MUSEUM COVERAGE  
OF «CLOSED» TOPICS**

*I.A. Pyataeva,  
Head, Museum-Diorama in Motovilikha  
(branch of the Perm Museum of Local Lore), Perm  
diorama-perm@yandex.ru*

**Summary.** The paper considers the change in the role of the Museum in the cultural and historical space of the city-from an instrument of ideological propaganda to the disclosure of white spots of history and previously forbidden topics of history.

**Keywords:** Museum; ideology; bolsheviks; repression; exhibition; intellectuals.

В советское время музей являлся инструментом идеологической пропаганды. В течение нескольких десятилетий он рассказывал о том, как с приходом к власти большевиков началась новая



счастливая жизнь. Часто желаемое выдавалось за действительное, а правдивые исторические факты умалчивались.

После распада СССР перед сотрудниками «революционно-го» «Музея-диорамы в Мотовилихе» встала задача переосмысления событий новейшей истории. В 1991 г. окончательно определился новый статус Музея-диорамы как культурно-выставочного центра, в экспозиционных залах которого могут сосуществовать самые разнообразные выставки. Опыт прошедших лет показал, что Музей-диорама стал своеобразной экспериментальной площадкой для апробации актуальных или ранее «закрытых» тем Новейшей истории России. Эти выставки, являясь, безусловно, проблемными, однако охватывали довольно узкий хронологический период: первая четверть XX в. как период революционных потрясений, также были сделаны попытки коснуться темы политических репрессий 30–50-х гг.

В 1990-е – начале 2000-х гг. в экспозиционно-выставочной работе музея темы политической истории России затронуты не в привычном идеологически-пропагандистском ракурсе, а с учетом вновь открывшихся знаний и собранных материалов. Одна за другой появляются выставки, открывающие новые грани отечественной истории: «История в судьбах людей» (1990), «В поисках истины» (1998), «Интеллигенция и революция» (2000), «Свет и тени XX века. Гомзиковы: история семьи» (2002).

Авторы стремились рассказать о сложном трагическом периоде российской истории через судьбы людей. Взглянуть на события XX в. через призму жизни разных поколений. Обращались и к освещению деятельности интеллигенции, роль которой была особенно велика на переломных этапах развития государства. В эпоху крупнейших социальных катаклизмов, когда приходят в движение миллионные массы людей, именно представители интеллигенции формулируют политические программы и лозунги, обосновывают и разъясняют их людям.

Одной из первых попыток переосмысления советской истории стала выставка «История в судьбах людей» (1990). Она была приурочена к 100-летию Пермского краеведческого музея. Авторы описывали историю революционного движения в Прикамье в период 1895–1917 гг., рассказывали о духовной жизни разных социальных слоев населения [3].

Выставка «В поисках истины» (1998) подняла тему судьбы пермской интеллигенции первой четверти XX в. В экспозиции были представлены материалы о людях известных и малоизвестных. Мотовилихинский инженер В.Е. Гомзиков, профессор А.Г. Генкель, адвокат М.Н. Наговицын, врач М.Я. Бруштейн. Описывалась их деятельность в создании пермских просветительских и научных обществ, об открытии университета. Отдельной темой был представлен русский авангард 1910–1920-х г. в лице В. Каменского, П. Субботина-Пермяка, пермской мастерской слова «Мы» [2].

Как и везде, среди пермской интеллигенции были те, кто приближал революцию, боролся за нее (врач М.Я. Бруштейн), те, кто возлагал надежды на просветительство (оперный певец А.Д. Городцов, художник А.Н. Зеленин). Были и противники всяких революционных потрясений, например, редактор «Пермских губернских ведомостей» инженер Г.И. Кобяк. Яркими представителями революционного авангарда в искусстве были П.И. Субботин-Пермяк и В.В. Каменский. Вклад провинциальной интеллигенции, врачей, народных учителей, инженеров и служащих в поступательное развитие истории был огромным. На примере одного только города можно было представить глубинные поиски интеллигенции, поиски истины, смысла жизни, путей развития общества.

В 1905 г. в Перми и Мотовилихе просматривались три крупных слоя интеллигенции: область материального производства, область образования и культуры, чиновники различных рангов.

В мае 1905 г. на улицах появилось объявление «От пермского губернатора»: «В предупреждение уличных беспорядков и нарушения общего спокойствия всякого рода сборища, сходки, шествия по улицам запрещены. Приглашаю жителей Перми не принимать участия в подобных сборищах, во избежание всевозможных опасностей и случайностей, так как может быть пущено в ход огнестрельное оружие» [6].

Что послужило причиной?

Из следственных материалов по делу «О беспорядках в Перми 14–15 мая 1905 года» следует, что в доме Мешкова должно было состояться учредительное собрание местного отделения Всероссийского учительского союза. Неожиданно оно было запрещено губернатором, усмотревшим в программе вопросы политического характера. Недовольство учителей и собравшейся здесь же учащейся мо-

лодежи переросло в манифестацию в Загородном саду [5]. В списках демонстрантов раскрыт социальный состав участников революционного движения: «Находящихся в сфере наблюдения уже давно было 35 человек, из них 6 рабочих, 29 представителей городской интеллигенции. Из 29: 3 учителя, 10 служащих железной дороги, почты и телеграфа, кустарного и государственного банка, один медик среднего звена, один приказчик книжного магазина Пиотровских, 6 учащихся мужской гимназии и реального училища, 8 не назвали себя».

В дальнейшей помощи революционерам были замечены горные инженеры Пермского пушечного завода С.А. Ильин, Р.М. Башкевич, С.В. Белозеров, Н.П. Мякотин, Н.А. Попов, а также врач Александровской больницы. Во время захвата Мотовилихинского завода в декабре 1905 г. большевиками в беспорядках принимали участие инженерно-технические работники А.Е. Безсонов, А.Г. Дябин, А.Я. Соколов, Н.Н. Серовиков. По агентурным сведениям: в рабочую дружину входил фармацевт Мотовилихинской казенной аптеки П.П. Попцов, врач-дантист Х.Я. Усискин. Оказывали помощь раненым врачи заводской больницы Д.А. Соловьев, Баранов, Ф.А. Кестранек, земский врач М.Я. Бруштейн [1].

После декабрьского восстания 1905 г. в Мотовилихе губернатором были запрещены собрания, сходки, шествия и демонстрации. Была закрыта либеральная газета «Пермский край». По «Делу о стрельбе в Мотовилихе» было арестовано 101 человек (на 30 % – интеллигенция). Тюремный инспектор докладывал о раздельном содержании в тюрьме рабочих и интеллигенции. К двум годам крепости был приговорен врач В.М. Здравомыслов, редактор газеты «Камский край». Среди осужденных были учителя П.А. Матвеев, М.П. Федорова, А.Н. Ягодникова, Л.Н. Сюезев, В.С. Мутных, присяжный поверенный В.Н. Трапезников, инженерно-технические служащие А.Я. Соколов, Н.Н. Серовышков, А.Г. Дябин, А.А. Ахлюстин, агроном В.А. Владимирский, гимназист А.В. Семченко и другие [4].

Выставка «Свет и тени XX века. Гомзиковы: история семьи» (2002) стала еще одной попыткой музейщиков переосмыслить события XX в. В экспозиции прослеживалось желание подытожить его основные события, выделить среди них те, которые оказали наибольшее влияние на судьбу страны, народа. Авторы взглянули

на XX в. сквозь историю типичной рядовой семьи, примером которой можно считать семью Гомзиковых из Мотовилихи. Жизнь каждого из ее членов – яркая иллюстрация определенного этапа жизни страны, современниками которого они были. Среди них и революционер, и репрессированный, и участники Великой Отечественной войны. Кроме того, глава семьи В.Е. Гомзиков – фигура «знаковая» для Мотовилихи: он автор памятника Борцам революции на Вышке, который долгое время был символом района, изображение памятника являлось основой герба города Перми социалистического периода.

Обращаясь к основным моментам истории страны и истории типичной мотовилихинской семьи, авторы попытались отразить такие проблемы, как соотношение личного и общественного в разные периоды истории страны, влияние государства на личную жизнь, на семью как ячейку общества, выявить внутренние духовные устои семьи. Впервые музей открыл уникальную выставку, где показана жизнь разных поколений одной семьи на протяжении столетия [8].

Тема выставки охватывает XX в., начиная с событий Первой русской революции, участником которой был Василий Евлампиевич Гомзиков – глава семьи. Он обладал многими дарованиями: в свободное время плотничал, хорошо рисовал, писал стихи, играл на мандолине. Его жена Агния была дочерью священника. У них было трое сыновей: Валериан, Юлий, Игорь. На фоне основных событий XX в. разворачивается история обычной, но по-своему уникальной семьи Гомзиковых, чьи предки поселились в Мотовилихе более 200 лет назад. В 30-е гг. XX в. «жили бедно, но бедности этой как-то не замечали. В доме все постоянно переставлялось, менялось. Вся мебель была сделана руками Василия Евлампиевича. Читали много. Брали в библиотеке все толстые литературные журналы» [2].

Василий Евлампиевич Гомзиков родился 22 марта 1884 г. в семье столяра Мотовилихинского завода. Евлампий Гомзиков приложил все силы к тому, чтобы дать образование единственному сыну: в семь лет тот поступил в Мотовилихинскую земскую школу, затем в Мотовилихинское двухклассное министерское училище. Далее, в 1898–1901 гг., в Пермское техническое железнодорожное училище.

В январе 1904 г. Василий Гомзиков увлекся революционной деятельностью. Он помогал лидеру большевиков Александру Борчанинову в составлении и печатании листовок. Работа шла успешно, но в марте по доносу провокатора оба были арестованы. В тюрьме появилась подпольная кличка – Лампыч. После освобождения в июне началась активная подпольная работа. Гомзиков участвовал в митингах и демонстрациях. В ноябре 1905 г. Василий Гомзиков исчез из дому, чтобы избежать службы в армии. Он был арестован в январе 1906 г. в Воронеже и в мае этапирован в Пермь. 10 июня поступил в распоряжение пермского уездного воинского начальника, так как подлежал призыву еще в 1905 г. Таким образом, Василий Гомзиков не принимал участия в декабрьских революционных событиях в Мотовилихе [7].

К 1909 г. закончилась служба в армии, Василий Гомзиков поступил служащим Пермской железной дороги, откуда в мае был уволен как политически неблагонадежный. Дальнейший политический путь Гомзикова в источниках представлен довольно размыто, в какой-либо активной революционной борьбе он не упоминается.

Октябрьскую революцию Гомзиков встретил в Перми. Однако, участвуя в национализации частных предприятий, он усомнился в правильности террористических методов, которые применяли большевики. Гомзиков покинул партию 1918 г. Советские летописцы оправдывали его поступок вспыльчивым характером. Убеждали, что каких-либо принципиальных разногласий с политикой партии у Василия Евлампиевича не было: «Будучи честным человеком, он потом строго осудил свой поступок и тяжело его переживал. Однако вступить вновь в ряды партии не считал для себя возможным, так как в тяжелый год посмел выйти из нее» [7].

Отойдя от революционной и политической деятельности, в 1919–1940 гг. Василий Гомзиков работал на Мотовилихинском заводе техником-чертежником, а затем конструктором. Он навсегда вошел в историю Перми и Мотовилихи как автор памятника «Павшим борцам революции» и основатель историко-революционного мемориала на Вышке.

## Список литературы и источников

1. Бушмаков А.В. Пермь и пермяки [Электронный ресурс]. URL: <http://archive.perm.ru/projects/articles-and-publications/1116128-perm-and-perm-in-1905/> (дата обращения: 10.08.2019).
2. Выставка «В поисках истины»: тематико-экспозиционный план // Научно-ведомственный архив ГКБУК «Пермский краеведческий музей». Пермь, 1998.
3. Выставка «История в судьбах людей»: тематико-экспозиционный план // Научно-ведомственный архив ГКБУК «Пермский краеведческий музей». Пермь, 1990.
4. Дело о стрельбе в Мотовилихе // ГАПК. Ф. 160. Оп. 1. Д. 50.
5. Кириллов Б.П. Рассказы о Мотовилихе. Пермь: Пушка, 1998. 128 с.
6. Полицейский отчет о забастовках в Мотовилихе [Электронный ресурс]. URL: <https://uncle-ho.livejournal.com/129263.html> (дата обращения: 07.07.2019).
7. Революционеры Прикамья. 150 биографий деятелей революционного движения, работавших в Прикамье / под ред. Н.А. Аликиной, И.Г. Горовой. Пермь: Перм. кн. изд-во, 1966.
8. Экскурсия по выставке «Свет и тени XX века. Гомзиковы: история семьи»: текст // Научно-ведомственный архив ГКБУК «Пермский краеведческий музей». Пермь, 2002.

**«ГНЕЗДО РЕАКЦИОННОЙ И ПРЯМО ТАКИ  
КОНТРРЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОФЕССУРЫ»<sup>1</sup>  
(СУДЬБЫ УЧЕНЫХ-ГУМАНИТАРИЕВ  
ПЕРМСКОГО ПЕДИНСТИТУТА В 1930–1940-Е ГГ.)**

**С.А. Шевырин,**  
*кандидат исторических наук,  
заведующий научно-методическим отделом,  
Мемориальный музей-заповедник истории  
политических репрессий «Пермь-36»  
shevrin@mail.ru*

**Аннотация.** Анализируются судьбы двух ученых, которые никаким образом не боролись с советской властью, а хотели лишь заниматься наукой, исследованиями – двух завкафедрами – П.С. Богословского и И.М. Захарова. Их образ мысли и жизни не соответствовал активно внедряемому и пропагандируемому образцу «советского» человека и ученого, поэтому в начале 1930-х гг. начинается их травля, а в середине и конце 1930-х гг. – политические репрессии (арест и заключение в лагерь).

**Ключевые слова:** П.С. Богословский; И.М. Захаров; репрессии; Пермский государственный университет; Пермский педагогический институт; фольклористика.

**«NEST OF REACTIONARY AND DOWNRIGHT  
COUNTER-REVOLUTIONARY PROFESSORS»  
(THE FATE OF SCIENTISTS-HUMANITARIANS OF THE  
PERM PEDAGOGICAL INSTITUTE IN THE 1930S AND 40S)**

**S.A. Shevyrin,**  
*Ph. D., head of the scientific and methodological Department  
Memorial, Museum-reserve of history political repression “Perm-36”  
shevrin@mail.ru*

**Summary.** The fate of two scientists who in no way fought against the Soviet regime, but only wanted to do science, research – two head departments –

---

<sup>1</sup> Докладная записка об итогах обследования бригадой Уралобкома ВКП(б) пединститута, госуниверситета и работающих под их руководством обществ. 1931. ноябрь // ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 280. Л. 26–81.

P.S. Bogoslovsky and I.M. Zakharov. Their way of thinking and life did not correspond to the actively introduced and propagated model of the “Soviet” man and scientist, therefore, in the early 1930s. persecution begins, and in the mid and late 1930s. – political repression (arrest and imprisonment in the camp).

**Keywords:** P.S. Bogoslovsky; I.M. Zakharov; repression; Perm State University; Perm Pedagogical Institute; folklore.

В октябре 1930 г. педагогический факультет Пермского государственного университета был выделен в самостоятельный педагогический институт [3, с. 10]. Кафедру русской литературы возглавил профессор Павел Степанович Богословский. Павел Степанович – уроженец Пермской губернии – окончил Санкт-Петербургский историко-филологический институт в 1913 г., получил ученую степень магистра русского языка и словесности в 1916 г. При создании в 1916 г. Пермского отделения Санкт-Петербургского университета вошел в первый состав его преподавателей. В годы Гражданской войны продолжал преподавать в университете, а во время занятия белыми Перми публиковал статьи в белогвардейских газетах. При наступлении Красных войск в 1919 г. эвакуировался вместе с университетом в Томск. Эти факты биографии в будущем не раз скажутся на его судьбе.

Научным интересом Павла Степановича была этнография, фольклористика, краеведение. Первую научную работу П.С. Богословский под руководством проф. А.К. Борозднина написал о книгах Н.Е. Ончукова «Печорские былины» и «Северные сказки». В Перми Богословский создал свою этнографическую, краеведческую школу. Еще в 1916 г. он объединил группу преподавателей и студентов в Кружок по изучению Северного края (КИСК), в 1930 г. этот кружок был переименован в Пермское этнографическое общество. Главными задачами кружка и общества Павел Степанович ставил: «...живую связь между представителями чистой науки и любителями краеведами, а также с молодежью, идущей нам, уставшим, на смену для бескорыстной работы в области познания родного края» [7, ф. 1, оп. 1, д. 280, л. 47]. Проверяющая пединститут в 1931 г. бригада Уралобкома все высказывания Богословского о чистой науке подчеркнула, а в выводах написала «самый реакционный профессор».

Проблемы «чистой» науки обсуждались в апреле 1929 г. в Москве, когда ГАИМК (Государственная академия истории ма-



териальной культуры) организовала совещание этнографов Москвы и Ленинграда. Одним из важных тезисов этого совещания стало то, что этнография развивается вне марксизма-ленинизма и как «чистая» наука является – «буржуазной». После этого совещания к этнографам стали пристально присматриваться [8, с. 115–116].



Рис. 1. Павел Степанович Богословский

Помимо этнографического общества Павел Степанович много времени уделял развитию музеев в Перми. Он даже недолгое время был директором Пермского краеведческого музея (1924). После объединения художественного и научно-промышленного музея директором объединенного музея был назначен краевед и этнограф Александр Сергеевич Лебедев. А Богословский занялся созданием совершенно нового для нашего края музея – литературно-театрального [1, с. 142]. Этот музей размещался в здании университетского педагогического факультета – в здании, строящемся для Земской управы, но отданного под новый университет. Музей располагался в башенном круглом зале и имел около 20 тысяч единиц хранения (рис. 2). В этой коллекции были – рукописи Вячеслава Шишкова; рукопись романа Алексея Толстого «Петр I», переданная в дар музею автором через Шишкова; материалы по

истории Театра рабочей молодежи; мемуары известной русской певицы Ковельковой, выступавшей на сцене пермской оперы; редкие афиши – вся коллекция А.И. Чайкина. Письма Льва Толстого, подлинные фотографии писателей и поэтов того времени. Павел Степанович в течение нескольких лет собирал экспонаты через друзей, студентов и обращения через газеты: «Постановлением правления Пермского университета при последнем учреждается специальный, необходимый по соображениям учебного и научно-культурного характера, историко-литературный и театральный музей для собирания, хранения и изучения всякого рода материалов широкого литературно-театрального значения и, в частности, связанных с местным краем (Уралом и Прикамьем)». Далее листовка призывала общественность поддержать это полезное начинание университета и передать в музей портреты, бюсты, фотографии, биографический материал, рукописи, письма, воспоминания, литературные альбомы, афиши и другие вещественные и письменные материалы по истории литературы, театра, быта [4, с. 215–218]. В музее проводились различные мероприятия. Так, в архиве сохранилась афиша: 1 сентября 1931 г. музей устраивает платный вечер прибывшего в Пермь известного советского писателя В. Шишкова<sup>1</sup>. Писатель должен был прочитать несколько своих произведений. Сбор от этого вечера шел в пользу музея.



Рис. 2. Штамп Литературно-театрального музея

---

<sup>1</sup> Шишков Вячеслав Яковлевич – советский писатель (1873–1945), автор известных романов «Угрюм-река» и «Емельян Пугачев».

Для Пермского окружного отдела ГПУ и других партийных товарищей Павел Иванович всегда был «чужим». За профессорско-преподавательским составом пристально следили. Так, в архиве сохранился «Доклад 1 отделения Пермского Окротдела ОГПУ о состоянии профессорско-преподавательского персонала высшей школы» за первое полугодие 1929 г. [7, ф. 2, оп. 6, д. 13, л. 62–72]. В этом докладе профессор Богословский отнесен к соцгруппе «дети служителей религиозного культа» и из этого сразу делается вывод: «Антипролетарский соц. состав научных работников и преподавателей обуславливает и их идеологию – буржуазную». Далее рассматривается «отношение в ВКП(б) и диктатуре пролетариата» – большинство профессуры, и Богословский в том числе, советскую власть считают «диктатурой хама, необразованного, некультурного». В характеристике профессорско-преподавательского состава педфака ПГУ за 1930 г. о Богословском написано: «По происхождению – сын священника. По мировоззрению – идеалист с оттенком религиозности. В 1919 г. эвакуировался с белыми в Сибирь... Ввиду отсутствия марксистских сил по литературе возможно терпеть его до первой марксистской смены» [7, ф. 1, оп. 1, д. 103, л. 35–38].

С 13 по 22 ноября в Перми работала бригада Уралобкома по обследованию пединститута и госуниверситета и работающих под их руководством обществ. Итогом работы бригады стал почти 100-страничный документ с детальным анализом деятельности профессорско-преподавательского состава, руководимых ими обществ и печатных изданий этих обществ. Больше всего беспокойство бригады вызвал пединститут – почти полное отсутствие квалифицированных, выдержанных партийцев-профессоров и преподавателей. И «особенно плачевно обстоит дело с отделением и кафедрой литературы. Именно здесь, больше чем где-либо, обосновалось прямо таки гнездо реакционной и прямо таки контрреволюционной профессуры во главе с Богословским (завкафедрой) и Миртовым (зав. отделением)». Далее подчеркивается, что именно это отделение готовит специалистов-преподавателей на важнейшем идеологическом фронте – на 16 преподавателей всего два коммуниста. В аналитической записке подробно рассматриваются тематика и содержание четырех краеведческих сборников, изданных Кружком по изучению Северного края под редакцией Бого-

словского. Так, анализируя статью Богословского «К номенклатуре, топографии и хронологии свадебных чинов», после его слов «что касается послереволюционного состояния свадебного ритуала, то здесь умирание, потускнение его самого ... понятно при общем упадке и разрушении старинного бытового уклада с его песенной традицией», делается вывод: «Другими словами революция убивает и уничтожает “самое красивое”!» Статья профессора Василия Васильевича Гиппиуса о писателях, связанных с пермским краем (Порошин, Варакин, Вердеревский, Небольсин, Европеус), критикуется: «Напрасно искать в статье вскрытия социальной, классовой сущности произведений этих писателей...».

Общим выводом работы бригады стало: «На этом одном из важнейших участков борьбы имеет место сползание руководящего ядра коммунистов с партийных рельс, сдача важнейших позиций классовому врагу...». Труды КИСКА и этнографического общества были оценены как «пропаганда поповщины, мракобесия и шовинизма» [7, ф. 1, оп. 1, д. 280, л. 26–81].

В начале 1932 г. состоялось общее собрание научных работников г. Перми, на котором было решено: «Изгнать из членов секции Научных работников активного колчаковца, откровенного классового врага – Богословского, запретив в то же время ему преподавательскую работу как в высших, так и средних учебных заведениях». В вину ему ставилось «хранение религиозной обрядности и старины» [7, ф. 1, оп. 1, д. 301, л. 19–24]. Богословский и еще ряд преподавателей с его кафедры были уволены. Детей Богословского также попытались выгнать из учебных заведений. Для старшего сына, студента физического факультета университета, и младшего сына, учащегося школы № 7, это были только угрозы от дирекции, а среднего сына, учащегося ФЗУ, – исключили. Пришлось вмешаться Наркомпросу – из Москвы пришло секретное письмо, обязывающее Пермское горono «обеспечить возможность учиться детям профессора Богословского» [7, ф. 1, оп. 1, д. 516, л. 32]. Но Богословский уже собирался уехать из Перми. В Москве его тут же приняли ученым секретарем Краеведческого исследовательского института, где он и работал до ареста по (политической) статье 58 УК РСФСР в 1935 г. После суда был отправлен в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь, откуда был освобожден в 1940 г. Препо-

давал на литфаке Карагандинского учительского института им. В.М. Молотова до 1946 г. Судьба литературно-театрального музея сложилась следующим образом – многие дарители отозвали свои коллекции, экспонаты, часть осталась в педуниверситете – в основном книги и несколько фотографий. Музей перестал существовать [5, 6].

В 1934 г. почти на место Богословского пришел Иван Михайлович Захаров, окончивший историко-филологический факультет Казанского университет в 1910 г., беспартийный. Он стал деканом литературного факультета педуниверситета и заведовал кафедрой лингвистики. За два месяца до ареста защитил кандидатскую диссертацию в Ленинградском государственном педагогическом институте им. Герцена.



Рис. 3. Иван Михайлович Захаров

История ученого, правда в еще более жестком варианте, повторилась. Захаров был арестован 22 февраля 1938 г. по обвинению в участии в антисоветской диверсионно-террористической организации эсеров. К началу 1938 г. пермские следователи уже научились создавать на бумаге разветвленные антисоветские, террористические, диверсионные организации для выполнения прика-

зов НКВД, регламентирующих проведение «Большого террора» [9, с. 278–282]. Массовые репрессии 1937–1938 гг. коснулись миллионов людей. Основные черты репрессий тех лет: плановость арестов, то есть на места приходили контрольные цифры на количество людей, которых нужно арестовать; упрощенное ведение следствия, которое допускало «фабрикацию» дел, получение признания от арестованного любыми путями; рассмотрение дел не судом, а тройкой НКВД. В результате миллионы ни в чем не повинных людей были репрессированы – расстреляны, заключены в исправительно-трудовые лагеря. Так, только жителей Пермского края было арестовано с августа 1937 г. по ноябрь 1938 г. – 7959 человек, из них 5060 – расстреляно [2, с. 42–57]. Из материалов допросов бывших следователей НКВД можно узнать, как составлялись эти «дела»: «На 60 человек были формуляры, а на остальных совершенно не было материала, но требовали 100–300 человек, и когда у нас не было людей, то привезли откуда-то списки и стали арестовывать по фамилиям. Почему мы это делали, объяснить не могу» [7, ф. 641/1, оп. 1, д. 17092, т. 3, л. 344–384]. Для выполнения поставленных планов на аресты сотрудники НКВД, облегчая себе труд, фабриковали дела на организации, включающие в себя десятки людей.

Из дела Захарова видно, как в одну организацию пытались свести сотрудников Пермского краеведческого музея, школьных учителей и директоров, врачей, преподавателей вузов и студентов. Задачей эта придуманная организация ставила «развертывание широкой сети террористических и диверсионных групп из студентов и школьников для террора над руководителями ВКП(б) и советского правительства». Всего по этой организации у сотрудников НКВД проходили около 40 человек [7, ф. 641/1, оп. 1, д. 8701, л. 27–39].

Осенью 1938 г. Большой террор стал сворачиваться. Ивану Михайловичу Захарову и десяткам преподавателей и студентов повезло. Уже готовое дело 20 декабря 1938 г. было отправлено на следствие. Именно в этот момент и выяснилось, что привлекло внимание НКВД к Захарову – это донос одного из студентов пединститута, учившегося у Захарова: «В своем преподавании Захаров, допустил методологические извращения. Он противопоставил

высказывания Энгельса о языке буржуазному ученому Сепиру<sup>1</sup>. Преподавал теорию языка по Сепиру – определение учения о языке Сепира полное противоречие определениям Маркса – Энгельса – Ленина – Сталина. Также в преподавании допустил сопоставление употребления глаголов и других частей речи тов. Сталина и демагогических ораторов Государственной думы» [7, ф. 641/1, оп. 1, д. 8701, л. 72].

Сотрудники НКВД потребовали от преподавателей пединститута написать экспертное заключение о «методологических извращениях». 14 марта 1940 г. такое заключение было написано: «извращений не установлено» (но о сопоставлении речи Сталина и думцев все же было).

27 августа 1940 г. состоялось заседание Особого совещания при НКВД, которое обвинило Ивана Михайловича Захарова: «Не признавал Советской системы, был идеалистом» (рис. 4). Это обвинение потянуло на восемь лет исправительно-трудовых лагерей. После приговора был этапирован в лесозаготовительный Северураллаг. В 1943 г. освобожден досрочно, вернулся в Пермь – тогда Молотов – и почти сразу был взят доцентом кафедры языкознания госуниверситета, а с 15 сентября 1944 г. – и.о. заведующего кафедрой языкознания историко-филологического факультета университета. В 1946 г. награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В марте 1955 г. был реабилитирован. В феврале 1958 г. вышел на пенсию.

---

<sup>1</sup> Эдуард Сепи́р (англ. *Edward Sapir*, /sə'pi:t/; 26 января 1884 – 4 февраля 1939) – американский лингвист и антрополог. По мнению Сепира, язык, культура и личность сливаются в единое целое; язык – это «символический ключ к поведению», потому что опыт в значительной степени интерпретируется через призму конкретного языка и наиболее явно проявляется во взаимосвязи языка и мышления. Большое количество статей и его семинар в Йельском университете «Воздействие культуры на личность» не только привлекли внимание антропологов к индивидууму в его культурной среде, но и оказали заметное влияние на теорию психоанализа.



Рис. 4. Выписка из протокола Особого совещания по делу И.М. Захарова

Две очень похожие судьбы ученых в тоталитарном государстве, которое требует подчинения даже в мыслях и тем более – в научном поиске. «Чистая», то есть свободная от политики или других ненаучных факторов, наука признавалась «вредной» и даже опасной, раз ученых увольняли и осуждали к пребыванию в исправительно-трудовых лагерях. Но, несмотря на притеснения и репрессии, ученые оставили после себя значительный вклад в науку, формировали научные школы, собирали и анализировали фольклорный и языковой материал, и тяжелейшие условия лагерей ГУЛАГа не сломили их. И П.С. Богословский, и И.М. Захаров продолжили исследовательскую и преподавательскую деятельность после освобождения.

### Список литературы и источников

1. Богословская О.И. Моя университетская семья // Пермский университет в воспоминаниях современников / сост. В.И. Костицын. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1996. Вып. 4. С. 142.



2. «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. Пермь, 2006. С. 42–57.
3. Капцугович И.С. У истоков. Пермь, 2014. С. 10.
4. Кашихин Л. По следам исчезнувшего музея // Отчий край: краеведческий сборник. Пермь, 1975. С. 215–218.
5. Кашихин Л. По следам исчезнувшего музея // Отчий край: краеведческий сборник. Пермь, 1975. С. 215–218.
6. Костицина А.В. По следам исчезнувшей коллекции // Библиотеки вузов: контуры перемен: материалы городской межвузовской конференции. Пермь, 2004. С. 50–56.
7. ПермГАСПИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 103. Л. 35–38.
8. Слезкин Ю. Советская этнография в нокдауне: 1928–1938 // Этнографическое обозрение. 1993. № 2. С. 115–116.
9. Шевырин С.А. «Кулацкая операция» 1937–38 гг. в истории села Кояново // «...Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–38 гг. Пермь, 2006. С. 278–282.

